

Г О Д
ИЗДАНИЯ
ТРЕТИЙ

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

Л
А
Л
О
Р
Г
А
Н
И
Н
С
Т
И
Т
У
Т
А
Э
К
О
Н
О
М
И
К
И
К
О
М
М
У
Н
И
С
Т
И
Ч
Е
С
К
О
Й
А
К
А
Д
Е
М
И
И

О Р Г А Н
ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ

№ 6

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1931 ЛЕНИНГРАД

С Т А Т Ь И

М. Ямпольский — Вопросы заработной платы на современном этапе	3
П. Дубнер — Техническое планирование как база хозрасчета	32
Н. Диманштейн — Буржуазные теории оптимального размера предприятий	49
В. Пищев — К постановке проблемы географического размещения промышленности СССР	79
М. Люблинский — Производительные силы и производственные отношения при империализме	103

С О Д Е Р Ж А Н И Е

использование рабочей бригаде	119
экономика в широком и узком смысле	138

Критика и библиография

М. Герцбах — О книге Отто Бауэра „Рационализация — ошибочная рационализация“	151
М. Н. Смит — Современное обнищание пролетариата в свете теории Маркса	163
И. Блюмин — Письмо в редакцию	175

От редакции

Технич. ред. Я. Днепропетровский

7-я типография Мосполиграффа „ИСКРА РЕВОЛЮЦИИ“ Москва, Филипповский, 13

Уполи. главлита Б—8733

С.—Э (п) № 310

З. Т. 1666

Тираж 10.000

СтАт Б5 — 176 × 250. 11 п. л., 1/18 д.

М. ЯМПОЛЬСКИЙ

ВОПРОСЫ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В речи на совещании хозяйственников т. Сталин подчеркнул важнейшую причину невыполнения количественных и качественных показателей промфинплана. Она заключается в том, что:

«новые условия развития промышленности требуют работы по-новому, а некоторые наши хозяйственники не понимают этого и не видят того, что нужно руководить теперь по-новому. В этом причина отставания некоторых отраслей нашей промышленности».

Тем самым дан решительный отпор оппортунистической болтологии «околопартийных обызателей» и о нереальности плана, подчеркнута необходимость еще большей мобилизации сил для обеспечения большевистских темпов работы и дана боевая директива: решительно перестроить методы руководства хозяйственников в соответствии с новыми условиями работы промышленности.

Тов. Сталин подчеркнул как одну из важнейших причин невыполнения плана по промышленности, усилившуюся текучесть рабсилы в результате практикуемой ныне уравнительной системы заработной платы и неправильных методов тарифно-нормировочной работы. Вместе с тем в этой речи была поставлена задача «организовать заработную плату по-новому», «ликвидировать текучесть рабочей силы, уничтожить уравниловку, улучшить бытовые условия рабочего».

Среди отдельных хозяйственников и профессионалистов существует ложное представление, будто задача по-новому организовать заработную плату исчерпывается правильной постановкой технического нормирования. На совещании с работниками ОЭТ и ТНБ в Ленинграде представитель ТНБ «Красного путиловца» т. Шаганский заявил: «Я в корне против установки статьи т. Цыбульского в «Труде». Нужна правильная установленная техническая норма и баста»¹. Такая постановка вопроса является неправильной. Само собой разумеется, что техническое нормирование имеет решающее значение в деле регулирования заработной платы. Но когда сейчас выдвигается задача по-новому организовать заработную плату, необходимо увязать этот вопрос с процессами, происходящими на настоящем этапе развития пролетарской революции, являющимся первым этапом социализма и последним этапом нэпа, этапом, когда мы завершаем фундамент социалистической экономики, когда мы вступили уже в период социализма, когда вторая пятилетка предполагает завершение строительства социализма.

Характерным для современного этапа развития социализма является бурный рост промышленности, сопровождающийся огромным вовлечением рабочего класса в промышленность за счет вновь пришедших на производство рабочих, еще не прошедших заводскую выучку и не привыкших к фабричной дисциплине труда.

¹ „Труд“ от 8 мая.

Отсюда при огромном росте революционной активности рабочего класса, при ведущем и все возрастающем значении соцсоревнования и ударничества в рабочем классе имеют место отсталые и рваческие настроения, явное и скрытое сопротивление отдельных групп рабочих мероприятиям, направленным к укреплению трудовой дисциплины, против введения новых передовых методов работы, против ударничества. Мы имеем огромнейшие успехи в области проведения сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса и на этой основе огромный подъем социалистического сельского хозяйства, неизбежно сопровождаемого значительным улучшением материального положения основных масс крестьянства. Колхозник стал центральной фигурой земледелия. В результате успехов в области развития промышленности и социалистического сельского хозяйства мы ликвидировали безработицу, что представляет собой величайшее завоевание социализма, имеющее международное революционное значение. Все эти особенности поставили перед промышленностью целый ряд проблем, отмеченных т. Сталиным: организованное привлечение рабочей силы в промышленность путем планового заключения договоров с колхозами, а не ожидания рабочей силы самотеком; механизация промышленности, особенно трудоемких отраслей; закрепление рабочей силы и решительная борьба с текучестью путем лучшей организации заработной платы и улучшения материально-бытового обслуживания рабочих на основе ликвидации уравниловки и обезлички в оплате труда; лучшая организация труда, ликвидация обезлички на предприятиях во всех ее формах, в особенности ликвидация обезлички механизма, оборудования; во весь рост поставлена задача «добиться того, чтобы у рабочего класса СССР была своя собственная производственная техническая интеллигенция».

Поставлена величайшая задача обеспечения накопления не только в легкой промышленности, не только в сельском хозяйстве, но и в самой тяжелой промышленности, особенно машиностроительной. Эта задача имеет величайшее значение для обеспечения дальнейших бурных темпов роста нашей промышленности, необходимых для выполнения лозунга «догнать и перегнать». Существующая организация заработной платы и методы тарифно-нормировочной работы не обеспечивают успешного осуществления этих задач, а наоборот являются тормозом дальнейшего движения вперед. Основными недостатками организации заработной платы являются: забвение экономических сдвигов, происходящих в стране, господство системы уравниловки, обезлички, хаос в оплате различных групп рабочих: квалифицированных и неквалифицированных, работающих на тяжелой и на легкой работе. Например на Климовском машиностроительном заводе месячная заработная плата рабочего 2-го разряда достигает 425 руб., а токарь в инструментальном 6-го разряда получает 140 руб. Неудивительно, что на таком предприятии текучесть достигла чрезвычайных размеров, до 25%. В одной только литейной змае было принято 60, а ушло 120 человек².

На Ленинградском заводе им. Сталина «дикая» уравниловка в заработной плате фактически обесценивала квалификацию: так в механическом цехе рабочий 7-го разряда получает 1 р. 38 к. в час, а рабо-

² „Труд“ от 8 июля.

чий 6-го разряда — 1 р. 42 к.; в кузнице — рабочий 7-го разряда получает 1 р. 05 к., а 6-го разряда — 1 р. 40 к.; котельный рабочий 7-го разряда получает 1 р. 36 к., рабочий 6-го разряда в той же котельной получает 2 р. 11 к.³ Незначительное, совсем недостаточное применение и уменьшение удельного веса сдельной оплаты труда, господство повременщины, отсюда отрыв заработной платы от выработки рабочего. С 1930 г. по февраль 1931 г. мы имеем снижение сдельщины в процентах:

	1930	1931
По металлургии	69	63,8
Машиностроению	82,2	56,5
Вато	71,6	65,5
Основной химии	60	52,9
ВЭО	56,4	48,5

Уже после кампании по пересмотру норм и расценок, после ряда директив вышестоящих партийных и хозяйственных организаций в настоящий день мы все же имеем в угольной промышленности только 50% сдельщины, на транспорте — 60% сдельщины, в машиностроении — 60%. Но само проведение сдельщины в значительной степени обеспечивается тем, что вместо действительного проведения сдельщины значительная часть хозяйственников и профессионалистов ограничивается формальным бумажным проведением сдельщины.

В своем выступлении на X съезде железнодорожников т. Рухимович подчеркнул, что хотя на транспорте проведено 60% сдельщины, но фактически сдельщина составляет 10%. Очень часто сдельщина обесценивается тем, что хозяйственные и профессиональные организации ничего не делают для того, чтобы ее правильно организовать, для того, чтобы довести до рабочего нормы расценки.

Недостаточная уязвка системы заработной платы с социалистически-ми формами организации труда, применяемые тарифные сетки, выражающие уразнительную тенденцию, не обеспечивают правильного соотношения в оплате рабочих различных квалификаций и ведущих категорий рабочих. Например тарифная сетка металлистов имеет следующие коэффициенты и темпы нарастания:

Тарифная сетка металлистов

	1	2	3	4	5	6	7	8
Коэффициенты	1,01	1,20	1,45	1,70	1,95	2,2	2,5	2,8
Темпы нарастания	0	0,20	20,8	17,4	14,7	12,8	13,6	12,0

Эта тарифная сетка показывает, что по мере увеличения разряда мы имеем уменьшение темпа нарастания коэффициентов. Если из 1-го по 2-й разряд темп нарастания 20, то из 5-го в 6-й темп нарастания 12, из 7-го в 8-й — 12, в то время как переход в высшие разряды требует большей квалификации, чем переход из первого во второй.

То же самое мы имеем и по другим отраслям промышленности, например в строительной, где применяется 7-разрядная сетка и со-

³ „Правда“ от 13 июля.

отношение между 1-м и 7-м разрядами составляет 2,5; тарифные справочники не поспевают за изменениями и достижениями, происходящими в промышленности в области механизации, лучшей организации труда, не отражают новых профессий и квалификаций в связи с появлением новых производств, в связи с изменением организации труда, в силу этого они не выполняют регулирующей роли в тарифной работе; система заработной платы покоится на низком уровне технического нормирования, отражающем отсталую организацию труда. В промышленности имеет место господство статистических норм, норм, установленных на глаз или путем различных вычислений, оторванных от действительного состояния производства, не учитывающих огромные возможности повышения производительности труда.

Техническое нормирование занимает незначительное место. Например металлургический завод им. Петровского и Ленина насчитывает 2,3% технического нормирования, Горловский — 15%, Динамо — 15%, Уральская металлургия — 25%, Сохзсредмашина выполнила план пересмотра норм на 3,5%; на Бобринском строительстве почти совершенно отсутствует техническое нормирование. То же самое во всем строительстве в целом. При таком состоянии организации заработной платы и тарифно-нормировочной работы зарплата из фактора, способствующего выполнению основных задач развития промышленности, превращается в фактор тормозящий. Вот почему т. Сталин резко подчеркнул необходимость «отменить уравниловку и разбить старую тарифную систему».

Для того чтобы наметить основные пути перестройки заработной платы, необходимо внести ясность в вопросы о том, что представляет у нас заработная плата? Это вопрос связан с особенностями советской экономики. Особенность советской экономики в отличие от капиталистической заключается в том, что рабочий класс является владельцем средств производства. В нашей системе на социалистических предприятиях нет антагонистических классов. Здесь мы имеем восстановление единства между рабочей силой и средствами производства. В социалистической системе нет основного противоречия капиталистического хозяйства, противоречия между общественным характером производства и частным способом присвоения. Следовательно нет характерных черт, вызываемых этим основным противоречием.

На социалистических предприятиях не имеет места эксплуатация рабочих, производство прибавочной стоимости; так как рабочая сила не является товаром, она не является предметом купли и продажи, на социалистических предприятиях уничтожается грань между прибавочным и необходимым трудом. Необходимый труд расширяет свои пределы. Вот что писал Маркс:

«Устранение капиталистического способа производства позволит ограничить рабочий день необходимым трудом. При этом однако при прочих равных условиях необходимый труд должен расширить свои рамки. С одной стороны, условия жизни рабочего должны стать богаче, его жизненные потребности должны возрасти. С другой стороны, пришлось бы причислить к необходимому труду часть теперешнего прибавочного труда, именно тот труд, который требуется для образования общественно-запасного фонда и фонда накопления».⁴

⁴ „Капитал“, т. I, с. 510.

На социалистических предприятиях заработная плата определяется не стоимостью рабочей силы, а она устанавливается таким образом, чтобы наилучшим образом сочетать, с одной стороны, непрерывное улучшение материального положения рабочего класса, повышение его благосостояния и, с другой стороны, максимальные темпы социалистического накопления для того, чтобы выполнить основную задачу «догнать и перегнать». В этом особенность нашей советской экономики. Утверждения меньшевиков, троцкистов, сапроновцев о том, будто на социалистических предприятиях рабочая сила является товаром, имеет место присвоение прибавочной стоимости, эксплуатация—вытекают из непонимания особенностей советской экономики, в которой господствуют социалистические закономерности. В условиях капитализма рост производительности труда направлен против рабочего класса и ведет к относительному и абсолютному обнищанию.

Утверждения социал-фашистов Каутского, Бауэра, Гинзбурга, Рубина о том, что рост производительности труда улучшает положение рабочего класса, являются прикрасиванием капитализма и не соответствуют действительному положению. Маркс подчеркивал, что «по мере того, как капитал накапливается, положение рабочего должно ухудшаться, как бы высока или низка ни была его оплата»⁵.

Другое дело в Советском союзе. У нас рост производительности труда обеспечивает успешное развитие социализма, что означает непрерывное систематическое улучшение материального и культурного положения рабочего класса. Именно успехи социализма обеспечили неуклонное улучшение материального положения рабочего класса, ликвидацию безработицы, сокращение рабочего дня до семи часов, огромный рост обобщественного фонда зарплаты. Поэтому в условиях капитализма рабочий не заинтересован в повышении производительности труда, в улучшении производства.

«Поскольку средства производства в процессе капиталистического производства являются в то же время средством эксплуатации труда, сравнительная дороговизна или дешевизна этих средств эксплуатации столь же безразличны для рабочего, как безразлично для лошади дорогими или дешевыми удилами ею управляют»⁶.

Другое дело у нас. Рабочий непосредственно заинтересован в улучшении производства, поскольку в отличие от капитализма рост производительности труда является основой дальнейшего улучшения материального положения рабочего класса. Отсюда и особенности социалистической организации труда. Социалистическая организация труда опирается на активное участие и революционное творчество широких масс в организации и рационализации производства, на свободную, товарищескую, сознательную дисциплину рабочих, на самодеятельность и инициативу масс. Это коренным образом противоречит принципам капиталистической организации труда, где рабочий является объектом эксплуатации, придатком к машине и простым исполнителем отдельных операций.

Социалистическая организация труда дает огромный простор применению научной организации труда, рационализации производства и техники, в отличие от капитализма, где развитие техники и

⁵ „Капитал“, т. I.

⁶ Там же, т. III, ч. 1, с. 60.

рационализация производства тормозятся противоречиями капиталистической системы. Соцсоревнование и ударничество во всех формах (ударные бригады, встречный промфинплан, хозрасчетные бригады, рационализаторские группы) являются высшей формой социалистической организации труда и наглядным показателем огромного преимущества социалистической организации труда перед капиталистической. Именно в силу этих особенностей социалистической организации труда мы имеем возможность добиться невиданных темпов роста производительности труда, обеспечивающих на основе непрерывного улучшения материального положения масс максимальное накопление в темпах, которых ни одна капиталистическая страна не знает.

Однако не следует забывать особенностей переходной экономики и первого этапа социализма, вытекающих из того, что новые отношения переплетаются со старыми, что имеются различные уклады, классы, что построение фундамента социалистической экономики происходит в обстановке ожесточенной классовой борьбы против остатков капитализма и буржуазной стихии, что в отдельных звеньях рабочего класса, являющегося носителем, творцом нового способа производства, сильны традиции и привычки капитализма, не изжиты капиталистическое и рваческое отношение к труду, что рабочему классу в целом приходится вести ожесточенную борьбу за трудовую дисциплину, которая является одной из форм классовой борьбы пролетариата против мелкобуржуазной стихии. «Для социализма, — писал Ленин, — главная трудность состоит в обеспечении дисциплины труда». Поэтому в переходный период самодеятельность, инициатива рабочих, сознательная товарищеская дисциплина при их ведущем и все возрастающем значении в нашей экономике существуют наряду с принуждением, устанавливаемым рабочим классом в целом по отношению к отдельным прослойкам: тунеядцам, рвачам и отсталым элементам».

Огромное решающее значение для переходного периода и периода социализма Ленин придавал вопросу учета и контроля над мерой труда и потреблением. «Учет и контроль — вот главное, что требуется для налаживания, для правильного функционирования первой фазы коммунистического общества» («Государство и революция»).

Именно для мелкой буржуазии характерна боязнь и недооценка роли дисциплины, организации, учета и контроля. Вопросы трудовой дисциплины, учета и контроля труда и потребления, моменты принуждения будут иметь огромное значение не только в переходной экономике, но и при социализме, поскольку социализм, — низшая фаза коммунизма — «выходит из капиталистического общества покрытым во всех отношениях — экономическом, нравственном и умственном — родимыми пятнами старого общества» (остатки классового деления общества, разделение труда, наличие противоположностей между умственным и физическим трудом, наличие буржуазного права).

Именно потому, что проблема трудовой дисциплины, проблема привлечения к труду является сложнейшей проблемой переходной экономики и социализма, огромное значение приобретает наряду с ростом соцсоревнования и ударничества, коммунистического отношения к труду, материальная личная заинтересованность работника в успехах производства и создание экономических стимулов к труду. Создание экономических стимулов к труду не противоречит росту

соцсоревнования и ударничества, точно так же, как огромный рост творческой активности масс не умаляет задачи создания материальной заинтересованности. Наоборот задача именно заключается в том, чтобы создать материальную и личную заинтересованность для еще более мощного развития ударного движения, самостоятельности и инициативы масс. Поэтому неверным является утверждение троцкистствующих элементов и левых загибщиков, будто создание материальных личных стимулов противоречит социалистическим формам организации труда.

Эта установка коренным образом противоречит учению Маркса, Энгельса и Ленина об оплате труда при социализме. Ленин, развивая учение Маркса, еще накануне Октябрьской революции писал:

«Пока наступит высшая фаза коммунизма, социалисты требуют строжайшего контроля со стороны общества и со стороны государства над мерой труда и мерой потребления. В первой фазе коммунистического производства принцип «за равное количество труда — равное количество продуктов» должен оставаться в качестве регулятора (определятеля труда между членами общества)» («Государство и революция»).

«Заработная плата, — говорит Сталин, — даже при социализме должна выдаваться по труду, а не по потребностям».

Принцип «за равное количество труда — равное количество продуктов» является социалистическим. Это подчеркивал Ленин. Ленин писал: «Кто не работает, тот не должен есть». Этот социалистический принцип уже осуществлен. Однако это еще не коммунизм и это еще не устраняет «буржуазного права», которое неравным людям за неравное (фактически неравное) количество труда дает неравное количество продуктов («Государство и революция»). «Лишь на высшей стадии коммунистического общества, — писал Маркс, — лишь когда исчезнет холопская иерархия индизидов при разделении труда, а с нею и противоречие между умственным и физическим трудом; когда самый труд станет производственной жизненной потребностью, а не только средством к жизни; когда вместе с всесторонним развитием личности вырастут и производственные силы, и все родники общественного богатства изобильно потекут, — лишь тогда узкий буржуазный кругозор будет совершенно покинут, и общество напишет на своем знамени: «С каждого по его способностям, каждому по его потребностям»⁷.

Таким образом переход от оплаты по количеству и качеству труда к коммунистическому принципу распределения — с каждого по способностям и каждому по потребностям — связан с уничтожением разделения труда, с устранением противоречия между умственным и физическим трудом, связан с огромнейшим ростом производительных сил, который обеспечит всестороннее удовлетворение потребностей коммунистического общества.

Таким образом Маркс и Ленин подчеркивали огромнейшую роль и значение материальных личных стимулов как фактора развития социалистического общества и создания предпосылок для коммунизма.

Необходимость существования «заработной платы» при социализме и низшей фазе коммунистического общества связана с тем, что социализм выходит из капиталистического общества, «покрытым пят-

⁷ Маркс, Критика Готской программы, с. 56.

нами старого общества», что при социализме еще сохраняется разделение труда, противоречие между умственным и физическим трудом, следовательно еще существуют профессии, квалификации, что еще не изжиты окончательно традиции и привычки капитализма. Проблемы привлечения к труду и трудовой дисциплине, учета и контроля над мерой труда и потребления являются сложнейшими проблемами социалистического общества. Отсюда необходимость осуществления социалистического принципа оплаты по количеству и качеству труда каждого рабочего. Маркс, Энгельс и Ленин решительно выступали против вульгарного понимания социализма как эпохи, в которой устанавливается полное равенство и уравнительность, как эпохи, при которой отсутствует различие между индивидуумами, независимо от физических и умственных способностей. Они решительно выступали против мелкобуржуазного понимания равенства как дележки «порозну» общественного труда, независимо от результатов труда. Они неоднократно подчеркивали буржуазно-демократический характер лозунга равенства, его историческую обусловленность и ограниченность, различное понимание равенства разными классами общества в разных периодах истории борьбы классов.

«Представление о равенстве вытекает из равенства всеобщего человеческого труда в производстве товаров» (Маркс). «Равенство, — пишет Энгельс, — существует лишь в противоположность к неравенству, справедливость — лишь в противоположность к несправедливости». «Буржуазное равенство (уничтожение классовых привилегий) весьма отличается от пролетарского равенства (уничтожения самих классов)⁸. Равенство в области экономической, — писал Ленин, — это есть уничтожение классов... Уничтожить классы — это значит поставить всех граждан в одинаковое отношение к средствам производства всего общества, это значит — все граждане имеют одинаковый доступ к работе на общественных средствах производства, на общественной земле на общественных фабриках и т. д.»

Социализм уничтожает классы. Вместе с этим социализм уничтожает политическое и экономическое неравенство лишь в тех пределах, в каких неравенство вытекает из существования антагонистических классов: буржуазии и пролетариата, класса монополистов средств производства и класса продавцов рабочей силы.

Однако при социализме остается фактическое неравенство, поскольку социалистический принцип «за равное количество труда — равное количество продуктов» не устраняет «буржуазного права», которое признает неравную индивидуальную одаренность и работоспособность за естественные привилегии» (Маркс), и наиболее способных ставит в преимущественное положение.

При высшей фазе коммунизма, при господстве коммунистического принципа распределения «с каждого по его способностям, каждому по его потребностям», самый принцип равенства отпадает, так как говорит Энгельс: «Противоположность как по отношению к старому неравенству и к старому положительному праву, так и по отношению к новому переходному праву исчезает из практики. Тому, кто будет настаивать на педантическом представлении причитающейся ему равной и справедливой доли, в насмешку выдадут вторую порцию»⁹.

⁸ Энгельс, Анти-Дюринг, с. 348.

⁹ Там же, изд. 1930 г., с. 347.

В условиях капитализма заработная плата, оплата по труду представляет собой только лишь видимость, маскирующую сущность эксплуатации, она представляет иррациональное выражение цены рабочей силы. В условиях социализма оплата по труду не выражает стоимость рабочей силы. Рабочая сила не товар и не имеет стоимости. Оплата по труду определяется ростом материального богатства, производительных сил социалистического общества в целом в зависимости от количества и качества труда каждого рабочего. Поэтому оплата по труду не представляет иррационального выражения цены рабочей силы, не маскирует общественные отношения, а непосредственно выражает господствующий принцип распределения. В условиях капитализма заработная плата выражает антагонистические классовые отношения капиталиста и рабочего. В условиях социализма заработная плата выражает не классовые отношения общества, поскольку нет классов, она выражает общественные отношения, вытекающие из остатков разделения труда, из существующего различия между умственным и физическим трудом, из того, что еще окончательно не изжиты традиции и привычки капитализма, что труд еще не стал потребностью. Оплата по количеству и качеству труда представляет собой социалистическую форму учета и контроля над мерой труда и потребления.

В условиях переходной экономики и в первый период социализма оплата по количеству и качеству труда каждого работника принимает форму индивидуальной денежной зарплаты. Она так же, как и при социализме, определяется ростом производительности труда и материального богатства, количеством и качеством труда каждого рабочего. Вместе с этим оплата труда в переходную экономику имеет специфическую характеристику, поскольку существуют классы, поскольку пролетариату приходится преодолевать отчаянное сопротивление капиталистических элементов мелкобуржуазной стихии. В этом обществе имеют место деньги, торговля, хозрасчет в форме контроля рублем. В этих условиях заработная плата выражает общественные отношения, вытекающие не только из того, что еще не уничтожено разделение труда, еще не уничтожено различие между умственным и физическим трудом, еще не изжиты традиции и привычки капитализма в самом рабочем классе. Она выражает отношение борьбы социализма против капитализма, против мелкобуржуазной стихии, борьбы за трудовую дисциплину, которая представляет собою одну из форм классовой борьбы. Сохраняется наличие номинальной и реальной заработной платы. Борьба за реальную заработную плату есть одна из форм классовой борьбы пролетариата против капиталистических элементов, против мелких собственников, против бюрократизма. Победы на фронте повышения реальной заработной платы являются победами социализма над капитализмом и мелкобуржуазной стихией, советской кооперативной торговли над «нэпманским духом», победой планового начала над стихийным началом, победой социалистического пути развития над капиталистическим.

В этих условиях денежная форма заработной платы является основной формой заработной платы. Всякие попытки недооценки необходимости укрепления денег, недооценки денежной формы заработной платы, всякие утверждения, что сейчас, на современном этапе, в связи с вступлением в период социализма, основной формой

заработной платы становится натуральная форма, представляющая собою левацкий загиб. Развивая денежную форму заработной платы как основную форму, вместе с тем, нам необходимо вести решительнейшую борьбу за повышение реальной заработной платы и за улучшение снабжение рабочего класса. Денежная форма заработной платы является формой учета и контроля над мерой труда и потребления в условиях переходной экономики и первого этапа социализма. При развитом социализме, когда не будет денег, когда учет и контроль над мерой труда и потребления будут происходить в трудовых единицах, проблема номинальной и реальной заработной платы снимается, поскольку уничтожаются экономическая база существования денег и сами деньги.

Тогда каждый работник социалистического общества получает «из общества квитанцию в том, что отдал ему столько-то труда (за вычетом труда в пользу общественных фондов), и за эту квитанцию получает из общественных складов средства потребления в количестве, стоящем такого же количества труда. Сколько труда он отдал обществу в одной форме, столько же и получает обратно в другой»¹⁰.

Итак, заработная плата в переходной экономике и в период социализма представляет собою часть общественного продукта, принадлежащего рабочему классу в целом, идущего на личное потребление в зависимости от количества и качества труда. Следовательно при социализме, при первой фазе коммунизма мы будем иметь индивидуальную оплату труда по его количеству и качеству как социалистическую форму распределения общественного продукта, идущего на личное потребление.

Меньшевики, контрреволюционный троцкизм и другие защитники уравниловки никогда не понимали особенностей социализма как общественно-экономической формации, происходящей и исторически развивающейся из капитализма.

Для них, с одной стороны, характерно вульгарно утопическое представление о социализме как об эпохе, в которой царствуют мелкобуржуазная уравнивательность и дележка, отождествление перзой и высшей фазы коммунизма, непонимание особенностей, вытекающих из того, что первая фаза коммунистического общества — социализм, «только что вышла из капиталистического общества после долгих мук родов» (Маркс); с другой стороны — механистическое перенесение закономерностей капитализма на советскую экономику, непонимание особенностей советской экономики в отличие от капитализма, отрицание социалистического характера нашей революции, пролетарского характера советского государства, социалистического характера государственных и кооперативных предприятий.

Именно поэтому они утверждают, что в советской экономике рабочая сила является товаром, имеет место эксплуатация, производство прибавочной стоимости, именно поэтому они отождествляют сущность зарплаты в советской экономике и капитализме.

Неверным является утверждение, имеющее значительное распространение, будто бы заработная плата в переходный период представляет капиталистическую форму, содержанием которой являются социалистические производственные отношения. Эта точка зрения является неправильной, ибо капиталистическая форма заработной пла-

¹⁰ Маркс, Критика Готской программы, с. 55.

ты предполагает наличие антагонистических классов, антагонистического распределения, основанного на присвоении прибавочной стоимости, основанного на том, что заработная плата регулируется стоимостью рабочей силы. Поэтому утверждение о том, что у нас заработная плата представляет собой капиталистическую форму, даже при признании социалистических отношений на советских предприятиях, представляет собой утверждение троцкистского характера и не отражает действительных общественных отношений в нашей экономике.

Методологически в данном случае имеет место искажение материалистической диалектики в вопросе о соотношении формы и содержания.

Точно так же неверно представление, будто существование заработной платы связано с известным консерватизмом, что заработная плата у нас только одно название, один термин. Здесь имеет место непонимание того обстоятельства, что существование заработной платы в переходной экономике и существование индивидуальной оплаты труда при социализме имеет глубокое основание и связаны с особенностями развития переходной экономики и социализма.

Совершенно неверным поэтому является утверждение т. Струмилина, имеющее известное распространение, что «тенденция к обобществлению заработной платы неизбежно должна получить дальнейшее свое развитие... И со временем индивидуальная часть заработной платы превратится лишь в специальный добавочный премиальный фонд, за повышенного качества индивидуальную работу»¹¹.

В том, что мы будем иметь непрерывный рост обобществленной заработной платы в связи с успехами социализма, в этом нет сомнения. Но совершенно неверным, противоречащим учению Маркса и Ленина, является «левачкое» утверждение, будто сейчас на первом этапе социализма индивидуальная часть заработной платы будет уничтожена и превратится лишь в специальный добавочный премиальный фонд. Маркс и Ленин наоборот подчеркивали необходимость индивидуальной оплаты труда как основной формы оплаты не только для переходной экономики, но и для периода социализма.

Уровень заработной платы в советской экономике определяется развитием производительных сил, ростом материального богатства. Чрезвычайно важным вопросом планирования заработной платы является проблема соотношения заработной платы и производительности труда. Известно, что в восстановительный период мы имеем такие годы, когда заработная плата обгоняла темпы роста производительности труда, по существу только в 1929 г. мы имеем решающий перелом в деле роста производительности труда. Производительность труда начинает быстрее расти, чем темп роста заработной платы. Это было подчеркнуто т. Сталиным в известной статье «Год великого перелома». Он пишет: «Едва ли можно сомневаться, что одним из самых важных фактов, если не самым важным фактом нашего строительства за последний год, является тот факт, что нам удалось добиться решительного перелома в области производительности труда»¹².

¹¹ „Основные проблемы контрольных цифр народного хозяйства СССР“ за 1929/30 г., с. 31.

¹² „Вопросы ленинизма“, с. 532—533.

Каково же будет дальнейшее соотношение заработной платы и производительности труда? Известный правый оппортунист Айхенвальд в своем учебнике «Советская экономика и экономполитика» формулирует проблему соотношения заработной платы и производительности труда следующим образом:

«Конечно, вовсе не всегда обязательно, чтобы сначала произошло повышение производительности труда, а за ним уже следовало бы улучшение положения рабочего, хотя бы его заработной платы».

Дальше он пишет: «Возможно, что и в будущем заработная плата временами будет забегать вперед, и производительность труда будет ее потом догонять. Вероятно будет и обратный период: рост производительности труда будет временно идти впереди повышения заработной платы».

Он требует в политике заработной платы равномерного темпа в росте заработной платы и в росте производительности труда.

То же самое т. Струмилин. В своем труде «Очерки советской экономики» он констатирует, что за 1928 г. мы имели более быстрый рост производительности труда по сравнению с ростом заработной платы, и подчеркивает это как неудовлетворительное явление. Он требует параллельности в росте производительности труда и заработной платы. Такое разрешение проблемы не может нас удовлетворить, оно является оппортунистическим, недооценивающим преимущества советской экономики.

Основное преимущество социалистической системы заключается в том, что мы имеем возможность обеспечить быстрый темп роста материального положения рабочего класса на основе максимальных темпов роста социалистического накопления. По мере развития социализма и ударничества, новых форм социалистической организации труда, роста технической реконструкции, вовлечения в промышленность новых гигантов, построенных на основе передовой техники, по мере роста социализма мы будем иметь такое положение, когда темп роста производительности труда будет все быстрее, чем темп роста заработной платы. Уже 1931 г. дает показатели: 28% роста производительности труда и 6% роста номинальной заработной платы. Быстрый рост производительности труда по сравнению с заработной платой является закономерностью развития социализма, является необходимым условием выполнения решающей задачи пролетарской революции: «догнать и перегнать» передовые капиталистические страны.

Само собой разумеется, что уровень благосостояния масс не исчерпывается номинальной заработной платой, что в результате огромнейшего роста производительности труда, в результате достижений в области снижения себестоимости уровень благосостояния рабочих масс будет расти быстрее, чем сама номинальная заработная плата.

Чрезвычайно большое значение имеют такие явления, как переход на 7-часовой рабочий день, а в перспективе 6-часовой рабочий день, рост обобщественного фонда, идущего на удовлетворение потребностей рабочих в целом: соцстрах, фубр и т. д.

Огромнейший рост творческой инициативы и трудового подъема широких масс рабочих и трудящихся, получивших свое выражение в росте социализма и ударничества во всех их многообразных формах, является основным величайшим фактором повышения производительности труда, так как именно социализм и ударни-

чество создают самое главное, необходимое для поднятия производительности труда: трудовой энтузиазм, волю к труду и большевистское упорство.

Иные думают, что в реконструктивный период и в период социализма проблема повышения интенсивности труда снимается, что увеличение интенсивности труда противоречит коммунистическому принципу. Такое утверждение является неверным, меньшевистским, либеральным.

Известный меньшевик Ерманский в своей книге выступает против сдельщины именно потому, что она может привести к увеличению интенсивности. Именно Ерманский противопоставлял интенсивность рационализации труда. Повышение интенсивности труда противоречит рационализации, так утверждает Ерманский¹³. Это утверждение является в корне неверным, ибо повышение интенсивности не противоречит рационализации, а является предпосылкой для еще большего развития рационализации и роста техники. Перед нами стоит огромнейшая задача увеличения интенсивности труда, т. к. у нас еще не достаточно заполнен рабочий день. Еще в некоторых местах вместо 7-часового рабочего дня рабочие работают 4—5 часов.

С другой стороны, переход на 7-часовой и 6-часовой рабочий день дает возможность обеспечить большую интенсивность труда и улучшить благосостояние рабочего класса. Социализм представляет собою более высокую интенсивность труда, чем капитализм.

«Чем сильнее растет производительная сила труда, тем больше может быть сокращен рабочий день, а чем короче рабочий день, тем сильнее может расти интенсивность труда»¹⁴.

В условиях капитализма интенсивность идет за счет извлечения прибавочной стоимости, за счет истощения рабочего класса, а при социализме увеличение интенсивности не истощает рабочего, а ведет к его гармоническому развитию потому, что рабочий работает в условиях сокращенного рабочего дня, в лучших условиях, когда максимально улучшаются сами условия труда, когда непрерывно улучшается материальное положение рабочего класса.

При социализме повышение интенсивности не истощает рабочего, а ведет к гармоническому развитию социалистического работника. Необходимо решительно бороться против мелкобуржуазных либеральных установок о невозможности развивать интенсивность труда при социализме. Соотношение заработной платы и производительности труда решается в зависимости от роста общественной производительности труда в целом, а не от роста производительности труда данной промышленности, данного завода. Во время восстановительного периода мы имели такое положение, когда уровень заработной платы каждой отдельной отрасли промышленности и даже предприятия определялся в зависимости от состояния производительности труда данной отрасли производства, от ее прибылей, рынка. Рентабельность имела известное значение при регулировании заработной платы рабочих каждой отдельной отрасли промышленности. В результате мы получили такое положение, когда горнорабочий и рабочий металлургии, решающей отрасли промышленности, занимавшей в до-

¹³ О. А. Ерманский, Теория и практика рационализации, с. 185—188.

¹⁴ „Капитал“, т. I, с. 510.

военное время первые места по заработной плате, в 1924/25 г. занимали почти последнее место.

Несмотря на неоднократные решения о подтягивании заработной платы отсталых отраслей промышленности, несмотря на некоторые известные успехи в области подтягивания заработной платы решающих отраслей, нужно подчеркнуть, что эти успехи являются совсем недостаточными, что в этой области мы еще сделали недостаточно, что заработная плата горнорабочего, металлургов и рабочих других решающих отраслей промышленности не соответствует тому назначению, какое они имеют в нашей экономике. В 1928/29 г. по уровню зарплаты каменноугольная промышленность занимает двадцатое место, металлургия—пятнадцатое место, и в 1931 г. уровень заработной платы каменноугольной промышленности находится далеко позади уровня заработка рабочих резиновой промышленности, полиграфической, обувной, бумажной, стекольной. Железорудная промышленность находится позади швейной промышленности. На Украине по заработку рабочих угольной промышленности Донбасса занимает восьмое место. В Подмосковной области средний заработок рабочего в угольной промышленности в начале 1931 г. равен 63 р. 05 к., в то время, как в кожевенной промышленности—111 р., ремонтные слесари в каменноугольной промышленности получают 2 р. 96 к. в день, в табачной—7 р. 56 к., а кочегар каменноугольной промышленности получает 2 р. 03 к., в химической промышленности 7 р. 56 к. Черноработчий в каменноугольной промышленности получает 1 р. 66 к., а в резиновой промышленности 4 р. 62 к. И это несмотря на решающее значение угольной промышленности в настоящее время.

Почему горнорабочий или рабочий металлургического производства должен получать меньше рабочего кожевенной, пищевой или швейной промышленности, в то время когда они являются решающими в нашем хозяйстве? Сейчас, когда мы вплотную подходим к вопросам заработной платы, когда планирование возросло и охватывает не только промышленность, но и все отрасли нашего хозяйства, необходимо принять более решительные шаги, чтобы коренным образом изменить соотношение между уровнем заработка различных отраслей промышленности и обеспечить рабочим решающих отраслей промышленности (угольная, металлургия, химия, транспорт) более высокую оплату труда в соответствии с их ролью в нашей экономике.

Центральным вопросом политики заработной платы является не только установление общего фонда заработной платы, хотя и это имеет чрезвычайно важное значение. Мы несомненно имеем небывалый рост материального и культурного положения рабочего класса. Но не меньшее значение имеет распределение заработной платы таким образом, чтобы осуществить задачи, выдвинутые нынешним этапом, чтобы наилучшим образом использовать заработную плату как один из факторов развития производительности труда, как один из факторов закрепления рабочей силы и борьбы с текучестью, как один из факторов, стимулирующих повышение квалификации, стимулирующих дальнейшее развитие социализации и ударничества, рационализацию производства, лучшую организацию труда. Зарплата является не только проблемой уровня благосостояния, но и проблемой организации труда. «Распределение,—писал Ленин,—есть метод, орудие и средство для повышения производства». Центральным вопросом является уничтожение уравниловки и обезлички.

Тов. Молотов еще на IV съезде советов подчеркнул, что «по существу эта линия на нивелировку насковзь мелкобуржуазная и не имеет ничего общего с политикой ленинизма. Без жестокой борьбы против таких насковзь мелкобуржуазных тенденций нельзя на деле обеспечить большевистских темпов подъема хозяйства».

Тов. Сталин подчеркнул необходимость «отменить уравниловку и разбить старую тарифную систему». «Кто строит теперь тарифную систему на принципе уравниловки без учета разницы между трудом квалифицированным и трудом неквалифицированным, тот рвет с марксизмом, рвет с ленинизмом», ибо уравниловка ослабляет стимул к повышению производительности труда, стимул к повышению квалификации, к переходу на наиболее сложную работу, на работу в горячие цехи, на подземную работу.

Маркс, Энгельс и Ленин всегда давали отпор уравнильным теориям, партия всегда решительно боролась против попытки протащить уравнильность в практику социалистического строительства. Партия всегда оценивала уравнильность как мелкобуржуазный левацкий принцип. Известно, что именно Троцкий выступал во время профсоюзной дискуссии с защитой уравнильного принципа. «В области потребления,—писал Троцкий,—т. е. в условиях личного существования трудящихся, необходимо ввести линию уравнильности. В области производства принцип ударности еще надолго останется у нас решающим»¹⁵. Известно, что именно Ленин решительно выступал против этой теории. Он на полях замечает: «И в потреблении ударность и в производстве». В другом месте Ленин пишет: «Предпочтение в ударности есть предпочтение в употреблении... Без этого ударность—мечтание, облачко, а мы все-таки материалисты и рабочие материалисты. Если говоришь ударность, тогда дай хлеба и одежду, и мясо»¹⁶. Ленин неоднократно подчеркивал, что уравнильность несовместима с ударностью. Уравнильность противоречит ударным принципам производства. Известно, что именно правые оппортунисты из ВЦСПС в своей практике проводили уравнильную политику, поскольку они меньше всего интересовались вопросами социалистического строительства, недооценивали необходимости высоких темпов развития, противопоставляли защитные функции рабочих функциям участия рабочих в производстве и строительстве социализма. Однако еще до сих пор имеет место значительное распространение идей уравнильности, ложное представление, будто уравнильность является социалистическим принципом распределения, будто уравниловка является наиболее прогрессивным принципом оплаты труда. Яркой иллюстрацией распространности идеи уравнильности является тот факт, что сборник «На новом этапе» проникнут основной идеей, что «новый этап социалистического строительства предполагает переход к уравнильной системе оплаты труда»¹⁷. Такие настроения имеют глубокие корни в нашей экономике.

Именно отсталые группы рабочих являются носителями идей уравнильности на предприятии. Именно кулак является носителем и проповедником идей уравнильности для колхозов. Проповедь идей уравнильности и проведение этих идей на практике представляют

¹⁵ „Правда“ от 5 июля, Речь т. Сталина, „VI Ленинский сборник“.

¹⁶ Ленин, Соч., т. XXVI, с. 70.

¹⁷ Сб. „На новом этапе“, под ред. Струмилина.

собою прямую поддержку классовому врагу, поскольку эта уравнительность направлена на ослабление темпов развития нашего хозяйства, на развал колхоза. Проповедь уравнительности есть одна из форм классовой борьбы против социализма.

Известно, что одним из любимых приемов классового врага, в особенности его теоретиков, является дискредитация идеи социализма, проповедь социализма как эпохи, в которой господствует уравнительность, где уничтожено индивидуальное различие. Вот например, что писал маститый представитель белогвардейщины и русской контрреволюции Струве:

«Социалистическая точка зрения, основанная на производительности или успешности производительного процесса, на дифференциальной оплате труда, есть радикальное отступление от уравнительной или эгалитарной основы социалистического хозяйства, и то, что социалистическая мысль и социалистическая власть обращаются к этому выходу, не есть обстоятельство, чисто исторически определяемое культурным уровнем русского народа, а есть существом дела обусловленная сдача центральной принципиальной позиции социализма не как правовой или экономической техники, а как социально-политической идеологии, отказ от эгалитарных идей. Для коммуниста обобществление хозяйства есть средство, уравнительность же представляет цель»¹⁸.

Выступая против такой проповеди идей социализма, проводимой в частности Туганом, Ленин писал: «Туган повторяет старые приемы реакционеров—сначала извратить социализм, приписав ему нелепость, а потом победоносно отвергать нелепицу. Когда говорят, что опыт и разум свидетельствуют, что люди не равны, то под равенством разумеют равенство способностей или одаренности физических сил и душевных способностей» и т. д. Ленин подчеркивал классовый смысл этого приема, именно дискредитировать социализм в глазах рабочих и трудящихся масс. Известно также, как мировая буржуазия восприняла речь Сталина, подчеркнувшую необходимость решительной борьбы с уравнительностью. Она оценивает речь Сталина как отступление от социализма назад к капитализму.

Каковы задачи борьбы с уравнительностью? Прежде всего правильное проведение принципа ударности в политике заработной платы. Это означает необходимость обеспечения более высокой заработной платы рабочим решающих отраслей производства, районов, заводов. Необходимо коренным образом изменить то соотношение, которое мы сейчас имеем в оплате труда между различными отраслями промышленности. Необходимо обеспечить более повышенную заработную плату квалифицированным рабочим, для этого разбить действующие тарифные сетки и построить новые. Необходимо обеспечить более высокую заработную плату работникам тяжелого труда. Подход к тяжелому труду как к труду простому, неквалифицированному является неверным. Этот подход оставлен нам в наследство от капитализма. Маркс относит к случайным обстоятельствам «то, что труд, который требует большого физического напряжения и кроме того нездоров, фигурирует как простой труд». Маркс объясняет это тем, что «различие между сложным и простым трудом отчасти основывается просто на иллюзиях или по меньшей мере на различиях, кото-

¹⁸ Цитир. по М и л ю т и н у, История экономического развития СССР, изд. 1928 г., с.278-279.

рые давно перестали быть реальными и продолжают существовать как традиционная условность; отчасти на более беспомощном положении известной части рабочего класса, благодаря чему они не в состоянии как другие вынудить оплату своей рабочей силы по ее стоимости»¹⁹

Но это имело место в условиях капитализма. В условиях советской экономики, когда господствует принцип оплаты по количеству и качеству труда, не ясно ли, что нам нужно коренным образом изменить взгляд на тяжелый труд. Мы должны обеспечить более повышенную оплату работников, занятых на тяжелых работах, точно так же, как мы должны обеспечить более высокую оплату квалифицированным рабочим. Эту задачу подчеркивал со всей резкостью т. Сталин. Он говорил: «Надо организовать такую систему тарифов, которая бы учитывала разницу между трудом квалифицированным и трудом неквалифицированным, разницу между трудом легким и трудом тяжелым» (из речи Сталина на совещании хозяйственников).

Наконец борьба с уравнительностью требует обеспечения повышенной оплаты ведущим категориям рабочих, имеющим решающее значение в данной отрасли промышленности или заводе в деле обеспечения темпов производства и закрепления рабочей силы. Именно такой борьбой с уравниловкой мы успешно выполним задачу борьбы с текучестью, создадим стимулы для повышения квалификации и перехода на тяжелую работу. Задача борьбы с уравниловкой требует не только уничтожения уравнительности в области индивидуальной заработной платы рабочих, но и уничтожения уравниловки в области использования обобщественного фонда заработной платы, соцстраха, фубра и т. д. Нам необходимо использовать и этот обобщественный фонд для максимального стимулирования ударничества и борьбы с текучестью.

Совсем по-иному походит к этой проблеме Струмилин. Он пишет: «Эти формы общественного распределения народного дохода, поскольку они в конечном счете служат той же цели воспроизводства рабочей силы, мы тоже подводим под понятие заработной платы, но уже обобщественной, социализированной или, говоря точнее, коммунизированной, т. к. она распределяется по коммунистическому принципу «каждому по его потребностям»²⁰.

Таким образом Струмилин, теоретические труды которого представляют помесь марксизма и теории предельной полезности, и отличаются путанностью и эклектикой, наряду с меньшевистскими утверждениями о все возрастающей норме прибавочной стоимости в советской экономике делает огромный левацкий заскок, требуя осуществления коммунистического принципа «каждому по потребностям» в деле распределения обобщественного фонда зарплаты. Это коренным образом противоречит партийной линии, заключающейся в максимальном использовании этих средств для поощрения ударничества, лучшей работы, борьбы с текучестью и т. д.

Задача увязки заработной платы с производительностью труда, решительная борьба с уравнительностью, осуществление учета и контроля над мерой труда требуют внедрения неограниченной сдельщины. Именно сдельщина является наилучшей формой заработной платы, больше всего обеспечивающей связь заработной платы с выра-

¹⁹ „Капитал“, т. 1, с. 136.

²⁰ „На новом этапе социалистического строительства“, с. 46.

боткой каждого рабочего, стимулирующей поднятие производительности труда, обеспечивающей осуществление социалистического принципа оплаты труда по количеству и качеству его. Наоборот повременина является формой заработной платы, ослабляющей стимул к поднятию производительности труда, ослабляющей возможность осуществления учета и контроля над мерой труда, способствует созданию атмосферы безответственности и безразличия к производству. В условиях капитализма сдельщина являлась способом капиталиста извлечь большую прибавочную стоимость, увеличить его эксплуатацию. Способ усиления надзора за рабочим вел к ухудшению положения рабочего класса.

Сдельщина по существу представляет собою превращенную форму позременной оплаты, которая в свою очередь является превращенной формой стоимости или цены рабочей силы. Другое дело в условиях советской экономики. У нас сдельщина является способом повышения производительности труда, способом действительного осуществления социалистического принципа распределения по количеству и качеству труда. Она способствует поднятию материального благосостояния рабочего класса, повышению его заработной платы, т. к. у нас сдельщина как форма заработной платы не является превращенной формой стоимости рабочей силы и рост производства не ведет к ухудшению положения рабочего класса.

Ленин неоднократно подчеркивал необходимость проведения сдельщины. Он писал: «На очередь надо поставить, практически применять и испытать сдельную оплату»²².

И программа нашей партии подчеркивает необходимость развития поощрительных систем оплаты труда. Разумеется, что проведение сдельщины требует серьезной работы по техническому нормированию, по постановке учета труда. Необходимо решительно объявить борьбу с попытками формального проведения сдельщины, когда сдельщина проводится в условиях хаотического состояния технического нормирования, в условиях, когда рабочие не знают ни своих норм, ни расценок, как это имеет место на транспорте, в строительной промышленности, да и на целом ряде других предприятий.

В условиях, когда сдельщина стала боевой партийной директивой, когда всякое сопротивление введению сдельщины представляет собой нарушение партийной линии и встречает жестокий отпор со стороны рабочих, общественности, печати, формальное, бумажное проведение сдельщины оппортунистическими и бюрократическими элементами является главнейшей опасностью для правильной организации труда и грозит срыву проведения партийных директив о сдельщине. Вот почему необходима решительная борьба против попыток формального и бумажного проведения сдельщины. Необходимо опровергнуть левацкие установки, утверждающие, что принцип сдельщины противоречит социалистической форме организации труда, что нынешний этап требует сокращения сдельщины, а такие установки имеют еще значительное распространение.

Известно, что именно теоретик троцкизма Преображенский в «Новой экономике» писал: «Система сдельщины позволяет выжать все зоз-

²² Ленин, Соч., т. XV, с. 209.

можное из индустриальных буржуазных стимулов к труду, которые при социализации средств производства означают, вообще говоря, отставание от новой формы собственности на целую эпоху. Само-развитие техники, увеличение роли транспорта, электрификации, сокращает область труда, где возможна сдельщина. С другой стороны, она с известного момента может тормозить новую систему организации труда, воспитания новых стимулов к труду даже там, где она и применима технически»²³.

Известно, что именно предатель-меньшевик Рязанов выступал с установками, что введение сдельщины противоречит основам марксизма, противоречит социалистическим принципам организации труда. Но эти установки еще имеют значительное распространение как в теории, так и на практике. Вот что например пишет Смит в журнале «Проблемы экономики» за 1930 г., № 2:

«Сдельщина уже перестает играть роль стимула интенсификации труда по мере развертывания реконструкции и новых методов воздействия на трудящихся»²⁴.

Далее он подчеркивает, что: «Уменьшение удельного веса сдельщины является положительным явлением в нашей экономике». Такое утверждение представляет собою искажение ленинизма, искажение партийной линии. Недавно, в момент разгара кампании перехода от повременной к сдельной плате, в журнале «Вопросы труда» № 2 за 1931 г. была помещена статья Мохсона, под названием «От сдельной к повременной оплате труда в металлургическом производстве». В этой статье он утверждает, что «на известной ступени организации производства сдельщина становится препятствием к росту производительности труда» (с. 24). И дальше он пишет: «Восстановительный период нашей промышленности вполне правильно поставил вопрос о самом широком развитии форм оплаты труда. Период реконструкции нашей промышленности, пуск новых предприятий и производство на началах высокоорганизованной техники со всей решительностью выдвигает вопрос о повременной заработной плате..... 1931 год, третий год пятилетнего плана, великой работы, должен стать переломным в вопросах о формах оплаты труда с перенесением центра внимания на передовых предприятиях и производстве в сторону повременной заработной платы». Утверждения, будто сдельщина противоречит социалистической форме организации труда, что переход от восстановительного периода к реконструктивному требует замены сдельщины повременщиной, являются антипартийными и от сторону повременной заработной платы». Утверждения, будто сдельщина больше способствует росту соревнования и ударничества.

Против сдельщины и в защиту перехода на повременщину выступает Ерманский. Он пишет: «Если, с одной стороны, интенсификация труда препятствует рационализации, то, с другой стороны, рационализация делает ненужной, а то и нецелесообразной сдельную форму оплаты труда»²⁵.

С таким же доводом выступает против сдельщины Рахман. Он пишет: «При современном детальном делении процессов производства,

²³ Преображенский, Новая экономика, с. 215.

²⁴ «Проблемы экономики» № 2.

²⁵ Ерманский, Теория и практика рационализации, с. 189.

при массовом и серийном производстве, при конвейерной системе роль сдельщины сводится на-нет»²⁶.

Эти установки о невозможности проведения сдельщины и о наиболее целесообразном переходе к повременщине в условиях рационализации производства, роста механизации и конвейерной системы отвергнуты практикой. Именно на опыте Сталинградского завода, завода с передовой техникой, где господствует непрерывный поток, конвейер, повременщина стала одним из важнейших факторов ослабления дисциплины, ослабления стимула производительности труда. стала одним из факторов создания обстановки безответственности за оборудование, за простои, и необходимо было в результате поездки ответственной комиссии во главе с т. Орджоникидзе принять решительные меры для перехода на сдельщину, чтобы обеспечить нормальную работу завода.

Чрезвычайно важным является вопрос о проведении прогрессивно-премиальной сдельщины. Прогрессивно-премиальная система сдельщины имеет огромное значение как добавочный стимул к повышению производительности труда. Необходимо отвергнуть утверждение некоторых о том, будто прогрессивно-премиальная система является капиталистическим методом оплаты труда и поэтому она в наших условиях совершенно неприменима. Такое утверждение является результатом непонимания особенностей заработной платы в наших условиях в отличие от капиталистических. В условиях капитализма прогрессивно-премиальная система является одним из способов увеличить эксплуатацию рабочего класса, увеличить создание прибавочной стоимости. Прогрессивно-премиальная система ведет к снижению заработной платы, поскольку повышение расценок не покрывает изношенности, вызываемой повышенной интенсивностью, и за час экономии времени рабочий получает значительно меньше, чем за час работы (премиальная система Гельса).

В условиях советской экономики, когда рабочая сила не является товаром, в условиях сокращения рабочего дня, ударного снабжения, прогрессивно-премиальная система обеспечивает повышенную производительность труда на основе улучшения положения рабочих. Само собой разумеется, что мы должны отвергнуть попытки некоторых хозяйственников провести систему Тейлора в ее чистом виде. Ленин подчеркивал, что система Тейлора, с одной стороны, содержит в себе прогрессивные моменты в области организации труда, но, с другой стороны, тейлоризм содержит в себе утонченные формы зверской буржуазной эксплуатации. Он писал:

«Капиталист получает громадную прибыль, а рабочий трудится вчетверо интенсивнее, выматывая свои нервы и мускулы, вчетверо быстрее»²⁷.

Прогрессивная сдельщина, прогрессивная премиальная система, поскольку она является наиболее приемлемой системой оплаты труда, больше всего стимулирует рост производительности труда. Но проведение этой системы требует основательной подготовки. Необходимо ее проводить, учитывая все условия производства, необходимо избегать того, что имело место в Донбассе, где введение новой системы оплаты труда привело к снижению заработной платы. Необходимо

²⁶ «На новом этапе социалистического строительства», с. 252-253.

²⁷ Ленин, Соч., т. XVII, изд. 3-е, с. 247.

учесть опыт проведения прогрессивно-премиальной системы, необходима максимальнейшая гибкость. Необходимо решительно выступить против попыток ограничения индивидуального премирования за счет расширения коллективных методов. Прогрессивно-премиальную систему и систему повышенных расценок необходимо установить с переработку нормы, за перевыработку задания, за лучшее качество продукции, экономию топлива, уменьшение простоев. Здесь должна быть проявлена максимальнейшая конкретность, ибо каждая отрасль производства, каждое предприятие должны учитывать свои особые узкие места, чтобы установить объект для премирования. Каждое предприятие должно учитывать решающие участки своей работы, чтобы именно там обеспечить в первую очередь применение прогрессивно-премиальной системы, и обеспечить в первую очередь применение прогрессивно-премиальной системы как добавочного стимула. При установлении прогрессивно-премиальной системы не следует забывать задачи снижения себестоимости. Неправильным является установление такой прогрессивной системы оплаты труда, какое имело место например в челябинских копях, где установлена форма прогрессивной сдельщины, при которой оплата премий проводилась за всю продукцию в целом при перевыработке норм. В результате этого при росте производительности труда на 15% заработная плата увеличилась на 33%. На северном уклоне челябинских копей заработная плата повысилась на 5%, а производительность труда только на 2%. Необходимо добиться такой прогрессивно-премиальной системы, которая обеспечила бы не только повышение производительности труда, но и дальнейшее снижение себестоимости.

Утверждение некоторых о том, что прогрессивно-премиальная система ведет к повышению себестоимости во всех случаях, является неверным, ибо прогрессивно-премиальная система, хотя и повышает заработок рабочего, но этот заработок рабочего покрывается большим ростом производительности труда, снижением накладных расходов, максимальным использованием оборудования, увеличением оборота производства. Практика проведения прогрессивно-премиальной системы показывает ее огромное положительное значение как добавочного стимула к росту производительности труда. Например газета «Труд» сообщает, что на шахтах 48—51 рудника им. Кагановича в Подмосковном бассейне за 10 дней прогрессивки суточная производительность забойщика поднялась с 5,96 до 7,62 тонн. Производительность труда поднялась на 31,5%, себестоимость тонны угля снизилась на 31 коп. На нижнем участке шахты «Капитальной» в Макеевке введение прогрессивно-сдельной оплаты привело к тому, что средняя месячная производительность угольных рабочих на этом участке увеличилась с 40,32 до 59,36 тонн. За май рабочие, работавшие при новых условиях оплаты, дали сверх нормы 1 824 вагона угля. Вместе с тем увеличилась выхождаемость, выросла заработная плата угольных рабочих, а себестоимость каждой тонны угля за счет резкого возрастания производительности труда снизилась на 1 р. 61 к.

На заводе «Русский дизель» в механической мастерской после введения прогрессивно-премиальной оплаты сократились простои, производительность труда увеличилась на 10—30%. На «Светлане», благодаря уничтожению поденщины и введению прогрессивки, производительность труда поднялась на 50%, брак уменьшился в два раза, расход угля снизился с 13,5 тонны до 9,8 в день. Вот почему введение

прогрессивно-премиальной сдельщины требует более широкого распространения.

Необходимо объявить решительную борьбу против скрытого сопротивления, имеющегося у известной части хозяйственников и профессионалистов против введения прогрессивно-премиальной сдельщины. Вместе с тем необходимо объявить решительнейшую борьбу против тех извращений, какие имеют место. В результате которых установленная прогрессивно-премиальная сдельщина ведет к снижению заработной платы. Эти случаи имели место на транспорте и в Донбассе.

*
*

Проведение неограниченной сдельщины требует установления большей четкости и ясности в вопросе о том, о какой сдельщине идет речь. Очень распространено ложное мнение о том, что наиболее прогрессивной формой сдельщины является коллективная. Эта установка является неверной. Именно коллективная сдельщина не способствует осуществлению социалистического принципа оплаты по количеству и качеству труда. Суть коллективной сдельщины в том, что учет работы производится на бригаду, группу или артель в целом, заработная плата выдается коллективу в целом, а потом она распределяется поровну между членами бригады или членами артели, или же распределяется между ними в зависимости от разрядов и проработанных дней. Таким образом рабочий получает равную оплату труда независимо от выработки. В этой системе оплаты труда получается отрыв заработка рабочего от его выработки. Естественно, что эта система ослабляет стимул к повышению производительности труда, способствует росту уравниловки. Вот почему нам необходимо решительно отвергнуть эти установки и решительно взять курс на внедрение индивидуальной сдельщины. Именно индивидуальная сдельщина как форма оплаты труда больше всего способствует уничтожению уравниловки, осуществлению социалистического принципа оплаты по труду, увязке выработки рабочего с производительностью и развитию ударничества. Необходимо решительно возразить против утверждений, будто индивидуальная сдельщина противоречит социалистическому соревнованию и ударничеству, развитию бригадных методов работы, кооперированию труда и применению передовых методов работы.

Именно на основе индивидуальной сдельщины возможны действительное развитие ударничества, рост ударных бригад, развитие кооперирования труда, внедрение передовых методов работы, развитие соцсоревнования внутри ударных бригад, в то время как часто коллективы, производственные коммуны, в которых заработная плата распределяется поровну, ведут к понижению производительности труда, к понижению трудовой дисциплины, к усилению текучести и невыхождаемости. Да и защитники коллективных форм оплаты труда исходят из того ложного антиленинского принципа, что будто уравнительность есть социалистический принцип распределения и наиболее прогрессивная форма оплаты труда.

Например Каллистратов утверждает, что «коллективная форма оплаты труда в большинстве случаев приводит к большему или меньшему

уравниванию заработка рабочих, ранее стоявших в условиях индивидуальной сдельщины»²⁸.

В другом месте он пишет: «Коллективная сдельщина и здесь является производственно-прогрессивной формой распределения заработка. Основная заслуга коллективов и коммун, как уже указывалось, заключается в том, что они отбросили индивидуальную сдельщину». Именно потому, что коллективная сдельщина ведет к уравнительности, она является непригодной формой сдельщины и именно поэтому нам необходимо держать курс на индивидуальную сдельщину. Иные думают, что коллективная сдельщина ведет к уравнительности только в том случае, когда распределение заработной платы устанавливается поровну, и что если установить распределение заработной платы в зависимости от разрядов, тогда уравнительность уничтожается. Эта точка зрения также является неправильной, ибо и в этом случае, когда распределение заработка идет по тарифным разрядам, имеет место уравнительность, т. к. рабочие одинаковой квалификации получают разную оплату независимо от их выработки. Кроме того отношения между разрядами не обеспечивают правильной оплаты квалифицированных рабочих. Коллективная сдельщина оплаты труда часто имеет широкое распространение в связи с отсталой организацией труда и ненадежностью индивидуального учета труда. В некоторых отраслях она связана с существованием артельных принципов организации труда, как например в строительной промышленности. Неверным является также взгляд, устанавливающий равноценность коллективной и индивидуальной сдельщины. Именно индивидуальная сдельщина является наиболее прогрессивной формой оплаты труда, именно она является основной формой оплаты труда на современном этапе и только лишь в силу нашей отсталости, в силу слабой постановки учета, в силу того, что мы еще не изжили артельщины, имеет место коллективная сдельщина.

В тех отраслях, где мы вынуждены применить временно коллективную сдельщину, необходимо максимально сократить бригады или группы для того, чтобы в известной степени, поскольку это возможно в условиях коллективной сдельщины, обеспечить сохранение производственного лица каждого рабочего. С вопросом о коллективной сдельщине связан вопрос о производственных коммунах и производственных коллективах. Имеется значительное количество случаев, когда производственные коммуны и производственные коллективы строятся не на базе наилучшего, совместного участия рабочих в организации труда и рационализации, но на базе равномерного распределения заработков. На основе применения коллективной сдельщины, на основе уравнительности такие производственные коммуны и производственные коллективы ведут к понижению производительности труда. Необходимо дать решительный отпор утверждениям некоторых о том, что производственные коммуны и производственные коллективы являются более высокими формами, чем ударные бригады, якобы на том основании, что в производственных коммунах и производственных коллективах мы имеем равномерное распределение заработка, а в ударных бригадах индивидуальную сдельщину. Равномерное распределение заработка — это не преимущество производственных коммун и производственных коллективов. В этом их основной

²⁸ Каллистратов, За ударный производственный коллектив, изд. 1931 г., с. 18.

недостаток. Судить о преимуществах производственных коммун и производственных коллективов нужно не на основе характера распределения заработка, а на основе того, в какой степени эти производственные коммуны и производственные коллективы обеспечивают более повышенную производительность труда, лучшую рационализацию. Практика показывает блестящие образцы развития ударничества на основе индивидуальной сдельщины. Именно на основе индивидуальной сдельщины лучшие ударники Кузнецкстроя и Харьковского тракторостроя — каменщики, землекопы, — дали блестящие образцы высокой производительности труда и ударничества. Вместе с тем мы имеем много случаев, когда уравнительная производственная коммуна и производственный коллектив ведут к уменьшению производительности труда, к падению трудовой дисциплины и росту прогулов.

Следующие факты говорят о преимуществах индивидуальной сдельщины: «Благодаря активной борьбе шахткома № 22 и передовых рабочих против уравниловки в заработной плате, за индивидуальную сдельщину удалось значительно поднять производительность труда, улучшить качество труда (сокращение процента зольности), снизить себестоимость и увеличить заработную плату ведущих профессий. В шестой южной лаве например целиком переведены на индивидуальную сдельщину, что дало в июне повышение производственного задания, между тем как в мае при старой системе оплаты программа была выполнена только на 65%, себестоимость тонны угля снизилась с 6 р. 55 к. до 5 р. 74 к., зольность угля уменьшилась на 22,5%, индивидуальная сдельщина являлась прекрасным дополнением к системе Карташева и ускорила процесс непрерывного потока угледобычи» («Труд»).

«Правда» опубликовала следующую корреспонденцию от 11 июля: «Рабкоры из шахты № 22, чтобы окончательно озладеть непрерывным потоком угледобычи по системе Карташева, выдвинули чрезвычайно важный вопрос о сдельщине и твердом паях для каждого рабочего. До сих пор всякие неполадки и простои покрывались ставкой. Будет выполнено задание или нет, все равно допишут до ставки. Это давало возможность многим невыполнять свое задание. Появились симулянты, лодыри, разгильдяи. Введение сдельщины и пая устраняет все недуги и простои шахт. Делаете это например на целую бригаду. Навальщикам дают общий пай — накидать 130 вагонов. Бригада делит пай между собой в зависимости от обстановки работы. В конце смены выясняется, что 6 навальщиков сделали очистку на 60 м, т. е. 100 вагонов (перевыполнили пай на 30%), а три навальщика очистили только на 5 м, т. е. 30 вагонов (невыполнили пай на 25%). Вагон стоит 52 коп., значит 6 навальщиков заработали 52 руб., а 3 навальщика — 15 р. 60 к. До перехода на работу по паям выработка на одного рабочего составляла в среднем 4 руб., а когда смена накидчиков взяла работу сдельно, не на паях, то она заработала уже не по 3 р. 50 к. (ставка), а по 5 р. 47 к., отстающие заработали только в эту смену по 4 р. 16 к. В другой смене такие рабочие заработали по 7 р. 52 к. на каждого. Те же, кто отставал, заработали по 3 р. 59 к.

Сейчас по распоряжению т. Карташева большинство рабочих «Голубовки» переведены на сдельную работу и на пай. Симулянты-прогульщики, рвачи, кулачье и оппортунисты подняли шумуканю против пая и сдельщины. Однако рабкоры Терещенко, Скачко, Затыльников

доказали симулянтам правильность перехода на паевую систему. На каждого получили задание очистить по 10 вагонов угля, они очистили по 21 вагону и заработали по 9 р. 14 к. в смену. Пай был перевыполнен на 100%. Рабкоры Маслов и Бахарев за 7 часов работы выполнили по 2 пая, дав 205% задания и получили по 12 р. 36 к. Рабкор Коногон Александр, чтобы обеспечить скорейшую вывозку угля на ствол, взял себе пай, увеличив его в два раза (т. е. 60 вагонов), и в 5 дней блестяще его выполнил. За эти дни он заработал 40 р. 39 к. А симулянт Андриюхин, когда ему дали право насыпать сдельно 8 вагонов угля, не сделал и половину своего задания. Он получил за свою работу 2 р. 31 к.

Вот другой пример на «Красном факеле». Перевод бригады с коллективной на индивидуальную сдельщину повысил производительность труда бригадников на 30%. Когда бригада в давальном цехе из 9 человек при бригадной сдельщине давала максимум 7—8 колпаков в смену, при переводе на индивидуальную сдельщину эта бригада из 9 человек стала давать 9—12 колпаков. Эти примеры важно учесть. Они решительно отвергают положение некоторых, будто при механизации и непрерывном потоке невозможно проведение индивидуальной сдельщины. Они решительно отвергают утверждения о том, что коллективная форма сдельщины обеспечивает большую производительность труда. Именно на основе индивидуальной сдельщины можно обеспечить повышение производительности труда, развитие инициативы и творчества каждого рабочего. Индивидуальная сдельщина не противоречит бригадным методам работы. Практика показывает блестящие образцы бригадной работы именно на основе индивидуального учета и на основе индивидуальной сдельщины.

Вместе с тем мы имеем факты, когда уравниловка внутри бригады снижает производительность труда и усиливает текучесть. Например газета «Труд» от 30 мая сообщает, что «в Подмосковном бассейне, на руднике им. Кагановича, при организации бригады на смену нарядной системы была допущена громадная ошибка в установлении заработной платы участникам бригады. Забойщики, крепильщики коногоны, ствольные — все получили поровну. Результаты уравниловки стали сказываться довольно скоро. Заработная плата забойщиков падала, вагонщиков, коногонов и т. д. росла, вместе с тем падала производительность труда забойщиков, кривая добычи резко пошла вниз. А после того, как уравниловка в заработной плате была ликвидирована, бригадная добыча стала быстро подниматься.

Или другой факт: «На Мытищинском вагонном заводе вследствие того, что заработная плата внутри бригады делится не на основе индивидуального учета работы каждой бригады, а лишь соответственно разряду рабочего, по тарифной сетке, заработок индивидуального сдельщика выше, чем заработная плата участника бригады того же разряда. Становщики, бригадники 3-го разряда в литейном цехе заработали за месяц по 115 руб., а одиночки того же разряда на том же станке — 173 руб.».

Еще один факт. На шахте Макеевского рудоуправления имеет место уравнильное распределение заработка: «Общая заработная плата, котел стал системой оплаты на ручных забоях. Забойщики, вагонщики и откатчики при разных разрядах получают одинаковую заработную плату. Когда 10 июня бригада на восьмом южном штреке получила по 120%, высококвалифицированный забойщик не полу-

чал даже своей тарифной ставки, а вагонщики, открепщики получили больше причитающегося им приработка».

Эти факты подтверждают необходимость решительного внедрения индивидуальной сдельщины, решительного построения бригадных методов работы на основе индивидуального учета и индивидуальной сдельщины.

Чрезвычайно важным вопросом в разрешении проблемы по-новому организовать заработную плату является постройка новых тарифных сеток и справочников. Нам необходимо разбить существующую тарифную сетку и построить новую. Необходимо решительно отвергнуть утверждение, что можно обойтись без тарифной сетки. Именно Преображенский отстаивал, что «тарифная сетка не имеет ничего общего с социализмом и не может иметь»²⁹. Эта установка является результатом недооценки необходимости планирования заработной платы, необходимости обеспечения разницы в оплате труда квалифицированного и неквалифицированного рабочего, недооценка того, что профессия и квалификации в переходный период социализма не устраняются, а сохраняются.

В чем заключается недостаток существующих тарифных сеток? В том, что они не обеспечивают необходимого разрыва в оплате труда, чтобы стимулировать стремление к повышению квалификации и переходу на тяжелые работы. При перестройке тарифных сеток необходимо увеличить эти разрывы, необходимо, скажем, сетку металлургии изменить таким образом, чтобы вместо соотношения между крайними разрядами 1 : 2,8 установить соотношение 1 : 4, у строителей вместо соотношения 1 : 2 : 5 установить 1 : 3 и т. д.

Совершенно неправ Юрисов, когда он пишет: «Нам кажется, что своевременно было бы поставить на обсуждение вопрос о разработке единой сетки для всей промышленности»³⁰. Эта установка является неправильной. Задача заключается в том, чтобы максимально конкретизировать, дифференцировать нашу тарифную работу в зависимости от условий производства, от методов организации труда на том или ином производстве, от степени механизации, и т. д. В более сложных производствах количество разрядов сетки и степень соотношения между сетками должны быть большие; в менее сложных производствах целесообразно уменьшить количество разрядов и установить меньшее соотношение, поскольку там не очень сложные квалификации. Например если машиностроительная промышленность требует 8-разрядную сетку, то для строительной можно установить 6-разрядную. Если для металлургической промышленности требуется соотношение между разрядами 1 : 4, то для строительной можно ограничиться соотношением 1 : 3. Предложение Юрисова может привести лишь к бюрократизации нашей тарифной системы.

Также неверной является установка Юрисова, когда он предлагает, чтобы: «при практическом распределении фондов прибавки заработной платы мы постепенно двигались к установлению единой ставки 1-го разряда». При этом т. Юрисов исходит из принципа, что «различие в оплате труда вполне нормальное и законное явление, если этот разный является следствием лишь разной интенсивности труда рабочего и его отношения к работе»³¹. Следовательно Юрисов до-

²⁹ „Новая экономика“, с. 211.

³⁰ „За индустриализацию“ от 5 июня 1931 г.

³¹ Там же.

пускает разную оплату труда только в том случае, если имеется разная интенсивность труда. Эта установка также является неверной. Она является результатом непонимания того, что в нашей тарифной политике, точно так же, как и в снабжении, нам необходимо проводить принцип ударности, принцип повышенной оплаты рабочих решающих отраслей, районов, заводов, новостроек. Поэтому мы не можем стоять на точке зрения установления единой ставки для рабочих металлургической промышленности, пищевой, машиностроительной и швейной. Эта установка Юрисова на единую ставку, на единую тарифную сетку представляет собой одно из своеобразных проявлений уравнительности. Необходимо срочно взяться за коренное изменение тарифных справочников. Тарифные справочники не отражают изменения и процессы, происходящие в развитии нашей промышленности. В промышленность вливаются новые заводы. Мы построили целый ряд новых отраслей промышленности.

За последнее время мы имеем значительные изменения в области организации труда, широкое внедрение системы функционалки, вызывающие появление ряда новых профессий, между тем тарифные справочники не поспевают за изменениями в промышленности.

При таком положении вещей тарифные справочники перестали быть орудием тарифицирования, тарифной работы. При построении новых тарифных справочников нам необходимо исходить из принципа тарификации работ, операций. Вопрос о квалификации того или иного рабочего разрешается в зависимости от того, насколько рабочий может выполнить те или иные операции в пределах нормы и качества, устанавливаемого техническим нормированием.

Правильная постановка тарифной работы должна обеспечить лучшее использование рабочей силы, особенно квалифицированных рабочих по своей специальности, правильное распределение работ, обеспечивающее лучший заработок высококвалифицированным рабочим и ведущим профессиям. При тарификации так же, как и при установлении тарифной сетки, необходимо исходить из максимальной конкретности, из особенностей каждой отрасли промышленности и каждого вида производства. Каждый вид производства должен иметь свой тарифный справочник.

Чрезвычайно важным является вопрос об организации заработной платы на производстве с развитой механизацией и господством конвейера. На наиболее передовых производствах, на новых заводах, мы имеем передовую технику. Здесь на этих производствах вопрос об ответственности за работу стоит более остро, чем на других предприятиях. Конвейерная система требует особой бдительности к механизму, личной ответственности рабочего за эти механизмы. Это одна сторона дела.

С другой стороны, на новых предприятиях-гигантах, построенных на основе механизации и конвейере, мы имеем недостаточно квалифицированный состав рабочих. Директива ЦК партии об обеспечении решающих заводов лучшими кадрами рабочих недостаточно проводится в жизнь. На Сталинградском тракторном заводе имеется огромное количество рабочих, не бывших в профсоюзе, впервые проходящих фабрично-заводскую школу. Там чрезвычайно остро стоит проблема трудовой дисциплины, создания навыков к фабричному труду. Некоторые товарищи считают, что при конвейерной системе нет нужды в квалифицированной рабочей силе, что проблема квалифицированной силы

сейчас снимается. Эта установка является совершенно неверной. Сейчас проблема квалифицированной рабочей силы не только не снимается, но наоборот становится еще более острой. Появление новых заводов-гигантов с развитой механизацией и даже с конвейерной системой вызывает потребность в целом ряде новых рабочих с высокой квалификацией: наладчиков, установщиков, инструментальщиков и т. д., да и тот рабочий, который стоит у конвейера, это не просто чернорабочий — он требует также известной подготовки, грамотности, выучки. Вот почему перед нами остро стоит вопрос о дальнейшем повышении квалификации рабочих, о создании стимулов и интереса рабочего к повышению своей квалификации. Необходимо решительно объявить борьбу недооценке этого вопроса.

Существует неверная установка, заключающаяся в том, что при конвейере и автоматизации личность рабочего сводится на-нет, никакого значения для процесса производства она не имеет, поскольку сам автомат определяет скорость работы, темп ее и т. д.

Исходя из этого, например на Сталинградском заводе часть руководящих товарищей отстаивала оппортунистическое положение, что социальное соревнование и ударничество как факторы повышения производительности труда именно на Сталинградском заводе не имеют значения. Необходимо объявить решительную борьбу этим утверждениям. Практика показала обратное. Она показала огромное значение личности рабочего в деле борьбы с неполадками, простоями, в деле организации производства. Практика показала огромную роль социального соревнования и ударничества в деле организации производства, повышения производительности труда на Сталинградском тракторном заводе. И именно потому, что рабочий имеет огромное значение и на предприятии с конвейерным производством, именно поэтому и неверно утверждение Ерманского, Рахмана и целого ряда товарищей, будто при конвейере, при автоматизации, при непрерывном потоке наилучшей системой является повременная оплата, что там именно наилучшей системой оплаты является уравнительность. Практика показала, что на таких производствах больше всего нам необходимо объявить решительную борьбу с уравнительностью. Нам необходимо максимальное внедрение сдельщины и др. поощрительных форм оплаты труда, в частности премирования, для того, чтобы создать материальный стимул борьбы с простоями, с неполадками, повышения квалификации, материальный стимул для поднятия производительности труда и лучшей организации производства.

Чрезвычайно важным является вопрос об оплате хозяйственников, инженерно-технического персонала. Основной недостаток оплаты хозяйственников, инженерно-технического персонала заключается в том, что их оплата оторвана от результатов работы производства, что система повременщины не стимулирует инженера, техника для борьбы за лучшие показатели производства. И второй недостаток заключается в том, что в промышленности средний техперсонал, мастера, в особенности бригадиры, десятники и даже часть инженеров получают более низкую оплату, чем квалифицированные рабочие. Поэтому необходимо установить такую систему оплаты административно-хозяйственного персонала — инженеров, технического персонала, которая бы была увязана с результатами работы производства и стимулировала бы квалификацию. Наиболее подходящей системой является система премирования за выполнение количественных и качественных показателей

производственного плана. Необходимо обеспечить повышенную оплату инженерно-технического персонала, в особенности средне-технического. Эта задача является чрезвычайно важной, ибо момент, когда перед нами во весь рост встала задача создания своей собственной производственно-технической интеллигенции, именно в этот момент необходимо максимально стимулировать и повысить интерес квалифицированного рабочего к повышению своей квалификации, овладению техникой для того, чтобы стать бригадиром, десятником и мастером. Нынешняя система заработной платы этому не способствует. Кроме того необходимо максимально дифференцировать оплату инженеров, техников, хозяйственников в зависимости от их квалификации, от их отношения к работе, от результатов работы. Перестройка по-новому заработной платы требует наряду с большевистским выполнением задач, поставленных Сталиным в его речи, укрепления планирования заработной платы в соответствии с задачами, стоящими в области выполнения промфинплана, причем это планирование должно быть повседневным, конкретным, оперативным, гибким. В планировании заработной платы нам необходимо решительно уничтожить обезличку и уравниловку. Нам необходимо уничтожить тот порядок, когда хозяйственники и профессионалисты думали о заработной плате лишь в момент заключения коллективных договоров.

Вопросы регулирования заработной платы должны быть повседневной заботой хозяйственников, профессионалистов. Необходимо установить большую ответственность и единоначалие хозяйственников в области заработной платы и тарифно-нормировочной работы.

Наконец самое важное — это обеспечение активного участия масс в деле разрешения задач, стоящих в области организации заработной платы. Только при этом заработная плата станет огромнейшим фактором закрепления рабочих, борьбы с текучестью рабочей силы, повышения производительности труда и еще большего развита соцсоревнования и ударничества.

ТЕХНИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ КАК БАЗА ХОЗРАСЧЕТА ¹

Народнохозяйственный план переходного периода — действительное классовое орудие строящего социализм пролетариата — определяется основными задачами строительства социализма. На выполнении его сосредоточены воля и инициатива рабочего класса, экономические и внеэкономические факторы, которыми располагает диктатура пролетариата. Именно поэтому социалистический план как концентрированное выражение сознательного строительства социализма неизбежно делается мишенью для нападок всех классово чуждых слоев и группировок и их подголосков внутри партии.

Качественное единство плана сохраняется на всех этапах социалистической стройки. Но по мере роста социалистического сектора и вытеснения частнохозяйственных элементов социалистический план увеличивает не только количественный охват, но и в наибольшей мере степень точности и четкости.

В этом разрезе особое значение приобретает соответствие формы выражения плана и его показателей масштабу, степени точности и политико-экономическому содержанию.

Удовлетворяют ли ценовые показатели полностью всем требованиям социалистического плана, в частности и особенности на последнем этапе нэпа, в период вступления в социализм? Невозможность оперировать только показателями, унаследованными от капиталистических отношений, основанными на ценностном учете, ощущается все острее. Методы капиталистического учета и его критерии приспособлены к оценке целесообразности вложений с точки зрения наибольшей эффективности по линии получения прибыли (прибавочной стоимости), только с их помощью нельзя решать задач социалистического планирования ².

С этой точки зрения первостепенное значение приобретает органическая связь «проверки рублем» с техническим учетом и планированием, являющимися основной базой хозяйственного расчета. Ни в коем случае недопустимо на данном этапе противопоставление технического учета и планирования хозрасчету. Однако некритическое противопоставление технического планирования хозрасчету почти так же часто встречается, как и попытки делячески подменить тщательный и конкретный учет всех материальных факторов производства учетом обезличенным, «бухгалтерским» (а не «социалистическим») рублем.

В № 2 «Проблемы экономики» мы разбирали установку М. Н. Смит, доведшую ее до своеобразной теории убывающей производительности капиталовложений. Но та же установка приводит ее в области зарплат к столь же политически неверным выводам борьбы со сдельщиной ³.

¹ В порядке обсуждения вопроса.

² Речь идет не об отказе на данном этапе от денежных выражений, но о введении параллельной системы показателей для нужд перспективного и оперативного планирования.

³ По мнению М. Н. Смит («Проблемы экономики» № 3, 1930) «сдельщина» уже перестает играть роль стимула интенсификации труда по мере развертывания рекон-

Тем не менее борьба с «левацкими» загибами отнюдь не должна приводить к отказу от работы по изысканию системы показателей, которые, соответствуя потребностям социалистического хозяйства, явились бы базой хозрасчета, основой хозяйственной «проверки рублем».

Вопрос о переходе к новым формам планирования ставится все чаще. Бухгалтерский, «стоимостный» учет удовлетворяет необходимость определения капиталистической, стоимостной рентабельности хозяйства. В наших условиях ряд новых потребностей этим учетом удовлетворен быть не может. Ценовой учет сам по себе, без соответствующей расшифровки, не удовлетворяет ни потребности сравнения или изучения производительности труда, ни определению направления капитальных вложений, ни задачам доведения плана до станка, до рабочего.

Ведь указывает Маркс: «изменение производительной силы само по себе нисколько не затрагивает труд, поскольку он выражается в стоимости товаров»⁴.

Коренным и принципиальным отличием советского социалистического рубля как основы плана, учета и хозяйственной проверки исполнения является то, что советский рубль не должен быть обезличен, должен иметь конкретное «трудовое» лицо. Степень ясности этого трудового и техно-экономического лица рубля соответствует степени четкости планирования народного хозяйства.

Может ли социалистическая форма производства выражать производительность потребления труда исключительно в ценовых формах, не дополненных техно-экономической расшифровкой.

Одним из характернейших признаков производства и распределения в социалистической общине является ясность и прозрачность общественных отношений людей к их работам и продуктам их труда. «Для того чтобы провести параллель с товарным производством, мы предположим, что доля каждого производителя в средствах существования определяется его рабочим временем. При этом условии рабочее время играло бы двоякую роль. Его общественное планомерное распределение устанавливает надлежащее отношение между различными трудовыми функциями и различными потребностями. С другой стороны, рабочее время служит вместе с тем мерой индивидуального участия производителей в совокупном труде, а следовательно и в индивидуально потребляемой части всего продукта. Общественные отношения людей к их работам и продуктам их труда остаются здесь прозрачно ясными как в производстве, так и в распределении»⁵.

Обеспечивают ли ценовые показатели сами по себе эту прозрачность и ясность, столь важную для наиболее полного развития производительных сил?

Основным источником определения размеров потребности народного хозяйства в рабочей силе, оборудовании и т. д. у нас является ценовое выражение народнохозяйственной программы и динамика производи-

струкции и новых методов воздействия на трудящегося», с. 13. Затухание кривой сдельщины трактуется как положительное явление. «Две кривые дают затухающие темпы. Это — кривая относительной цены рабочей силы (?) и кривая сдельщины. Затухание обеих является характерным для подъема производительных сил и характеризует его опять-таки с положительной стороны» (там же, с. 14).

⁴ „Капитал“, т. I, с. 32.

⁵ Там же, т. II, с. 36-37.

тельности труда, взятая в том же выражении (т. е. выработка на одного человека в рублях). Эти методы базируются не столько на технико-экономическом расчете, сколько на экспертной оценке и экстраполяции, единственной определенной предпосылкой которых являются текущие размеры производства.

Однако, какие выводы можно сделать из одного только ценностного выражения народнохозяйственной программы? Какие выводы можно сделать из существующего задания, выражается ли оно в неизменных ценах 1926/27 г., в ценах ли современных, в натуральном ли выражении, либо наконец в процентах к прошлому году, взятых к любому из этих выражений?

Ценностное выражение может остаться неизменным при любом изменении программы и ее трудоемкости, при любом изменении технологических и трудовых процессов.

На февральской конференции руководителей промпредприятий т. Айзенштадт (швейная промышленность) приводил примеры изменения процентажа производительности труда и снижения себестоимости в зависимости от цены употребленного материала, от размера пошитого платья.

Мы знаем заводы Сельхозмашиностроения, рост производительности труда которых (в ценностном выражении) автоматически возрастал на 100 и более процентов в силу изменения ассортимента продукции.

В котлостроении были случаи формального выполнения заданий за счет выпуска не ассортимента, который нужен народному хозяйству, но за счет более «выгодных» типов.

Ряд примеров приводит т. Бердичевский в работе «Учет и планирование производительности труда». «На ленинградском станкостроительном заводе им. Свердлова при почти неизменном ассортименте годовой выпуск на одного рабочего составил за 1928/29 г. 3 520 руб., при выпуске за 1927/28 г., равном тем же 3 520 руб., т. е. за год производительность труда стабилизировалась при продолжавшемся росте зарплаты».

Эта стабильность объясняется следующим: в 1927/28 г. завод получал литье со стороны. В 1928/29 г. начал работать литейный цех завода, для чего было набрано 15% списочного состава рабочих сверх бывших в остальных цехах. Таким образом делитель — количество рабочих — возрос, в то время как делимое — отпускные цены 1926/27 г. — осталось неизменным, ибо эта цена уже включала в себя стоимость литья, хотя бы и получавшегося в порядке кооперации от иных заводов. Таким образом фактический рост производительности труда был «съеден увеличением рабсилы за счет литейного цеха».

Не менее интересен пример одесского станкостроительного завода им. Ленина. Этот завод выпускает сверлильные станки до 65 и до 13 мм. Стоимость первых в 4,5 раза выше, трудоемкость же их больше в 7 раз. Увеличивающийся процент выпуска вторых при той же фактической затрате труда при исчислении по ценностному методу дает фиктивное увеличение производительности.

Как можно будет поставить ценностный учет производительности труда например на новых машиностроительных заводах, лишь постепенно переходящих к обработке деталей (тракторозаводы, автозавод, швейная машина и т. п.)? «Первой появившейся ценой» будет цена автомобиля, собранного рабочими сборочных цехов из деталей, заготовленных в Детройте. Если на будущий год 50% деталей будет даваться

нашими советскими токарями, фрезеровщиками и столярами, то (при методе «неизменных отпускных цен») производительность труда на бумаге будет падать; наоборот при обратном процессе «производительность труда» фиктивно вырастет.

Суррогатирование, замена одного материала другим (в том числе замена ценных цветных металлов черными), всякое изменение материала совершенно искажают картину производства, взятую только в ценностном выражении. Обточка медных гаек с этой точки зрения даст всегда более высокую производительность, чем обработка черных.

Завод им. Лепсе в Ленинграде, энергично проводящий замену цветных металлов черными, имеет в силу этого кажущееся понижение производительности труда, если понимать под ней выработку в рублях на одного рабочего.

Нижеприводимая таблица показывает, как при увеличении производительности труда по каждому отдельному предприятию общая средняя производительность понижается, благодаря увеличению в балансе удельного веса предприятий с менее ценной продукцией.

Таблица 1

Предприятия	I период			II период			Направ. и % изменения
	Выпуск	Число рабоч.	Прозв. труда на 1 раб.	Выпуск	Число рабоч.	Прозв. труда на 1 раб.	
А	400 000	2 000	200	717 500	3 500	205	+ 2,5
В	414 000	1 800	230	611 000	2 600	235	+ 2,2
В	425 000	1 700	250	561 000	2 200	255	+ 2,0
Г	180 000	400	450	230 000	500	460	+ 2,2
Д	144 000	300	480	171 000	350	490	+ 2,1
Ит. ср. пр.	1 563 000	6 200	252	2 291 000	9 150	250	- 1,0

Даже при неизменном ассортименте сопоставление намеченной программы и потребной рабсилы или оборудования возможно лишь путем сложных косвенных выкладок, по существу основанных на тех же экспертных оценках. За соображениями о размерах выпуска продукции на рубль вложений и прочее можно признать лишь вспомогательное значение. Эти соображения не показательны ни для направления новых рационализаторских мероприятий, ни для оценки загруженности отдельных групп механизмов, ни для выявления потребной рабсилы и резервов, которые таятся как в масштабе всего производства, так и в отдельных его частях. Одно только денежное выражение программы, так же как и ценностный учет основных фондов, является удовлетворительным лишь в условиях анархического хозяйства, где оценка успешности действий определяется размерами присвоения прибавочной стоимости и относительным размером прибыли. Ценностный учет как всеобъемлющая форма, является вполне исчерпывающим лишь в условиях капиталистического производства, где «действительной границей капиталистического производства является сам капитал», т. е. капитал — самовозрастание его стоимости является исходным и конечным пунктом, мотивом и целью производства»⁶.

⁶ „Капитал“, т. III.

Не лучше с точки зрения сопоставления с производственной мощностью и натуральное выражение программы. Одна и та же тысяча тонн угля, добытая при разном соотношении ручной и механизированной выработки, с точки зрения использования производительных сил народного хозяйства и с точки зрения потребности в рабсиле представляют собой разные величины. Та же тысяча киловатт паровых турбин потребует совершенно других механизмов и других квалификаций, в зависимости от того, изменится ли соотношение крупных и мелких турбин.

Число сотен тысяч киловатт не может определить, какие изменения необходимо внести в структуру основных и оборотных фондов, труда и т. п.

Изменение натурального выражения может не быть увязано с ценностным. Рост числа киловатт паротурбин может сопровождаться понижением общей себестоимости выпущенной продукции. Рост метража или веса валовой продукции (так же как и изменения ее трудоемкости) необязательно сопровождается соответствующим ростом их стоимости. Как ценностное так и натуральное выражение производственной программы несопоставимы ни между собой, ни с потребной рабсилой. Это не означает необходимости отмены ценностного и натурального планирования. Дело лишь в том, что подобным образом выраженный план нуждается еще в расшифровке. Ни данные, которыми располагают планирующие органы относительно возможности основных фондов, ни плановое задание промышленности в том виде, как оно дается, не заключают в себе ключа оперативного и перспективного планирования (загрузка существующего оборудования и ввод нового, капитальное строительство, подготовка кадров и пр.).

Вместе с тем реконструктивные процессы приобретают такой размах, при котором учет и планирование должны иметь наибольшую точность.

Так использование основного капитала Гомзы (82 млн. руб.) при реконструкции намечалось лишь на 41%.

Таблица 2

(В млн. руб. по восстановительной стоимости)

Наименование заводов	Сущест. капитал	Используем. капитал	Исключаем. капитал	% исключ. капитала
„Красное Сормово“	26,8	9,4	17,4	65
„Красный Профинтерн“	20,3	9,7	10,6	52
Коломенский	19,1	5,6	13,5	71
Приокский	10,4	6,3	4,1	40
Тверской	3,2	1,4	1,8	56
Мытищин кий	2,5	1,1	1,4	56
Итого	82,3	33,5	48,8	59

Количество исключаемого и негодного при реконструкции оборудования определяется в 48,8 млн. руб., причем на некоторых заводах, как Сормовский, Коломенский, будет снято 65% и 71% личного оборудования.

Из всей этой массы по наметке Гипромеза одна половина оборудования на сумму 24,5 млн. руб. непригодна по моральному и физиче-

† „На новом этапе социалистического строительства“.

скому состоянию; другая половина на 24,3 млн. руб. вполне годна для дальнейшей эксплуатации, но неприемлема для реконструкции в силу перевода заводов из цехов на выполнение узко специальных производственных заданий, требующих однородного и специального оборудования.

Соответствующую картину рисуют и проекты реконструкции заводов других отраслей промышленности.

Наибольшая нужда в нахождении новых показателей и новых методов планирования проявляется в области труда. Решающая победа социализма в первую очередь (как это указывал Ленин⁸, выправляя ошибки Бухарина) изменяет характер труда, устраняя его принудительный характер, превращая работника в подлинно свободного «работника социалистического производства».

Четкое регулирование трудового баланса, правильная расстановка людей становится решающим моментом в деле строительства. Усложняющиеся задачи заставляют уже не ограничиваться оценками суммарного роста, да еще выражаемого ростом стоимостного объема.

Но и в части определения мощности существующих фондов, и в части определения средств, необходимых для выполнения **планового задания**, мы руководимся экспертной оценкой и экстраполяцией, не имеющей достаточного техно-экономического основания.

Приведем несколько примеров. Одним из блестящих образцов сочетания хозяйственного расчета и технического планирования является восточный промфинплан металлургического завода им. Сталина. Рабочая общественность боролась за промфинплан в 800 тыс. квт паротурбин против плана заводоуправления в 350 тыс., наметки треста в 420 и наконец против «крайнего» плана «Котлотурбины» в 567 тыс. квт.

Для обоснования этого увеличения программы (которое руководители объединения величали «демагогией» и «филькиной грамотой») оказалось достаточным расшифровать ценностное и натуральное выражение программы и, выразив его в конкретном трудовом времени, противопоставить наличному оборудованию.

Нижеследующая таблица загрузки оборудования показывает, что единственными узкими местами явились цилиндрорасточные, дисковые и вертикально-горизонтальные станки (см. табл. № 3 на с. 38).

Четкое выявление узких мест предопределило их преодоление.

Были приняты меры для разгрузки узких станков как за счет передачи работ на другие станки, так и за счет повышения норм выработки, скоростей резания и рационализаторских мероприятий и приспособлений.

На рационализаторские предложения по узкой группе станков объявлен особый конкурс с премированием по наиболее высокой шкале. Работа в три обычных смены была признана недостаточной. Путем введения четырех шестичасовых смен рабочее время станка было доведено до 24 часов, или (при сброске 15% на неполадки и ремонт) до 7400 рабочих часов в год, что в корне изменило производственный баланс этой группы оборудования.

Была поставлена (а нынче блестяще разрешена) задача перехода на производство сварных конденсаторов вместо литых, что кроме сокращения времени станковой обработки дало громадную экономию металла.

⁸ „XI Ленинский сборник“.

Турбинная мастерская металлического завода им. Сталина

№ групп. станк.	Наименование станков	Количество	Наличие станкочасов в тыс.	Потребное колич. станкочасов для 567 т. квт	Потребное количество прогр. станкочасов при прогр. 800 т. квт
1	Токарные малые	23	150	103	115
2	" средние	67	435	95	117
3	" крупные	21	136	17	19
4	Гориз. раст. стол.	9	58,5	39	41
5	Токарно-лобовые	2	13	—	—
6	Гориз. расточн. сред.	9	58,5	25	29
7	Цилиндро расточн.	3	19,5	14	20
8	Карус. мал. до 1 250 мм	7		35	38
9	" " 2 000 "	11		35	39
10	" " 3 000 "	4	155,5	14	17
11	" " 4 000 "	1		6	7
12	Спец. дисков	1		24	34
13	Рад. сверл. 1 750	16		39	45
14	" 2 250—2 650	4	130	29	39
15	Сверл. обычнов.	4	26	3	4
16	Фрезерн. гориз. мал.	3	19,5	8	10
17	" " сред.	11	71,5	17	22
18	" " верт. мал.	11	71,5	26	31
19	" " " сред.	16	102	29	28
20	Зборезный	2	13	1	2
21	Фрез. болтогаечн.	1	6,5	5	7
22	" шпоночн.	2	6,5	1	1
23	Шлифовальн.	1	8,5	2	2
24	Шеппинг	7	45,5	7	8
25	Строг. верт. гориз.	1	6,5	13	19
26	Прод. строг. 1 000 мм	1		9	9
27	" " 2 000—3 000	7	65	18	22
28	Прод. строг. 7 000	2		15	20
29	Перен. рад. свердл.	1	6,5	1	1
30	Долбежный 250 мм	2		3	3
31	" 350 "	4	65	4	5
32	" 600 "	4		3	4

Наконец часть деталей, связанная с работой узких мест, была передана в порядке кооперирования на другие заводы.

Таким образом выяснилось, что, даже выполняя программу в 800 тыс. квт, металлический завод им. Сталина будет иметь десятки неиспользованных токарных, фрезерных и пр. станков. Отсюда родился новый лозунг, брошенный общественностью завода, — «социалистический фонд станков», лозунг к сожалению реализованный только в ничтожной степени. Мы приведем итоги обследования уже в спреле сего года инструментального цеха того же завода.

При грубом подсчете, проделанном совместно с заведующим отделением, выяснилось, что перевод на полную трехсменную непрерывную работу при сохранении того же количества рабсилы и той же программы дал бы возможность высвободить значительную часть оборудования цеха.

Вот таблица, характеризующая эти возможности по основным станкам отделения (при грубом подсчете):

Таблица 4

Наименование станков	Колич. станков	Из них работ. в 2 смены	Из них работ. в 1 смену	Можно высвободить станков при переводе остальных на трехсменную работу при НПН без увеличения программы	
				Число	Проц.
Токарные	53	46	7	21	40
Фрезерные	12	6	6	7	58,3
Точильно-шлифовальные	26	6	20	15	57,7
Загильочные	4	—	4	2	50

Таким образом здесь имеет место огромное недоиспользование оборудования.

Но такое же положение и на других заводах. Первые же попытки планирования, исходя не только из ценностных и натуральных показателей, но и показателей конкретного расхода времени, показали омертвление мощных резервов. Многомиллионное имущество состоящее из ценнейших станков и оборудования, стареет, изнашивается и амортизируется без достаточного использования. Напр. цех незского завода им. Ленина.

Берем расчет, сделанный по нашей просьбе в конце 1930 г. объединением «Котлотурбина». Вот 1-й механический цех⁹.

Таблица 5

	Колич. станков	Годовой фонд времени в час.	Число станко-часов, необходимое для пр-мы 1931	Неиспольз. резерв
Фрезерные	34	157 080	47 346	—
Строгательные	22	101 640	60 642	—
Долбежные	18	83 160	41 408	—
Сверлильные	27	124 740	69 899	—
Токарные	112	517 440	282 461	—
Всего	213	984 060	501 696	482 364

Мы видим, что общий неиспользуемый резерв станкового времени составляет 480 тыс. часов. Но этот неиспользуемый резерв фактически значительно выше, т. к. годовой фонд времени преуменьшен, ибо исходит лишь из 4 620 часов работы.

Если же принять годовой фонд времени в 6 400 часов ($360 \times 21 - 15\%$), то общий фонд механического цеха возрастает до 1 360 тыс., а неиспользованный резерв—до 960 тыс., т. е. больше, чем все потребное для выполнения производственного задания время. Переводя

⁹ В этой таблице суточная работа исчислена из трехсменной работы станка при семичасовом рабочем дне (т. е. 21 час. в сутки), 15% сброшены на брак, простой, ремонт и прочие неполадки. Таким образом суточное рабочее время составляет 18 час., а годовое соответственно—6 480 (360×18).

Цифра годовой работы станка неизбежно подвергается дискуссии. Так объединением „Котлогурбина“ годовая работа станка, даже при трех сменах и непрерывке, исчислялась лишь в 4 840 час., т. е. в среднем менее 13,5 час. в сутки.

это время на полноценные станки, получаем «резерв» в 134 станка. Учитывая необходимость всех и всяческих потерь на некомплектность, «непредвиденные» потребности и т. д., все же никак нельзя признать использование этого дефицитного оборудования (металло-режущие станки) удовлетворительным.

Несколько лучшая, но все же недостаточно удовлетворительная картина и по 2-му механическому (меньшему) цеху того же завода.

Такой же (как мы показали, преуменьшенный) подсчет по «Красному путиловцу» (без тракторного отдела) показывал, что число «излишних» станков превышает 500, ибо при годовом фонде в 3 627 тыс. часов¹⁰ потребность составляет 1 827 тыс. Мы приводим достаточно подробный расчет по видам изделий и группам станков для механической обработки всей продукции (по контрольным цифрам). С тех пор увеличение программы значительно повысило загрузку станков «Красного путиловца». Но считать ее предельной нельзя и сейчас.

Все эти примеры, которые можно было бы продолжить, не только говорят сами за себя, но и указывают направление, по которому должно идти изыскание показателей технического планирования.

В основе этих расшифровывающих показателей должен лежать непосредственный учет количества труда, потребного для использования как всей народнохозяйственной, так и той или другой производственной программы. В дополнение к денежным и натуральным выражениям (не говорящим ни о количестве, ни о характере потребного труда) мы должны перейти к выражению плана в единицах конкретного труда, из которого складывается производство данной отрасли.

Единственным общим показателем может явиться время труда. Характер же единиц, т. е. виды конкретного труда, будет различен. Программное задание должно быть выражено в часах работы по тем же квалификациям и группам оборудования, которые необходимы для выполнения данной программы.

Напомним высказывания Энгельса:

«Коль скоро общество вступает во владение средствами производства и применяет их в непосредственно обобществленном производстве, — труд каждого отдельного лица, как бы ни был различен его специфически полезный характер, становится сам по себе и непосредственно общественным трудом. Для того чтобы определить в таком случае количество заключающегося в продукте общественного труда, не надо прибегать теперь к косвенному пути: ежедневный опыт непосредственно указывает, сколько его необходимо в среднем: Общество может просто учесть, сколько часов труда воплощено в паровой машине, в гектолитре пшеницы последнего урожая, в ста квадратных метрах сукна известного качества. Ему не может поэтому прийти в голову выражать заключающиеся в продуктах количества труда, которые ему тогда непосредственно и абсолютно известны, — еще посредством относительной, неопределенной и недостаточной, хотя и бывшей раньше неизбежной как крайнее средство мерой, т. е. выражать их в третьем продукте, а не в их «естественной, адекватной, абсолютной мере, в рабочем времени»¹¹.

Еще более интересно и категорично мнение Энгельса о плане со-

¹⁰ Подсчитан из расчета 4 620 станкочасов в год.

¹¹ «Анти-Дюринг», с. 295 (подчеркнуто Энгельсом).

циалистического общества. Основным критерием, опеределяющим план, явится степень полезности предметов и количество времени, необходимое для производства. «Разумеется общество должно знать, сколько труда требует каждый предмет для своего производства. Оно должно будет выработать план производства, сообразуясь со средствами производства, к которым в частности принадлежат также и рабочие силы. Степень полезности различных предметов потребления, сопоставленных друг с другом и с необходимыми для их произведения количествами труда, определит окончательно этот план»¹².

Точно так же представление об уничтожении капиталистической формы общества связывается у Маркса с планированием, исходящим непосредственно из трудового времени: «Если представить себе, что капиталистическая форма общества уничтожена и общество организовано как сознательная и планомерная ассоциация, то эти 10 кварталов будут представлять собой количество самостоятельного рабочего времени, равное тому, которое содержится в 240 шиллингах. Следовательно общество не стало бы приобретать этот земледельческий продукт, в обмен на такое количество рабочего времени, которое в 2½ раза превышает¹³ действительно содержащееся в этом продукте время»¹⁴.

Группы конкретных видов труда (фрезерование, сверловка и т. д.), взятые в отношении к нормам затраты времени на единицу продукции, открывают возможность наиболее конкретного техно-экономического планирования. Именно по этому пути идут лучшие промфинпланы.

Указания на невозможность такого учета из-за большого числа разновидностей станков являются глубоко неверными¹⁵. Число групп станков во всяком случае значительно меньше, чем число видов производимой продукции. В приложении мы даем пример подробной группировки станочного оборудования для нашего машиностроения. Арабскими цифрами обозначены группы, по которым должны специфицировать свое оборудование заводы или крупные цеха, римскими— группы оборудования для спецификации объединений и наконец литерами—основные группы станочного и кузнечного оборудования, в которых должен составляться план, учитываться выполнение для центральных учреждений.

ОРИЕНТИРОВОЧНАЯ ГРУППА СТАНОЧНОГО ОБОРУДОВАНИЯ

Приложение

А. Группа токарных станков

1. Токарно-винторезные

1. Легкие с выс. центр. до 250 мм	2. Лобовые
2. Средние " " 350 "	3. Карусельные
3. Тяжелые " " выше 350 "	

¹² „Анти-Дюринг“, с. 296.

¹³ Трактуются дифференциальная рента.

¹⁴ „Капитал“, т. III, ч. 2, с. 162.

¹⁵ Для объединения может быть взято меньше подгрупп. Во всяком случае ясно, что видов полезного труда меньше, чем учитываемый ассортимент продукции в ее натуральном выражении.

Продолжение

4. Револьверные станки

- I. Легкие с отв. в шпин. до 25 мм
- II. Средние " " " 50 "
- III. Тяжелые " " " свыше 50 "

5. Автоматы

1. Легкие с отв. в шпин. до 25 мм
2. Средние " " " 50 "
3. Тяжелые " " " свыше 50 "

Б. Группа сверлильных станков

II. Сверлильно-радиальные станки

1. Легкие для сверл. с отв. до 20 мм в ст. ср. тв.
2. Средние для сверл. с отв. до 50 мм
3. Тяжелые " " " свыше 50 "

2. Сверлильн. станки вертикальн.

1. Легкие для сверл. с отв. до 20 мм в ст. ср. тв.
2. Средние для сверл. с отв. до 50 мм
3. Тяжелые " " " свыше 50 "

3. Сверлильные станки горизонт.

1. Легкие для сверл. с отв. до 20 мм в ст. ср. тв.
2. Средние для сверл. с отв. до 50 мм
3. Тяжелые " " " свыше 50 "

2. Сверл. станки многошпин. быс.

1. Легкие для сверл. с отв. до 20 мм в ст. ср. тв.
2. Средние для сверл. до 50 мм
3. Тяжелые " " " свыше 40 "

В. Группа фрезерных станков

1. Фрезерные вертик. станки

1. Легкие № 1
2. Средние № 2 и 3
3. Тяжелые № 4.

2. Фрезерные горизонт. станки

1. Легкие № 1
2. Средние № 2 и 3
3. Тяжелые № 4

3. Универсально-фрез. ст.

1. Легкие № 1
2. Средние № 2 и 3
3. Тяжелые № 4

4. Фрезерн. станки с двумя шпинд для фрезеровки паралл. плоск.

1. Легкие по дл. и шир. стола 700×900
2. Средние " " " 900×1000
3. Тяжелые " " " свыше 900×1000

Г. Группа строгательных станков

1. Продольно-строг. станки

1. Легкие по шир. стола 600 — 800 мм
2. Средние " " " 600×1500 "
3. Тяжелые " " " свыше 1500 мм

2. Поперечно-строг. станки (шеппинг)

1. Легкие по ходу долб. 300 мм
2. Средние " " " 400—500 мм
3. Тяжелые " " " 650 и выше

Д. Болторезные станки

1. Легкие при нарезке до 1"
2. Средние " " " 2"
3. Тяжелые " " " свыше 2"

Е. Гайкорезные станки

1. Легкие при нарезке до 1"
2. Средние " " " 2"
3. Тяжелые " " " свыше 2"

Ж. Группа шлифовальных станков

I. Кругло-шлиф. станки.

1. Легкие по дл. шлиф. предм. до 150 мм
2. Средние " " " 250 "
3. Тяжелые " " " свыше 250 "

2. Станки для шлиф. плоск.

1. С вертикальной осью
2. " горизонтальной "

3. Шлифовальные станки для внутр. шлифовки

3. Группа точильных станков

а) Для сухой точки

1. Автоматические
2. Универсальные
3. Станки для точки резцов
4. Станки для точки сверл.

б) Для мокрой точки

1. Автоматические
2. Универсальные
3. Станки для точки резцов
4. Станки для точки сверл.

И. Пресса эксцентрии

1. Легкие до 50 т
2. Средние до 150 т
3. Тяжелые 250 т и выше

К. Фрикционные молота

1. Легкие до 500 т
2. Средние до 100 т
3. Тяжелые 155 т и выше

Л. Гибочные машины

„Бульдозер“

1. Легкие до 25 т
2. Средние " 50 т
3. Тяжелые " 100 т и выше.

Эта работа даст количественный учет возможностей использования оборудования. Он сделается достаточно исчерпывающим лишь при проведении серьезнейшего качественного учета.

Поэтому наряду и одновременно с Всесоюзной переписью оборудования (которую мы считаем необходимым провести) должна быть проведена и его полная паспортизация. Тщательно должны изучаться простои в каждой из работающих смен, выявляться их причины—ремонт, недочеты снабжения или планирования, отсутствие рабочих, инструмента, транспорта, электроэнергии и т. п. Повышение выведенного на основе этого изучения коэффициента использования оборудования¹⁶ должно стать важнейшей задачей каждого хозяйственника.

Точно таким же образом должны быть выделены виды ручного труда (сборка и т. д.). Количество необходимых часов работы подсобного, вспомогательного, ремонтного и т. п. времени может исчисляться и по специально выводимым коэффициентам либо попросту браться в определенном проценте в зависимости от характера производства к основным производственным рабочим.

Здесь было бы уместно подчеркнуть отличие выдвигаемой нами системы от неоднократно предлагавшихся показателей в трудовых единицах («треды»).

Последние представляли собой не выражение конкретного рабочего времени, затрачиваемого на данную полезную работу, но некую приведенную величину. Целью и основанием этих показателей являлось приведение всех видов полезного труда к единому обезличивающему измерителю, к единому «простому» труду.

Однако нуждаемся ли мы в подобном измерителе?

Нам кажется это излишним, ибо такую роль, роль единого и постоянного измерителя, играет денежное выражение, худо или хорошо выражающее эти отношения подытоживания и сравнения. Переименование этих выражений в «треды» вряд ли принесет значительную пользу на данном этапе, более того—лишь ударит по хозрасчету, создавая параллельную денежной систему.

Однако идея редукции продолжает дазлеть над многими нашими экономистами.

Нам кажется, что здесь налицо ошибка, сводящаяся к попытке в ином виде возродить закон стоимости в условиях социалистического хозяйства и имеющая в некоторой мере родство с рубинской категорией социально уравниного труда, которую Рубин в форме приравнивания переносил и в социалистическую общину.

«Чтобы понять невозможность количественной характеристики абстрактного труда, мы опять прибегнем к сравнению его с тем социально-уравненным трудом, который встречается в социалистической общине»¹⁷. В социалистической общине органы учета будут конечно тоже иметь дело и с простым трудом и с квалифицированным; последний придется приравнять к простому труду, скажем, считать его в два раза больше простого труда. «Но ведь это не значит,— рассуж-

¹⁶ Коэффициентом использования оборудования нужно считать отношение числа часов фактической работы к установленному числу часов работы; в предприятии, если при 7-часовом дне станок работает только 5 часов, этот коэффициент равен $\frac{5}{7} = 0,7$.

¹⁷ „Проблемы экономики“ № 1, 1931, с. 47.

дает Рубин, — что квалифицированный рабочий действительно в два раза больше работал; это также не значит, что им в два раза больше потрачено физиологической энергии»¹⁸.

Того, что при развернутом коммунизме не будет чернорабочих и инженеров, что квалифицированным для выполнения всех работ, потребных общественному-целому, будет каждый,—этого Рубин видимо представить не может.

Но возможность закрепить общественное неравенство навеки дает не что иное как рубинская нематериальность абстрактного труда. По мнению Рубина, «двойное количество единиц труда, приходящихся на долю более квалифицированного работника, представляет собой не число фактически проработанных часов и не сумму фактической физиологической энергии, а число единиц общественного труда, т. е. общественную величину. Именно такого рода общественную величину представляет собою и абстрактный труд, выполняющий в стихийном товарном хозяйстве ту роль, которую описанный социально-уравненный труд выполняет в сознательно организованном хозяйстве»¹⁹.

Рубин пытается втащить в коммунизм субстанцию стоимости— абстрактный труд, наряжая его в пышную одежду «социально-уравненного» труда.

Но ведь и вся-то категория социально-уравненного труда понадобилась Рубину для того, чтобы заполнить зияющий разрыв между трудом в смысле физиологической затраты и «абстрактным» трудом в рубинском понимании.

Вместе с тем совершенно очевидно, что ни социально-уравненный труд, ни его модификация в виде «тредов», представляющих собой единицы времени простого, неквалифицированного труда, ничего не могут дать для целей технического планирования и по существу призваны выполнять ту же редуцирующую роль, которую выполняют ценовые выражения. Поэтому создание на нынешнем этапе наряду с денежной системой равнозначущей системы «тредов» означало бы создание системы, конкурирующей с денежной. Это означало бы по существу не создание технической базы хозрасчета, но борьбу против него и забвение роли денег на современном этапе.

Не то при выражении народнохозяйственного задания в несведенных единицах конкретного полезного труда данного вида.

Имея программу отрасли не только в ценностном и натуральном выражениях, но и выраженную в единицах времени по группам оборудования (включая процент брака, простоя, ремонта и т. д.), получающуюся путем перемножения числа изделий на потребное время работы, можно, как это видно из нижеследующей таблицы:

(В тыс.)

Таблица 6

Изделия в часах	а	б	в	Вся продукция
Фрезерование	3	5	7	200
Строжка	4	12	15	150
Сверловка	7	8	10	175

¹⁸ Рубин. Очерки, с 169.¹⁹ Там же (подчеркнуто Рубиним).

1. Точно вычислить (учитывая поправочный коэффициент на некомплектность оборудования и т. д.) потребность в оборудовании для выполнения данной или намечаемой, или теоретически возможной программы. Выводы в смысле напрасленности капиталовложений, переброски и распределения существующего оборудования, использования демонтажного, выбора ассортимента и пр. и пр.).

2. Исчислить потребность для данной программы количества рабочей силы по специальности (сумма программных часов, деленная на число часов годовой работы рабочего с учетом болезней, невыходов, простоев и т. д.).

Данные для подобного выражения программы имеем. Основным источником явится разработочная ведомость изделия. На худой конец могут быть использованы, опять-таки с учетом фактической переработки, нормы ТНБ, которые клались в основу расценок. Этими данными располагает каждое предприятие.

Суммируя данные предприятий, мы получаем расчет программы отраслей, выраженный в единицах конкретного труда, дающий возможность непосредственных выводов по определению потребностей рабочей силы, оборудования и т. д.

Мало того. Тщательная техническая разработка изделия, приведение фактической выработки к максимально технически возможной норме—все это в наибольшей степени получает опору в предлагаемом методе. Чрезвычайно повышается значение органов технического нормирования и предъявляемые к последним требования.

При подобном составлении программ каждому рабочему ясна и производственная мощность предприятия, и качество использования, и резервы. Вместе с тем подобная программа представляет собой готовый план если не станка, то однородной группы станков.

Создается наибольшая ясность в смысле приближения плана к станку. Конкретны и ясны для каждого рабочего задачи улучшения производственного баланса. Выражая производственный процесс не только в маскирующей денежной, но наряду с ней и в конкретизированной форме, мы направляем энергию и инициативу масс на разрешение сразу выявляющихся проблем использования фондов социалистического хозяйства.

Сопоставление наличного фонда станкочасов с потребным для выполнения данной программы определит и реальные возможности, и узкие места, и напрасление концентрации, специализации и кооперирования, линии капитальных затрат и линии рационализаторской борьбы за расширение узких мест.

Подобное выражение хозяйственного плана позволит сорвать все, затемняющее ход производства, сделав его кристально ясным и понятным. Вся задача для рабочего сводится к понижению времени обработки своей детали (всякими способами—техническая реконструкция, рационализация, интенсивность, скорости резания, изменения конструкции и пр.). Для планирования производства—задача опять-таки учитывать технически возможность понижения времени затрат на каждое изделие и всеми мерами повышать суточное и годовое время работы станка.

Опыт встречного промфинплна показывает, что такое построение программ возможно и в масштабах треста и отрасли. Первая наметка будет постоянно и ежечасно уточняться как жизнью, так и в порядке

плановой технической разработки возможностей снижения норм времени на каждую вырабатываемую единицу, являющуюся частью промышленного задания.

Это уточнение и сокращение расхода времени на единицу изделия по каждой группе работ относительно прежних, либо данных на текущий отрезок времени норм явится наилучшим показателем роста производительности труда как отдельных работ, так и целых предприятий и отраслей.

Но единицами конкретного труда может являться не что иное как рабочее время.

Маркс говорит об этом на первых же страницах «К критике политической экономии» (с. 93).

Полемизируя с отражением лассальянства в «Готской программе», Маркс говорит по поводу «фразы о доходе от труда».

«Внутри товарищеского, основанного на общем владении средствами производства общества, производители не обменивают своих продуктов; столь же мало употребленный на продукты труд является здесь как ценность этих продуктов, как вещественное свойство, которым они обладают. Ведь теперь — в противоположность капиталистическому обществу — индивидуальные труды становятся составными частями совокупного труда уже не окольным путем, а непосредственно. Таким образом выражение «доход от труда», которое следует отвергнуть уже ввиду его двусмысленности, теряет всякий смысл.

«Содержание и форма изменились, потому что при изменившихся обстоятельствах никто не может дать ничего кроме своего труда, а с другой стороны, ничто не может перейти в собственность индивидуума кроме индивидуальных средств потребления. Но что касается распределения их между отдельными производителями, то здесь господствует тот же самый принцип, что и при обмене товарных эквивалентов»²⁰.

Более того, Маркс со всей ясностью указывает, что самый учет труда, индивидуального количества работы должен происходить не в косвенной, но в непосредственной форме рабочего времени.

«...Общественный рабочий день представляет сумму индивидуальных рабочих часов; индивидуальное рабочее время отдельного производителя есть доставленная им часть общественного рабочего дня, его доля в нем. Он получает от общества квитанцию в том, что отдал ему столько-то труда (за вычетом труда в пользу общественных фондов), и за эту квитанцию получает из общественных складов средства потребления в количестве, стоящем такого же количества труда. Сколько труда он отдал обществу в одной форме, столько же и получает обратно в другой»²¹.

Совершенно то же говорит и Ленин в V главе «Государство и революция».

«Средства производства уже вышли из частной собственности отдельных лиц. Средства производства принадлежат всему обществу. Каждый член общества, выполняя известную долю общественно необходимой работы, получает удостоверение от общества, что он такое-то количество работы отработал. По этому удостоверению он получает из общественных складов предметов потребления соответственное

²⁰ „Критика готской программы“, с. 53

²¹ Там же, с. 53-54.

количество продуктов. За вычетом того количества труда, которое идет на общественный фонд, каждый рабочий следовательно получает от общества столько же, сколько он ему дал» (с. 54-55).

Мы считаем необходимым отметить, что дело идет не о высшей фазе коммунизма, не о коммунистическом обществе в том виде, в каком оно развилось на собственной основе, но о том, которое только что вышло из недр капитализма, которое носит во всех отношениях отпечаток старого общества и которое Маркс называет «первой» или нижней фазой коммунистического общества²².

Равное право все еще заключено в буржуазные рамки и поэтому не является равенством. Право производителей пропорционально доставленному ими труду, равенство—лишь в равенстве мерилла труда²³.

Итак речь идет о той первой фазе коммунистического общества, когда оно выходит непосредственно после долгих мук родов из капиталистического, общества.

В вышеприведенных высказываниях дело идет не только об учете производства в трудовом времени, но и об организации распределения предметов потребления прямо пропорционально количеству доставленного обществу труда. Учет производства в прямых количествах труда конечно является п р е д в а р и т е л ь н ы м условием и предпосылкой вышеописанных форм распределения.

За ценовыми выражениями в СССР скрывается не приравнение к третьему продукту, к обособившемуся эквиваленту—золотому товару, но социалистические производственные отношения; внешнее сходство с капиталистическим ценностным выражением иногда может маскировать это содержание, подобно тому как (в обратном смысле) форма «обмена эквивалентами» скрывает истинное содержание, заключающееся в отношении эксплуатации²⁴.

Регулирование народного хозяйства через посредство цены как единственного показателя и ныне не имеет места. Лучшим доказательством является методика составления встречных промфинпланов. Она заключалась в прикидке и сопоставлении ценовых выражений оборудования и программы («капиталоотдачи» и т. п.), но в сопоставлении изделий, разбитых на потребное время обработки по соответствующим группам станков, и фонда становремени имеющегося оборудования (число станков данной группы = 24).

Когда мы говорим о плане станка и даже цеха, речь идет не только о плане в ценовом выражении, а о выполнении или перевыполнении нормы, данной в затрате времени каждого конкретного станка, ибо план станку—это не что иное, как его норма.

²² Приведем краткую характеристику, данную этой фазе Лениным при проработке материалов к журн. «Государство и революция».

„Н и з ш а я“ (первая) — распределение предметов потребления „пропорционально“ количеству труда, доставленного каждым обществу. Неравенство распределения еще сильно. „Узкий буржуазный горизонт права еще не вполне превзойден“.

Тоже форма принуждения: „не работает, так не получит и есть“.

²³ „Для создания истинного равенства право вместо равного должно бы быть неравным“ (Ленин, Государство и революция).

²⁴ „Капитал“, т. I, с. 459. Меновое отношение между капиталистом и рабочим становится таким образом простой видимостью процесса обращения, простой формой, которая чужда своему собственному содержанию и лишь затемняет его действительный смысл.

Таким образом выполнение соцплана ставит задачу не только производства продуктоз в п-й ценности, на определенных полезных предметов при наиболее интенсивном и целесообразном использовании оборудования и рабочего времени.

Наибольшее время работы оборудования и наименьшая затрата трудового времени на каждую данную работу—основная линия борьбы за промплан.

Каждый технический и организационный успех понижает новую норму времени на данную работу, повышает использование основных фондов и производительные силы социалистической промышленности.

Адекватное отражение этого развития производительных сил — в снижении затрат времени на каждое изделие при одновременном повышении массы продукции.

БУРЖУАЗНЫЕ ТЕОРИИ ОПТИМАЛЬНОГО РАЗМЕРА ПРЕДПРИЯТИЙ

Проблема размера предприятия является неотъемлемой частью теории концентрации.

Теория концентрации Маркса все время подвергается величайшим нападкам. Каждый буржуазный экономист и катедер-социалист с видом превосходства говорит о неправильности «предсказаний» Маркса. Одни, более «снисходительные», старались дать «объективные» основания этого «провала» Маркса, другие просто указывали на ненаучность, утопичность теории Маркса. Однако жизнь жестоко посмеялась над буржуазными «учеными». Огромный рост концентрации стал столь очевидным, что и они должны были признать этот факт. Разница правда между Марксом и этими учеными немалая. Пиппер указывает, что в эпоху Маркса, «чтобы предугадать эти тенденции, требовались изумительное усилие мысли и почти сверхчеловеческая дальновидность. Современному же профессору не так трудно создать законченную картину того, что он видит перед собой в высоко развитом хозяйстве»¹.

Однако «современные профессора» не просто воссоздают видимые им картины, они придают этим картинам определенный своеобразный «тон» и соответствующий «фон». Их задачей является «смягчить» те противоречия, которые заложены в системе капитализма, они признают концентрацию, но без противоречий, а если и есть «противоречия», то они отнюдь не заложены в системе капитализма и не угрожают его существованию. Они ставят перед собой задачу доказать, что, несмотря на огромные успехи концентрации, рост размеров предприятий имеет определенный предел, заложенный в законах техники и природы. Каждое предприятие имеет определенный «оптимальный» размер, дальше которого, по их мнению, оно не может идти. Эти пределы роста предприятий обосновываются ими «универсальным законом» «убывающей производительности».

Размер предприятия, который определяется развитием производительных сил и своеобразием производственных отношений капиталистического производства, выводится буржуазными экономистами из «вечных» естественно-технических законов.

Мы попытаемся на основе критики основных положений буржуазной теории оптимального размера предприятия установить действительные тенденции развития размера предприятий. Вместе с тем мы попытаемся выявить те противоречия, которые заложены в развитии капиталистического предприятия, и доказать, что эти противоречия вытекают не из природы техники и человека, а из самой сущности капиталистической системы производства, из противоречия между общественным характером производства и частным характером присвоения.

¹ „Великий Маркс и Шмаленбах пророк его“, Сб. „Буржуазные ученые о закате капитализма“, с. 142.

1. Тенденция развития размера предприятий

Не входя в детали определения понятий «предприятие» и «заведение», мы лишь отметим, что подразумевается под ними, так как это имеет существенное значение для четкости понимания тенденции развития размера предприятия.

Основной ячейкой капиталистического производства является капиталистическое предприятие.

С ходом капиталистического развития предприятие начинает объединять не просто ряд цехов, а ряд в известном смысле цельных производственных единиц, заведений², друг с другом технически связанных, друг друга дополняющих. В основе перехода от предприятия, совпадающего с производственной единицей, к предприятию состоящему из ряда производственных единиц, лежат законы экономического развития, как-то: закон капиталистической конкуренции, процесс концентрации и централизации и др.

Заведение есть часть предприятия. Производство предприятия строится на основе разделения труда между заведениями. Отсюда следует, что установление производственно-технического плана заведения (размеры, характер производства и т. д.), финансирование его, общее руководство им (техническое, производственное) ведутся предприятием.

Каждое заведение не производит самостоятельно товара. Лишь совокупный продукт предприятия превращается в товар. Конкурентная борьба протекает между капиталистическими предприятиями как целыми, а не между отдельными частями отдельных предприятий. На предприятии как целом наиболее ярко проявляется действие экономических законов капитализма. Так процесс концентрации находит свое непосредственное выражение в росте размеров предприятий, что в свою очередь неизбежно проводит к изменению величины отдельных частей его, отдельных производственных единиц или заведений. Размер заведения определяется в основном в зависимости от размера предприятия.

Именно поэтому в основу рассмотрения проблемы об «оптимальном» размере мы ставим капиталистическое предприятие. Вопрос о размере отдельных частей этого предприятия, будут ли это цехи или отдельные производственные единицы, заведения, является вопросом подчиненным.

Мы не рассматриваем вопроса о размере различных форм объединения предприятий, так как это является совершенно самостоятельной проблемой.

Проблема оптимального размера предприятия теснейшим образом связана с теорией концентрации, она есть одна из частей ее. Рост размеров предприятий есть проявление роста концентрации капитала в руках индивидуального капиталиста и означает расширение

² В немецкой литературе проводится разделение на „Betrieb“ и „Unternehmung“. Слово „заведение“ чаще всего употребляется при переводе „Betrieb“, затем оно является официальным термином старой русской статистики, а отчасти и нынешней. Термин „производственная единица“ больше выражает содержание понятия „Betrieb“. Неудобство его заключается в том, что и предприятие также является производственной единицей в широком смысле слова. Предприятие как комплекс отдельных производственных единиц само есть производственное единство. Мы употребляем термин заведение как наиболее распространенный в русской литературе.

«специфически капиталистических методов производства». Стремясь опровергнуть теорию концентрации Маркса, буржуазные экономисты ищут «доказательства» устойчивости «средних» предприятий. Однако факты капиталистической действительности опровергают их доказательство.

Колоссальный рост концентрации промышленности особенно четко проявляется в САСШ и Германии.

Следующая таблица очень ярко характеризует этот процесс в экономике САСШ³:

Размер заведений по количеству рабочих	1909		1919		1923	
	Проц. заведений	Проц. рабочих	Проц. заведений	Проц. рабочих	Проц. заведений	Проц. рабочих
До 5 рабочих	61,0	4,7	62,0	3,4	44,6	2,4
6—20	21,3	9,7	19,3	6,9	27,7	7,0
21—50	8,9	11,6	8,7	9,1	12,9	9,2
51—250	7,1	29,8	7,8	27,1	11,4	28,1
Свыше 250	1,8	43,2	2,2	53,5	3,4	53,3
Всего	100	100	100	100	100	100

Удельный вес мелких предприятий совершенно ничтожен и неуклонно падает. Число их сократилось с 61 до 44,6%, причем в них всего 2,4 рабочих. Несмотря на рост количества заведений, имеющих 6—50 рабочих с 30,1 до 40,6%, значение их падает, так как число рабочих в них сократилось с 21,3 до 16,3%.

Крупная же промышленность неуклонно растет как по числу заведений так и еще больше по числу рабочих. В 1909 г. было 504 таких гигантов с 15,3% всех рабочих, в 1923 г. их уже 971. 0,5% всех заведений охватывает четверть всех рабочих.

Итак около половины всех предприятий (44,6%) имеет 2,4% рабочих, а 3,4% предприятий объединяют больше половины рабочих.

Группировка предприятий по стоимости продукции рисует аналогичную картину⁴: с 1904 по 1925 г. процент мелких предприятий упал с 66,6 до 52,4. Причем удельный вес этих предприятий в экономике совершенно ничтожен, так как в них сосредоточено всего 2,4% рабочих и 1,3% продукции. Рост числа средних предприятий (20 тыс.—100 тыс. долл.) с 35,5 до 64,5% идет наряду с падением их роли в экономике страны; так количество рабочих в них упало с 64,8 до 40,4%, а продукция с 55,7 до 31,4%. Аналогичный процесс происходит в предприятиях с продукцией 100 тыс.—1 млн. долл.

Лишь удельный вес предприятий-гигантов (с продукцией свыше 1 млн.) растет. Число их с 1904 до 1925 г. выросло с 0,9 до 5,6% всех предприятий, число рабочих в них выросло с 25,6 до 56,8%, а продукция с 38 до 67,5%.

Чрезвычайно интересны тенденции изменения размера предприятий по отраслям. В различных отраслях мы имеем далеко не одинаковый размер предприятия. Как ни мало показателен средний размер пред-

³ Таблица составлена по материалам Statistical abstract 1913 г.—с. 173, 1923 г.—с. 290, 1924 г.—с. 724.

⁴ Там же, 1924 г.—с. 724, 1929 г. с. 786.

прияття отрасли как целого, но сравнение этих средних размеров различных отраслей выявляет, что наиболее велик размер предприятий в ведущих отраслях. Эти отрасли занимают также и первое место по количеству крупных предприятий. К числу таких отраслей относятся: железо и сталепрокатные заводы, паровозостроение, производство автомобилей, медеплавильное дело, резиновая обувь, сахаро-рафинадное дело³. Особенно малый размер предприятий характерен для таких отраслей, как производство сыра, масла, искусственных протезов и т. п. Особенно интенсивно увеличился размер предприятий в отраслях, производящих: летательные аппараты, машины и водяные колеса, автомобили, асбестовое производство и др. Это либо ведущие, либо вновь возникающие отрасли. Отрасли, в которых уменьшается размер предприятий—жернова, фонографы, кнуты, корсеты, перья и плюмажи, невода и сети и т. п.—принадлежат либо к отраслям, теряющим рынок, либо к второстепенным отраслям.

Та же тенденция роста размера предприятий проявляется и в германской промышленности. Нужно отметить однако, что немецкие статистические данные преуменьшают действительные размеры концентрации. Объясняется это тем, что немецкая статистика, как известно, кладет в основу учета не предприятие, а заведение, являющееся и в Германии во многих случаях лишь частью предприятия.

Огромный рост размера предприятий чрезвычайно ярко характеризуется следующими ниже приводимыми данными (материал заимствован из „Statistische Jahrbücher für das deutsche Reich“ за 1910, 1928, 1930 г. и др.).

Если в 1882 г. мелкие предприятия (1—5 рабочих) занимали господствующее положение, объединяя больше половины всех рабочих (95,9% заведений и 55,2% рабочих), а крупные лишь около четверти всех рабочих, то с 1907 г. начинается не только относительное, но и абсолютное падение числа мелких заведений. В 1907 г. они уже объединяли лишь около 30% рабочих, в то время как крупные — 45,5% рабочих. Наиболее интенсивный рост дают крупные предприятия; если в 1882 г. крупные предприятия не намного превосходили по слою значению средние (18,4% рабочих в средних и 26,4% рабочих в крупных), то в 1925 г. средние предприятия объединяли лишь 22,8% рабочих и 12,8% НР, а крупные — 54,8% рабочих и 79,3% НР. Но особенно характерным является рост предприятий-гигантов с 1 000 и более рабочих. В 1895 г. было 248 таких предприятий с 430 236 рабочих, в 1905 г. (взято в нынешних государственных границах) их было 504 с 1 175 565 рабочих, а в 1925 г. — 822 гиганта с 2 109 005 рабочих, т. е. 0,4% всех предприятий имеет 17% рабочих и 42% НР. Эти данные являются лучшим ответом на заявление о наибольшей жизнеспособности средних предприятий.

Если мы обратимся к отдельным отраслям, мы увидим ту же тенденцию, которая отмечалась в отношении Америки, т. е. наиболее крупными являются предприятия в ведущих отраслях. Наибольшее количество крупных предприятий (свыше 500 рабочих) имеется в горном деле, металлургии, машиностроении, строительной, текстильной и химической промышленности. Наиболее мелкие в отрасли—предметов питания, одежды, садоводства и т. п.

Данные за 1926, 1927 и 1928 гг., взятые по отраслям в целом ввиду отсутствия данных по всем группам размеров предприятий (мы берем

средние и крупные предприятия), показывают тенденцию дальнейшего роста размера предприятий. Так если в 1926 г. в горном деле на одно предприятие приходилось 434 рабочих, то в 1927 г. было 489, а в 1928 — 502, в металлургии в 1926 г. — 147, в 1928 г. — 166 рабочих. Насколько далеко идет рост размера предприятий, станет еще яснее, если мы возьмем не целые отрасли, а выделим отдельные виды предприятий. Так если в горном деле предприятие в 1925 г. в среднем охватывало 434 рабочих, то в каменноугольном — около 1 300 рабочих, в металлургическом (в целом) — 147, а по доменным печам — 4 655 рабочих; в машиностроительном (в целом) одно предприятие имело только 300 рабочих, а в электрическом машиностроении — 910 рабочих; предприятие по искусственному шелку имело — 1 223 рабочих, в то время как по текстилю в целом — около 10 рабочих.

Рассмотрение данных по развитию промышленности в важнейших капиталистических странах, казалось бы, снимает необходимость особых доказательств тех преимуществ, которые имеют крупные предприятия, и тех тенденций, которые проявляются в изменении размера предприятий. Однако задача опровергнуть теорию концентрации Маркса, вопреки всем данным экономической действительности, толкает буржуазных экономистов (в том числе и меньшевиков) на путь «своеобразного» использования статистических материалов с целью умаления значительности роста предприятий. Для этого служат данные по отраслям в целом без выделения удельного веса предприятий разных размеров, смешение воедино таких отраслей промышленности, как доменные и булочные, машиностроительные предприятия и предприятия по производству игрушек и т. д. и т. п.

2. Размер предприятия и уровень прибыли его.

Теория оптимального размера предприятия превращает вопрос о размере предприятия из социально-экономического в естественно-технический, что находит свое выражение в обеих частях этой теории: как в той, которая устанавливает условия, необходимые для того, чтобы данный размер был «оптимальным», так и в той, которая устанавливает пределы роста предприятий.

Зомбарт так формулирует условия достижения оптимума: «Существует величина предприятия, при которой желательный результат достигается наилучшим образом и в частности достигается максимум (трудовой) продуктивности. Это имеет место тогда, когда выполнены три условия: 1) применяется наиболее продуктивный способ производства, 2) оптимально используются все факторы производства, 3) все факторы производства находятся друг с другом в соответствующем соотношении»⁶.

Условия, выставленные Зомбартом, одинаково приложимы к любому типу производственных отношений. Критерием работы капиталистического предприятия Зомбарт считает трудовую продуктивность. Эти условия «оптимальности» ничего не говорят нам о своеобразии тех производственных отношений, которые определяют размер предприятий в капиталистическом обществе, о механизме, влияющем на изменение размера, и той действительной связи, которая имеется между размером предприятия и уровнем прибыли.

⁶ В «Современный капитализм», т. III, с. 19-20.

Но даже и тогда, когда они от «трудовой продуктивности» переходят к прибыли, они рассматривают условия увеличения прибыли как естественно-технический закон.

Бюхер, Ратенау, Фогельштейн и другие буржуазные экономисты приписывают выгоду крупного производства, падение издержек производства и рост прибыли законам техники и математики и своеобразию самого материального процесса производства. На самом же деле уменьшение издержек и рост прибыли в крупном предприятии присущи не средствам производства как таковым, а есть результат общественных условий труда.

Рост предприятий в ходе исторического развития в основе своей имеет борьбу за добавочную прибыль путем уменьшения издержек и увеличения нормы прибавочной стоимости на основе роста производительности и интенсивности труда. Уже простая кооперация приводит к увеличению производительности труда. Эту специфическую производительную силу комбинированного рабочего Маркс называет «общественной силой общественного труда». Маркс подчеркивает, что первоначально простая кооперация в условиях капитализма требует известной минимальной величины капитала, которая должна давать достаточно прибавочной стоимости для превращения мелкого мастера в капиталиста. «Теперь этот минимум является материальным условием превращения многих раздробленных, независимых друг от друга индивидуальных процессов труда в один комбинированный общественный процесс труда»⁶.

Таким образом для того, чтобы существовала материальная возможность кооперации, необходим рост размеров предприятия. Развитие общественной производительной силы труда на основе мануфактуры неизбежно приводит к дальнейшему росту капиталистического предприятия. «Рост минимальной суммы капитала есть закон, возникающий из самого технического характера мануфактуры»⁷.

Но еще больший рост «минимальной суммы капитала» происходит с переходом к машинному производству. Вместе с тем предприятия, применяющие машины, имеют огромные преимущества, так как машина в руках капиталиста есть наиболее могущественное средство выкачивания прибавочной стоимости. Чем совершеннее машина, тем выше производительность труда и тем больше относительная прибавочная стоимость. Применение наиболее передовой техники однако доступно только наиболее крупным предприятиям, так как только они обладают необходимым для этого размером капитала. Таким образом само по себе усовершенствование техники еще не может объяснить экономических преимуществ наиболее передовых крупных предприятий. Совершенно иначе объясняют преимущества крупных предприятий теоретики «оптимального размера».

Так Фогельштейн пишет: «Один из важнейших моментов непропорционального роста издержек носит чисто технический характер. Он покоится на очень простом техническом факте, что при пропорциональном увеличении массы тела поверхность возрастает в квадрате, а объем в кубе»⁸. Дальше Фогельштейн приводит следующий

⁶ „Капитал“, т. I, с. 320.

⁷ Там же с 351.

⁸ „Grundriss der Socialwissenschaft“, т. VI, ст. Фогельштейна, с. 401 (разрядка моя—И. Д.).

пример: для резервуара в один кубический метр необходимо 6 кв. метров жести для оболочки, для резервуара же в 1 000 куб. метров (т. е. увеличение в 1 000 раз) требуется 600 кв. метров для оболочки (т. е. увеличение в 100 раз). Отсюда Фогельштейн делает вывод, что именно в этом законе математики кроется важнейшая причина дешевизны крупных машин, зданий, больших фабрик, больших судов. Факты, приводимые Фогельштейном, отнюдь не свидетельствуют о «техническом характере» уменьшения издержек в крупных предприятиях. «Сам по себе рост техники не может увеличить хозяйственного значения крупных предприятий»⁹.

Большая относительная дешевизна крупных установок кроется не непосредственно в законе математики, а в уменьшении издержек производства вследствие уменьшения затраты общественно-необходимого труда для производства их.

С другой стороны, применение этих крупных установок имеет огромное значение для экономии издержек, особенно в области затрат на двигательную энергию.

Происходит это вследствие того, что в крупных тепловых установках относительно уменьшается площадь охлаждения.

С другой стороны, «в котлах хорошей конструкции поверхность нагрева увеличивается не пропорционально величине их объема, а в значительно большем отношении»¹⁰.

Фойхт приводит следующие примеры:

в жаротрубном котле с двумя паровыми трубами				
при емкости	6	12,6	18	25,3
поверхность нагрева в кв. м	20	50	70	105

Такое же примерно соотношение между увеличением емкости и площадью нагрева сохраняется и для водотрубных котлов. Из этих преимуществ крупных установок и вытекает уменьшение расхода топлива.

И наконец расход топлива у одноцилиндрового дизеля дает ту картину:

при мощности (в HP)	8	15	25	40	60	180
расход тепла на 1 HP в час	0,235,	0,215	0,205	0,19	0,165	

Профессор Худяков^{10а} приводит пример, когда при том же расходе топлива мелкая централь вырабатывает энергии на 56% меньше, чем крупная. Отчасти на основе этого на заводах Вестингауза стоимость тока снижена за последние 3 года с 2,8 коп. за 1 W до 1,5 коп.

Таким образом чем крупнее машина, тем дешевле обходится единица энергии и тем меньше относительная стоимость моторов.

Так электромотор мощностью 0,5 HP стоил 91,5 марки, т. е. 183 марки за единицу HP, мотор мощностью в 2 HP стоит 173 марки, т. е. 86,5 за один HP, мотор мощностью в 5 HP стоил 252,5, т. е. 50,2 марки за один HP и т. д.¹¹.

Мы видим таким образом, что крупные предприятия уменьшают издержки вследствие применения более совершенных источников энергии. Но применение этих машин совершенно недоступно мелким предприятиям, которые не владеют достаточными капиталами для приобретения этих установок. То же самое относится и к воз-

⁹ „11 Ленинский сборник“, с. 25.

¹⁰ Ф о й х т, Техническая экономия, с. 111. Расход тепла показан в калориях, причем 10 тыс. калорий принято за единицу.

^{10а} „Вестник инж. и техников“, 1931, № 1.

¹¹ Р а т е и а у, Der Einfluss des Kapitals- und Produktionsvermehrung auf die Produktionskosten in der deutschen Maschinenindustrie, с. 23.

возможности повышения производительности труда вследствие применения более совершенных рабочих машин, так как более совершенные машины являются значительно более крупными и дорогими. В то время как мелкие предприятия принуждены пользоваться универсальными машинами, крупные пользуются специальными машинами. Вследствие этого последние получают колоссальный рост производительности труда и сокращение издержек. Так обточка на 2,5 мм вала диаметром в 152 мм и длиной в 1 900 мм с точностью до 0,01 мм на токарном станке продолжается 28 часов и стоит 15,68 марки, на шлифовальном—2 часа и стоит 1,71 марки. Корпус коммутатора постоянного тока стоит при изготовлении на токарном станке 1,75 марки, на револьверном—0,45 марки¹².

Ратенау считает, что это падение издержек носит «технический» характер. «Все способы, которые до сих пор оговаривались как средства удешевления издержек производства были чисто технического свойства. Они имели целью путем большей специализации предприятий и связанной с этим нормализацией и типизацией и путем полного разделения труда и применения дешевой рабочей силы снизить рабочее время и издержки на заработную плату»¹³.

Нужно отметить, что фактические материалы, приводимые самим Ратенау, противоречат его же выводам. Так данные Ратенау свидетельствуют, что падение издержек вследствие расширения масштаба производства, углубления разделения труда, специализации происходят в значительной степени за счет роста производительности труда. Так падение издержек на сырье при росте производства насосов и компрессоров равнялось 13%, а падение издержек на рабочую силу—22%. Еще более разителен пример падения издержек на рабочую силу при производстве бормашин, составляющее 32%, 45%, 65% (для разных размеров), несмотря на 5%-ный рост издержек на сырье.

Таким образом здесь не технические, а экономические способы понижения издержек за счет роста производительности труда. Крупные предприятия имеют ряд преимуществ, начиная с использования зданий и машин, кончая условиями обращения. Им не только относительно дешевле обходится постройка зданий, но они имеют и возможность гораздо лучше приспособить эти здания для целей данного производства, возможность применить целый ряд более крупных машин, а следовательно относительно более дешевых машин. Использование специализированных, автоматических машин, дающее колоссальное увеличение производительности труда, возможно лишь в крупных предприятиях. Затем крупные предприятия, используя технические усовершенствования, вырабатывают машины такой конструкции, чтобы они давали возможно меньше отбросов, что имеет колоссальное значение при современном росте цен на сырье; те же отбросы, которые получаются, используются (применение обрезков металла для изготовления мелких машин и отдельных частей, собиране масла, расходуемого на смазку мотора, и т. п.).

Это также возможно лишь на крупных предприятиях.

Крупное предприятие наряду с ростом прибыли благодаря уменьшению издержек может при удешевлении средств производства и

¹² Ратенау, цитированное произведение.

¹³ Там же, с. 50.

сырья и следовательно при помощи меньшего постоянного капитала присвоить то же количество прибавочного труда и увеличить таким образом норму прибыли. Это удешевление машин и сырья присуще именно крупным предприятиям, так как они имеют возможность не только уменьшить издержки на сырье и средства производства вследствие применения лучших конструкций, но и имеют ряд преимуществ в процессе обращения. Крупное предприятие имеет возможность более дешевой закупки сырья и вспомогательных материалов—оптовая закупка, лучшее знакомство с рынками, лучшая возможность использования конъюнктуры вследствие большой возможности использования кредитов и т. п., а также возможность уменьшить транспортные издержки.

Таким образом основа большей конкурентоспособности, возможность получения добавочной прибыли крупными предприятиями кроется в большей производительности труда, организованного в широком масштабе. С другой стороны, крупные предприятия увеличивают свою прибыль за счет лучшей возможности использования результатов роста производительности труда в других отраслях. «То, что при этом выигрывает капиталист, есть опять-таки та выгода, которая является продуктом общественного труда, хотя в данном случае не продуктом рабочего, эксплуатируемого самим этим капиталистом»¹⁴. Вся экономия производства на крупных предприятиях, начиная с экономии на использовании средств производства и отбросов и кончая возможностью применения более передовой техники, как указывает Маркс, есть результат общественного труда в крупном масштабе. «Даже те постоянные усовершенствования, которые здесь возможны и необходимы, обуславливаются всецело и исключительно общественными опытами и наблюдениями, которые делает возможным и доставляет производство собирательного рабочего, объединенного в крупном масштабе»¹⁵.

Таким образом мы пришли к выводу, что наиболее крупные предприятия вследствие наибольшей возможности повышения производительности труда и использования этого повышения в других отраслях дают большую норму прибыли.

Борьба за добавочную прибыль толкает капиталистов на техническое усовершенствование предприятий. Развитие же техники в основном идет по пути увеличения мощности отдельных машин, агрегатов и увеличения их производительности. Капиталисты принуждены тем самым увеличивать размер своих предприятий.

Развитие производительных сил связано с ростом разделения труда между рабочими, с одной стороны, и между машинами, с другой. В свою очередь специализация имеет неизбежным следствием рост предприятий (иначе невозможно полное использование специализированных рабочих и машин).

Таким образом и специализация приводит к росту предприятий. Крупные предприятия получают возможность переработки ряда своих побочных продуктов. Этот процесс мы видим в горном деле, металлургии и ряде других отраслей. Такое комбинирование, возможное лишь в крупных предприятиях, приводит к еще большему укрупнению их.

¹⁴ К. Маркс, Капитал, т. III, ч. 1, с. 56.

¹⁵ Там же, с. 53.

Таким образом укрупнение предприятий идет как по пути расширения основного производства, так и по пути присоединения ряда побочных производств. Подобно тому как между системой машин и системой соотношения отдельных групп специализированных рабочих господствует «железный закон строго определенных пропорций» (Маркс), подобно этому необходимо соблюдение этого «железного закона» между всеми частями предприятия. Технические усовершенствования и углубление специализации в каком-либо производственном процессе могут привести к тому, что для того, чтобы применить его в одном из своих заведений, предприятие должно пойти по пути роста и реконструкции всех своих частей. В процессе конкуренции это поведет к тому, что, с одной стороны, наиболее мощные гиганты колоссально повысят свои прибыли за счет применения этих достижений. С другой стороны, может быть организован ряд самостоятельных, глубоко специализированных предприятий, производящих лишь один определенный вид продукции. Так например наряду с фабрикой, производящей различные машины, может образоваться фабрика, производящая специально насосы или фрезерные станки, и т. п. Это вновь организованное, строго специализированное предприятие может быть меньше предприятия, охватывающего производство на пример ряда машин, однако это отнюдь не свидетельствует о тенденции уменьшения размера предприятий.

Подобно тому как замена мануфактуры отдельной машиной может сделаться базисом нового ремесленного производства, причем такое ремесленное производство—лишь переход к фабричному, подобно этому выделение таких специализированных предприятий отнюдь не свидетельствует о замедлении темпа концентрации капитала. Такие специализированные предприятия на основе высокой техники имеют более высокую производительность труда, чем менее специализированные предприятия, и получают добавочную прибыль. Темпы их роста выше, чем темпы менее специализированных предприятий. Очень часто предприятие с небольшим сравнительно количеством рабочих (200 — 300 — 500) может обладать большей производственной мощностью, чем большее предприятие, базирующееся на более отсталой технике.

Наличие специализированных предприятий отнюдь не служит показателем преимуществ средних предприятий над крупными, как думают буржуазные экономисты. Их излюбленным примером в этом случае является Форд. Сам Форд тоже изображает себя сторонником небольших предприятий. Так он пишет: «Вообще говоря большой завод невыгоден. Когда небольшой изготовляет всего лишь машинную часть, пользуясь дешевой энергией, то он экономичнее большого завода, изготовляющего при столь же выгодной двигательной силе большее количество машинных частей, хотя бы даже состоящего из нескольких отделений»¹⁶.

Форд далее приводит в качестве примера ряд своих мелких предприятий. Что характерно для всех них? Прежде всего они все построены на высокой степени специализации, высоком усовершенствовании орудий, как пишет сам Форд, и методов работы. Все они расположены по течению реки и пользуются дешевой энергией. Затем все они из-

¹⁶ Форд, Сегодня и завтра, с. 122.

готовляют либо отдельные части для автомобилей, либо инструменты (метчики, калибры, измерительные приборы), и наконец многие из них основаны на использовании отбросов других его заводов. Рабочие являются в основном крестьянами окружающих деревень (преимущественно женщины).

Пример Форда несколько не опровергает теории концентрации Маркса. Ведь мы здесь имеем не ряд самостоятельных предприятий, а лишь части большого автомобильного завода Форда, которые не выступают ни самостоятельными закупщиками сырья, ни сбывают на рынке свои товары. Но почему эти территориально отделенные части завода выгоднее, чем если бы они были внутри завода? Объясняется это, во-первых, тем, что все они пользуются более дешевой энергией; затем все они, будучи организованы позднее, построены на основе более высокого уровня техники, большей специализации и автоматизации (очень подозрительно его упорное настаивание на применении женского и крестьянского труда). Этим объясняется, что себестоимость частей на территориально отделенных частях завода меньше, чем она была в Гайд-парке.

Огромные преимущества крупных предприятий не означают, что во всех отраслях мы имеем одинаковое преобладание крупных предприятий. Различие условий производства, неравномерность развития техники вследствие анархии капиталистической конкуренции, различное значение отдельных отраслей производства в системе капиталистического производства определяют размеры предприятий в различных отраслях.

Размер предприятия сам по себе вне связи со всеми условиями капиталистического производства еще не может обеспечить увеличения прибыли.

Отсутствие достаточных сырьевых источников и значительные издержки по перевозке их с отдаленных рынков могут повести к понижению нормы прибыли и победе в конкурентной борьбе предприятий, расположенных вблизи сырьевых рынков. Точно такое же значение могут в ряде отраслей иметь издержки по транспорту готовой продукции. Так например расходы по упаковке и распаковке ящиков, дополнительные затраты отправки вследствие громоздкости готового автомобиля сделали невыгодной сборку фордовских автомобилей непосредственно на месте их производства. Этот пример показывает значение близости рынков сбыта с точки зрения сокращения издержек.

Таким образом размер предприятия, как мы видим, определяется не сознательной волей капиталистов, а ходом конкурентной борьбы, которая толкает капиталистов на путь увеличения размера предприятия. В свою очередь рост накопления и развития акционерной формы предприятий открывает еще большие возможности расширения предприятий, преодолевая пределы, накладываемые степенью концентрации индивидуального капитала.

Значительно большее использование развития производительных сил именно крупными предприятиями кроется не в технике как таковой, а в условиях капиталистического производства. С другой стороны, капиталистические производственные отношения дают ряд преимуществ крупным капиталистическим предприятиям (в области сбыта, закупок сырья, транспорта и т. п.). Одним из преимуществ является

ся то, что «компенсация понижения нормы прибыли увеличением массы прибыли имеет значение только для всего общественного капитала и для крупных капиталистов с оборудованными предприятиями».

Таким образом основы «оптимальности», говоря языком буржуазных экономистов, кроются не в технике как таковой, а в условиях капиталистического производства. Крупное предприятие является «оптимальным» именно потому, что оно дает возможность присваивать дополнительную прибавочную стоимость.

Однако буржуазные экономисты эти преимущества крупных капиталистических предприятий изображают как результат техники и крупного производства как такового. Классовый смысл этого совершенно ясен. Задачей буржуазных экономистов ведь становится доказать, что источником добавочной прибыли является не прибавочный труд рабочего, а машины. Для этого им служит «техническое обоснование» прибыльности крупных предприятий, что является основой буржуазной теории оптимального размера предприятий.

3. Закон падающей производительности и размер предприятия

Буржуазные экономисты принуждены признать факт роста размеров предприятий. Но они (Бюхер, Зомбарт, Фогельштейн, Шмалц и др. и русские буржуазные компиляторы — Гинзбург, Берштейн-Коган) утверждают, что увеличение размера предприятия за известные пределы (сверх оптимальной величины его) приводит к «падению доходности». Отсюда они делают вывод и об ограниченности концентрации. Так Зомбарт пишет: «Укрупнение предприятий не абсолютно рационально, а лишь до того пункта, когда оно достигает оптимума. А раз так, концентрация отнюдь не беспредельна»¹⁷.

Шмаленбах прямо начинает с того, что процесс этот не является ни всеобщим, ни бесконечным, иначе «эволюция нашего хозяйства, предсказанная Марксом, была бы вероятно давно закончена»¹⁸.

Итак главное — это доказать, что «предсказания» Маркса не сбылись. Теория «оптимального» размера предприятий призвана дать им «теоретическую» базу для доказательства ограниченной возможности роста предприятий.

Теория оптимального размера предприятия исходит у всех буржуазных экономистов из «универсального закона вначале возрастающего, а затем убывающего дохода»¹⁹.

Этот универсальный закон базируется ими на столь же «универсальном» законе убывающей производительности, который распространяется ими и на промышленность.

Об этом с достаточной ясностью говорят как статьи Карвера, Маршалла, Кларка, так и их немецких последователей — Эсслена, Штюккена, Фогельштейна и др. Карвер пишет: «Закон уменьшения доходности прилагается не только к земледелию, но и к индустриальному и другого рода производству с одинаковым правом»²⁰.

Исходным пунктом этого «универсального закона» в промышленности является, так же как и в сельском хозяйстве, статичность тех-

¹⁷ Шмаленбах, Современный капитализм т. III, выи. II, с. 314 (разрядка моя.— Т.Н.)

¹⁸ Шмаленбах, Grundlagen der Selbstkostenrechnung und Preispolitik, с. 35.

¹⁹ Фогельштейн, цитированное произведение, с. 403.

²⁰ «О законе убывающей доходности», с. 61.

ники. Так Маршалл утверждает, что рост вложений «капитала и труда» доставляет «пропорционально меньше продукта при условии, если только производство случайно не совпадает с открытиями»²¹.

Свой закон они считают неопровержимым, так как критика будто бы ведется не по существу. Обычно она сводится, говорят они, к доказательству, что с изменением техники меняется доходность. Но против этого они как будто и не спорят. Но если так, если техника меняется и растет доходность, в чем же смысл их закона?

Уже Ленин указывал, что «добавочные вложения труда и капитала» предполагают изменение способов производства, преобразование техники. Можем ли мы исходить из неизменной техники? Развитие производительных сил опровергает гипотезу о неизменной технике, а следовательно отпадает и самая основа закона «убывающей доходности».

Правда неизменность техники — не единственное обоснование их закона. И они находят, как им кажется, такие элементы статичности, которые уже не могут быть опровергнуты. Таким элементом является ограниченность количества земли, причем этот факт имеет с их точки зрения значение и для промышленности. Карвер говорит, что суть спора заключается не в том, что крупное производство требует меньших издержек, чем мелкое, а в том, что они возражают против утверждения, «что вовсе нет никакой необходимости использовать большую площадь в связи с организацией большей фабрики, чем при организации небольшой того же рода»²².

Однако из этого положения вовсе не вытекает неизбежности закона падающей доходности. Мы не считаем, что вообще можно беспредельно увеличивать постройку в высоту при данной технике. Но мы знаем, что высота построек все увеличивается. И теперь в Америке небоскребы в 50 этажей — обыденное дело, «модными» являются 80-этажные здания.

По мере развития производительных сил количество земли, необходимой для фундамента под промышленные предприятия, относительно уменьшается, и ограниченность земли отнюдь не выступает пределом возможности развития промышленности. Таким образом ни техника, ни размер необходимой площади не являются неизменными и не вызывают падения доходности с расширением предприятия.

Сторонники закона «убывающей доходности» исходят не только из неизменной техники и неизменной земельной площади. Кларк например, рассматривая рост размеров производства, предполагает, что и капитал, и условия производства, и рабочая сила остаются неизменными, не приобретается никаких новых машин, не будет сделано никаких изобретений. Одним словом он берет абсолютно статическое состояние предприятия и на этом основании делает вывод, что с известного пункта рост размеров производства приведет к росту издержек производства. Этот же «закон» повторяет его немецкий последователь Эсслен. «В чисто статическом состоянии и для промышленности имеет значение подобная же закономерность, какую

²¹ «О законе убывающей доходности», с. 33.

²² Там же, с. 62.

выражает закон падения доходности почвы для сельского хозяйства: при данном размере производственных приспособлений промышленное производство также нельзя расширять дальше известного пункта без одновременного повышения стоимости изготовления на добавочные единицы производства»²³.

Таким образом закон убывающей доходности утверждает, что убывающая доходность наступает в связи с ростом производства либо при неизменной технике, либо при неизменном размере используемой земельной площади, либо при изменении одного из элементов производства и неизменности прочих.

«Закон уменьшения доходности... относится только к различию производительности всякой производственной единицы, когда факторы ее комбинируются в различных соотношениях»²⁴. Пример, приводимый Маршаллом, когда фабрикант, имея три машины, полностью загруженных, при дальнейшей загрузке придет к уменьшению производительности, не свидетельствует о том, что есть какой-то универсальный закон убывающей доходности. Точно так же об этом не свидетельствуют примеры произвольного увеличения одного из элементов производства при неизменности остальных. И-Кларк, и Маршалл, и Карвер оперируют такими же гипотетическими капиталистами, как и Бем-Баверк. Подобно Бему с его излюбленным путником в пустыне, они имеют капиталистов, которые по своему желанию увеличивают количество рабочих при неизменности всех условий производства и т. п. Проведя такую довольно бессмысленную операцию, они выводят «универсальный» закон. Для американской школы чрезвычайно характерно это сведение процесса капиталистического производства к воле того или иного капиталиста.

Фогельштейн по существу повторяет «закон пропорциональности» американской школы, выдавая это правда за собственное «изобретение».

«Существует всеобщий закон для всего производства... словами пропорциональность и диспропорциональность все выражено»²⁵.

Бессодержательность таких «универсальных законов самоочевидна». Необходимость пропорциональности в соотношениях между средствами производства и рабочей силой, количественное соотношение между группами рабочих различного вида конкретного труда и т. д. в голый формулировке закона пропорциональности ничего не говорят нам о том изменении, которое в ходе исторического развития претерпевают эти отношения, о том своеобразии, которое характерно для определения пропорций в каждую историческую эпоху. Рассматривать все развитие производительных сил как процесс приближения к пропорциональности (ведь сами-то пропорции меняются, к какой же из них происходит приближение?) означает смазывать своеобразие развития производительных сил и различие форм его в ходе исторического развития.

В полную противоположность этим «законам» Маркс устанавливает закон развития размеров предприятия, полностью базирующийся на особенностях развития производительных сил в условиях капитализма.

²³ „О законе убывающей доходности“, с. 139.

²⁴ Там же, с. 62.

²⁵ Ф о г е л ь ш т е й н, цитированное произведение, с. 400.

Рассматривая капиталистическую кооперацию и мануфактуру, Маркс показывает, как уже само разделение труда создает взаимную зависимость работ отдельных рабочих. Маркс доказывает, что пропорция «различных элементов производства основывается не на воле того или иного капиталиста, а на законах капиталистического производства. Разделение труда устанавливает не только качественное расчленение труда, но и создает прочные математические отношения между количественными размерами этих органов, т. е. относительным количеством рабочих и относительной величиной рабочих групп в каждой из этих специальных функций»²⁶.

Соотношение разных групп внутри капиталистического предприятия на основе данной техники не может быть произвольно изменяемо.

«Раз для определенных размеров производства опытом установлено надлежащее числовое отношение между различными группами частичных рабочих, то расширить масштаб производства возможно лишь, взяв кратное от числа рабочих в каждой из этих отдельных групп»²⁷. Маркс называет этот закон распределения рабочих по отдельным функциям внутри мануфактуры «железным законом строго определенных пропорций и отношений».

Увеличение размеров производства на основе произвольного увеличения количества рабочих в одной из групп совершенно немыслимо. Такое увеличение (при условии неизменной техники и условий производства) неизбежно приведет конечно к падению производительности труда, к росту издержек производства. Точно так же невозможно и увеличение отдельных средств производства, произвольное увеличение их нагрузки, произвольное изменение условий работы одних из них без соответствующего изменения всей системы машин и пропорций разделения труда. «В расчлененной системе машин для того, чтобы одни частичные машины непрерывно давали работу другим частичным машинам, необходимо определенное отношение между их количеством, размерами и быстротой»²⁸. Американцы же вместо рассмотрения действительных условий развития производительных сил и производственных отношений в условиях капитализма абстрагируются от производственных условий и занимаются произвольным «укомбинированием факторов», делают гипотезы, ничего общего не имеющие с действительными условиями производства, и из этих «гипотез» выводят закон.

Американская школа переносит на промышленность «абстрактный, вечный и естественный» закон убывающего плодородия почвы старой политической экономии. Ценность этого «универсального закона» давно доказана Марксом и Лениным. Этот закон, являясь бессодержательной абстракцией, имеет однако глубокий классовый смысл.

Задачей этого «закона» является доказать, что пределы увеличения размеров капиталистического предприятия кроются не в общественных условиях капиталистического производства, а в естественных.

²⁶ Маркс, Капитал, т. I, с. 336.

²⁷ Там же

²⁸ Там же, с. 371-372.

«Тенденции к уменьшению доходности и уменьшению полезности имеют свои корни — одни в свойстве человеческой природы, другие — в технических условиях производства»²⁹.

Штюккен называет этот закон «естественно-техническим законом уменьшающейся доходности». Рассмотрение этого закона выявило, что нет никакого естественно-технического закона, который служил бы пределом развития производительных сил. Этот закон не заложен ни в условиях техники самой по себе, ни в естественных условиях, ни в природе человека.

Изменение размера предприятий зависит от производственных отношений, являющихся законом развития производительных сил. Нет никакого «универсального» закона, определяющего размер предприятия для всех времен и народов. Законы роста размера предприятий и те пределы, которые ставит на этом пути развивающийся капитализм, кроются, как мы ниже увидим, не в законах природы, а в законах капиталистического производства.

4. «Технические пределы» увеличения размера предприятий

Исходя из закона убывающей доходности, теоретики оптимального размера предприятий утверждают, что наиболее прибыльны не крупные предприятия, а средние.

Так Тори приводит заключение федеральной комиссии, которое утверждает, что «компании средней величины дают более высокую норму прибыли по сравнению с крупными и мелкими компаниями». Это заключение основывается на утверждении, что падение издержек с увеличением размеров установок (*Grössendegression*) имеет предел. «Если бы *Grössendegression* была бы всеобщей и бесконечной, то эволюция нашего хозяйства, предсказанная Марксом, вероятно была бы давно завершена. Но она ни бесконечна, ни всеобща. Маркс рассматривал явления своего времени слишком в техническом отношении, он недооценивал чисто экономические явления; но и в чисто технических вопросах он ошибся в своих предсказаниях»³⁰. Правда, Шмаленбах столь великодушен, что он ищет объективных оправданий «ошибок» Маркса. С одной стороны, Марксу, видите ли, мешала предвзятость взглядов, а не недостаток способностей, с другой стороны, «зо времена Маркса вещи выглядели несколько иначе. Тогда действительно многие машинные установки еще не достигли своей оптимальной величины... Отсюда можно понять, что в те времена образовался культ величины... Ныне культ величины отступил перед рекордом производительности единицы».

Маркс изображается человеком, который не смог подняться на научную высоту не только вследствие предвзятости своих взглядов, но и вследствие того, что он не смог преодолеть технической ограниченности своей эпохи. Кто из людей, читавших Маркса без предвзятости, поверит, что Маркс, говоря о концентрации производства, имел в виду рост машин с точки зрения их величины, а не произво-

²⁹ Маршалл, Цитированный сборник, с. 52.

³⁰ Шмаленбах, цитированное произведение, с. 35.

Это находится в явном противоречии с тем, что принужден позднее заявить сам Шмаленбах. Если он раньше в заключение рассмотрения „очевидности“ ошибочности „предсказаний“ Маркса о концентрации заявил, что „поэтому никто и не придет к марксистским идеям“, то теперь, говоря о современном капитализме, он патетически восклицает: „Что же собственно мы сейчас переживаем, как не осуществление предсказаний великого социалиста Маркса“ („Буржуазные ученые о закате капитализма“, с. 94).

дительности? И как будто величина машины определяется кем-либо из марксистов той площадью, которую она занимает. Ведь общеизвестно одно из преимуществ крупных машин, заключающееся в том, что у них вес и объем на 1 HP меньше, чем в малых машинах. Но в чем же Шмаленбах видит доказательство ограниченности возможностей роста машин, а вместе с тем и возможности роста предприятия? Он утверждает, что падение издержек в связи с ростом машин находит определенные границы; например, если доменная печь меньше определенных размеров, она не экономична, но если она значительно перешагнет за определенную величину, издержки производства относительно возрастут. Но Шмаленбах сам себе противоречит. Наряду с утверждением об ограниченных возможностях роста машин он принужден признать, что «нормальная величина» есть величина переменная. С изменением техники меняется оптимальный размер машин, установок и т. д. Нет никаких данных в пользу утверждения о наличии пределов технического прогресса, заложенных в самой технике. Но тут Шмаленбах выдвигает еще один довод против марксовой теории концентрации: он считает, что в связи с переходом от пара к электричеству отпадают преимущества крупных предприятий по сравнению с мелкими. Он пишет: «Переоценке оптимального размера существенно содействовал вопрос о силовой машине. Превосходство заведений с силовыми машинами над заведениями без них слишком очевидно, и в период, когда паровая машина была единственной силовой установкой, это должно было привести к выводу, что заведения с меньшей потребностью, чем в 20 HP, не смогут длительно существовать. Но уже газовый мотор частично устранил этот взгляд, а электромотор совершенно устранил его... Маркс не мог думать о том, что столяр, весь персонал которого состоит из одного ученика, может присвоить себе почти все технические выгоды производства крупного заведения со сравнительно небольшими издержками»³¹.

Это заявление Шмаленбаха абсолютно противоречит действительности. Прежде всего нельзя сводить преимущества крупных предприятий только к преимуществам их силовых установок.

Затем утверждение о преимуществе крупных предприятий не означает, что Маркс считал, что мелкие предприятия останутся вообще вне влияния развития техники. Но если мы сравним значение электрических установок в снижении издержек производства в крупном и мелком предприятиях, мы увидим, что крупные предприятия в гораздо большей степени используют прогресс техники и рост производительных сил. Мы выше видели, что чем крупнее мотор или турбинная силовая установка, тем они относительно дешевле. Если крупное и мелкое предприятие пользуются покупной энергией, то пользование этой энергией обойдется крупному предприятию дешевле: дешевле обойдутся мотор, проводка, эксплуатация 1 HP. Таким образом и электричество отнюдь не приводит к уравнению условий производства и отнюдь не уничтожает преимуществ крупных предприятий над мелкими³².

Фогельштейн, подобно Шмаленбаху, наряду с установлением пре-

³¹ Шмаленбах, цитированное произведение, с. 36.

³² Ниже мы увидим, что именно прогресс в области электрификации требует колоссального роста силовых установок.

имущества крупных машин, котлов, силовых установок, тут же опешит оговорить, что это увеличение имеет определенные технические и экономические пределы. «Объем рано или поздно достигает границы, при которой давление противостоит дальнейшему увеличению массы. Если это избегается повышением крепости материала, то граница только отодвигается, не говоря о том, что удорожание оболочки компенсирует или даже превышает выгоды увеличения объема». Однако технические пределы увеличения котлов фигурируют у Фогельштейна в полнейшем противоречии с действительностью.

Если за период 1800—1920 гг. давление внутри паровых котлов дошло только до 20 атмосфер³³, то сейчас это давно превзойдено.

В Америке при строительстве новых больших станций все большее распространение находят котлы высокого давления в 40—100 атмосфер, на заводе Сименс-Шукерт работают 2 котла системы Бисона с давлением в 213 атмосфер³⁴.

Но может быть материалы, которые выдерживают такое давление, и связанное с этим увеличением давления усложнение оборудования, так дороги, что «компенсируют», как Фогельштейн говорит, ту выгоду, которую дают такие огромные котлы?

Оказывается однако, что чем крупнее централь и чем выше атмосферное давление, тем меньше величина вложений на единицу продукции.

Так стоимость оборудования централи на 1 кв для установок с провыми машинами будет³⁵.

Мощность централи	14 атм. давл.	98 атм. давл.
	(в д о л л а р а х)	
1 000	106	97
2 000	92	85
3 000	83	77,5
4 000	77	71
5 000	75	69

Фогельштейн на примерах с плавильной печью и затем с размерами балок стремится подкрепить свое утверждение о наличии технических пределов роста предприятий.

Но как мы уже отмечали, современное развитие вносит переворот почти во все области производства. Механизация, распространение автоматизма на электрической основе разрешают такие вопросы, как возможность построения колоссальных котлов, доменных, мартеновских и электрических печей. Так, в Соединенных штатах 97,7% угля сжигается в механических топках³⁶. Загрузка доменных печей, которая в Америке была механизирована в 1911 г. на 57%, в 1927 г. выросла до 91%; 45% доменных печей в 1911 г. имели литьевые машины, в 1927 г.—уже 81%³⁷.

Число таких примеров можно было бы увеличить до бесконечности. Заявление Фогельштейна о наличии многочисленных примеров того, что «дальнейшее увеличение отдельных машин, аппаратов и

³³ Отто Бауэр, Капитализм и социализм после мировой войны, Вена 1931, с. 15.

³⁴ „Вестник инженеров и техников“ № 4, 1930.

³⁵ Там же, № 6, 1930.

³⁶ „Большевик“ № 4, 1931, ст. Рубинштейна.

³⁷ „Вестник инженеров и техников“ № 1, 1930.

установок невозможно или нецелесообразно», опровергнуто практикой. Развитие американской техники дает массу фактов.

Так фрезерный станок модели 1910 г. фрезеровал сразу 4 объекта, в час офрезовывалось 40 штук; модель 1929 г. на 4 объекта фрезерирует в час 140 штук. Модель 1930 г. на 8 объектов фрезерирует в час 248 штук.

Обслуживает станок попрежнему один рабочий.

Таким образом происходит увеличение производительности труда на основе развития техники. Неправильность вывода Фогельштейна о наличии пределов увеличения, покоящихся якобы в самих законах техники, основывается на том, что он исходит из статического состояния техники.

Теория оптимального размера предприятий устанавливает технические пределы роста размера предприятий.

Гинзбург и Бернштейн-Коган, подобно всем буржуазным экономистам, присоединяются к основному пункту теории оптимального размера предприятий. Они выполняют основное классовое назначение буржуазных экономистов, перенося противоречия капиталистического способа производства на производство вообще.

Гинзбург, стремясь изобразить себя как противника теории убывающей доходности, говорит о беспредельности развития техники. Однако этот прием его тоже имеет глубоко классовый смысл; при помощи этого положения он скрывает те препятствия, которые встречает развитие производительных сил в капиталистическом способе производства.

С другой стороны, Гинзбург очень усиленно подчеркивает пределы роста предприятий, кроющиеся якобы в крупном производстве как таковом. Он ссылается на Фогельштейна, говоря о нерентабельности «добавочных затрат капитала», приводя примеры наличия «естественных» пределов в электропромышленности.

Современная электропромышленность и развитие мощных электростанций опровергли ссылки Гинзбурга на пределы расширения и загрузки сети³⁸, точно так же и механизация угольной промышленности (механизация угольной промышленности в Германии в 1913 г. составляла 2%, в 1927 г. — 80%, в Англии в 1924 г. было механизировано 19%, в 1925 г. — 70%)³⁹ опровергла повторение им теории о невыгодности угольных гигантов.

Таким образом Гинзбург скрывает противоречия, присущие капитализму, и изображает их как противоречия, присущие производству как таковому.

Правда он негодует, что Бернштейн-Коган причислил его к сторонникам закона падающей производительности, и в отместку он указывает на Бернштейн-Когана как сторонника этого закона. Нужно отметить, что Бернштейн-Коган действительно более «откровенен». Он прямо признает, что «закон падающей производительности сказывается в промышленности»⁴⁰. Этот закон он обосновывает тем, что «наиболее значительная экономия в топливе и относительное удешевление самой установки получают, так сказать, на первых шагах, когда мы переходим от нескольких десятков до нескольких сот ло-

³⁸ Ниже мы более подробно остановимся на этом.

³⁹ Отто Бауэр, цитированное произведение, с. 39.

⁴⁰ Бернштейн-Коган, Введение в экономику промышленности, с. 114.

шадиных сил или киловатт»⁴¹. Это утверждение расходится с данными самого Бернштейн-Когана: в приводимых им примерах увеличение установок дает не уменьшение, а увеличение производительности, следовательно и более крупные установки выгоднее менее крупных. Данные по расходу пара и тепла мощными турбинами опровергают заявления о достижении техникой пределов развития. Так паровые турбины в Германии при помощи в 11 250 киловатт расходовали 6,2 килограмма пара и 4 320 калорий тепла на киловатт; при мощности же в 40 тыс. киловатт расходовали 3,95 килограмм пара и 3 020 калорий тепла на 1 киловатт⁴².

Закон убывающей доходности сослужил свою службу буржуазии и в борьбе с СССР.

Вредители не ограничивались перенесением этой теории на советское хозяйство, устанавливая на этой основе «технические» законы наибольшей производительности средних предприятий. Они строили на этой основе и свое вредительство в практике нашего социалистического строительства, особенно при проектировании размеров новых предприятий. С одной стороны, вредители в области экономики промышленности ставили препятствие развитию наших производительных сил, с другой стороны, они противоречия в развитии производительных сил в условиях капитализма изображают как закон техники.

Бернштейн-Коган и иже с ним скрывают противоречия капитализма, изображая пределы, накладываемые капитализмом на развитие техники и тем самым на рост размеров предприятий как законы, присущие технике как таковой.

Мы знаем, что самое применение новых способов производства и расширение производства будут иметь место лишь тогда, когда стоимость, переносимая машиной, меньше оплачиваемой стоимости рабочей силы. Применение более совершенной техники наталкивается на препятствие, которое заложено не в условиях развития техники, а в условиях капиталистического производства. Особой остроты достигают эти противоречия при монополистическом капитализме. Загнивающий капитализм налагает все больше препятствий применению достижений науки и техники. Капитализм препятствует развитию производительных сил, он вступает в противоречие со своим «историческим призванием», заключающимся в «безудержном подгоняемом вперед в геометрической прогрессии развитии производительности человеческого труда»⁴³.

Даже буржуазные ученые принуждены говорить об «удушении технической мысли»⁴⁴. Так Чэз ссылается на секретаря патентного бюро САСШ, который утверждает, что «есть бесчисленное количество изобретений, которые, если бы их пустить в дело, могли значительно удешевить продукцию. Их умышленно задерживают, чтобы устранить конкуренцию. Концерны пользуются старыми изобретениями, за которые они в свое время дорого заплатили и для которых они приспособили свои заводы, скупают новые, более дешевые ме-

⁴¹ Бернштейн-Коган, Введение в экономию промышленности.

⁴² Отто Бауэр, цитированное произведение, с. 16.

⁴³ „Капитал“, т. III, ч. I, с. 199.

⁴⁴ Чэз, Трагедия расточительства, с. 108.

тоды для того, чтобы помешать конкурентам использовать их, и прячут их в свои сейфы.

Они не только не допускают применения уже сделанных изобретений, но и предупреждают появления новых изобретений. Так в одной промышленности закуплены патенты на 20 лет вперед»⁴⁵.

Таким образом загнивание капитализма накладывает пределы применения достижений техники и пределы роста предприятий. Особенно ярко проявляется это противоречие в электрификации — в этом ведущем звене производительных сил. Барьер, накладываемый на развитие производительных сил современным капитализмом, доходит до сознания даже буржуазных ученых. Так Бланкегорн пишет: «Чисто технический уклон электрической промышленности в сторону больших станций, монополизирующих снабжение промышленности энергией, натолкнется на Англию электрических уделов и энергетических приходов»⁴⁶. И в самом деле развитие техники требует перехода к системе мощных электроцентралей с увеличенным радиусом передачи электроэнергии при помощи высоковольтных сетей. «Передовая техника выдвигает в качестве генерального и руководящего направления проблему осуществления единой органической системы электросилового хозяйства»⁴⁷. Имеется ряд проектов объединения Европы высоковольтной сетью (проект Оскара Оливена, Мюллера, Вьеля и др.). Точно так же Баум предложил разделить САСШ на 12 районов, соединенных проводами в 220 тыс. вольт. Для питания этой сети должны быть созданы огромные силовые станции⁴⁸. Создание таких колоссальных установок возможно только «путем планомерной организации сверхсиловых установок, в которых уголь координируется с гидравлической энергией»⁴⁹.

Если эти проекты неосуществимы, то не потому, что техника дошла до пределов своего развития и ставит пределы увеличению размеров предприятия.

Даже буржуазные политики занимаются разговорами о необходимости «плановой электрификации, где главная задача не прибыль, а общественное благо»⁵⁰. Но смешно было бы ждать от губернатора Пенсильвании предложения о национализации. Пусть Бланкегорн негодует, что политики неспособны понять, что спасение — в передаче руководства «ученому технику». Мы же знаем, что создание таких энергетических колоссов на основе народнохозяйственной системы энергетики несовместимо с капиталистическими производственными отношениями. Развитие производительных сил вступает в противоречие с капиталистическим производством. Дальнейшее развитие производительных сил и рост на этой основе размеров предприятий возможны лишь в условиях социалистического планового хозяйства, когда уничтожаются рамки, накладываемые частной собственностью и национальными границами.

⁴⁵ Чэз, Трагедия расточительства, с. 108.

⁴⁶ „Экономическая и социальная роль электрификации“, с. 31.

⁴⁷ Доклад Вейца. Доклады СССР на II мировой энергетической конференции, с. 252.

⁴⁸ Чэз, цитированное произведение, с. 127.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Введение Пинчора, губернатора Пенсильвании, к сборнику „Экономическая и социальная роль электрификации“, с. 19.

5. Массовое производство и предел оптимального размера предприятия

Наряду с так называемыми техническими пределами роста предприятий буржуазные экономисты устанавливают и «экономические» пределы роста предприятий, причем и экономические пределы они устанавливают, исходя не из особенностей капиталистического производства, а из производства вообще.

Бюхер считает, что преимущества крупных предприятий, имеющих более низкие издержки производства, кроются не в возможности применения передовой техники, расширения разделения труда, специализации и т. д. Все эти объяснения, дававшиеся до него, он объявляет несостоятельными. Весь секрет он видит в «различии между постоянными и переменными издержками». Именно в отношении этих видов издержек кроется будто бы причина выгодности крупных предприятий (или массового производства) и здесь же заложены пределы расширения предприятий.

Посмотрим, в чем же заключается его «откровение»? Постоянными он называет издержки, которые не зависят от размеров производства, переменными же такие, которые изменяются пропорционально размерам производства. На этом основании Бюхер считает, что предприниматель заинтересован в том, чтобы постоянные издержки распределялись на возможно большую массу продуктов, чтобы уменьшить постоянную часть издержек, приходящуюся на единицу продукции.

Бюхер приводит пример изменения количества времени, необходимого на изготовление книги при переписке ее, по мере увеличения количества экземпляров, и изменение издержек производства на книги при печатании по мере роста продукции. На основе рассмотрения этих примеров он формулирует свой «знаменитый» закон массового производства, который входит неотъемлемой частью в большинство теорий оптимального размера. К этому закону безоговорочно присоединяются и русские буржуазные экономисты в лице Гинзбурга и Бернштейн-Когана. Бюхер чрезвычайно высокого мнения о своем законе, он не сомневается в универсальной силе закона и горд, что именно он впервые сформулировал его.

Однако закон Бюхера совершенно не отвечает на им же поставленный вопрос. Он фактически исследует не различие условий производства в крупных и мелких предприятиях, а увеличение размеров продукции в предприятиях с одинаковым размером основного капитала и одинаковой техникой. Он ставит предприятия различного размера в совершенно аналогичные условия во всем кроме размера продукции, причем совершенно абсурдно конечно его предположение, что в капиталистическом обществе (а он подчеркивает именно капиталистический характер производства) крупные и мелкие предприятия имеют одинаковый уровень техники. По Бюхеру получается, что преимущество крупного предприятия по сравнению с мелким состоит в том, что те же «постоянные издержки», как он это называет, распределяются на значительно большую продукцию. На самом же деле издержки производства в данное время изменяются в различных предприятиях в зависимости от уровня техники в них.

В ходе развития капитализма, с ростом органического состава капитала соотношение переносимой и вновь созданной стоимости и стон-

мости единицы товара изменяется в сторону роста первой по сравнению со второй. Рост производительности труда выражается в том, что издержки на заработную плату на единицу продукции все больше уменьшаются. Таким образом изменение соотношения различных видов издержек есть результат изменения техники производительности и интенсивности труда (а поэтому нельзя изображать, как это делает Бюхер, движение издержек как нечто совершенно независимое от техники, разделения труда, производительности и интенсивности труда, экономии на средствах производства и т. д.). Предприятия различного размера, имеющие различное органическое строение капитала, имеют и разное соотношение отдельных видов издержек. Преимущества крупного предприятия заключаются не в том, что оно имеет те же издержки при разном объеме продукции, а в том, что издержки крупного предприятия на здания, отопление, освещение, средства производства относительно меньше, чем у мелкого предприятия. Происходит это вследствие того, что «стоимость средств массового и концентрированного совместного производства растет медленнее, чем размеры этих средств производства и их полезный эффект»⁵¹.

С другой стороны, в крупных предприятиях производительность и интенсивность труда выше, чем в мелких.

Таким образом Бюхер в своем «знаменитом открытии» об источниках преимуществ крупных предприятий совершенно не отразил действительных преимуществ крупных предприятий. Отсюда же происходят все ошибки, заключенные в общей формулировке его закона, где он пытается доказать, в чем кроются пределы возможности роста предприятий. Во-первых, он устанавливает «порог полезности», до которого мелкое предприятие выгоднее крупного. Для доказательства этого пункта своего закона Бюхер берет неправдоподобный случай, когда размер производства крупного предприятия такой же, как у мелкого, затем он постоянно увеличивает размер производств. Нужно сказать, что ни одно крупное предприятие не организуется на таких абсурдных основах. Сравнивая выгоды крупного предприятия с мелким, мы исходим из полной загрузки обоих предприятий. Беря этот пункт как данный, мы исследуем вопрос о размере предприятия.

Ошибка, кроющаяся в «пороге полезности», повторяется им и во второй части его закона, трактующей о «пределе полезности». Он пишет: «Это уменьшение издержек происходит однако в общем медленнее, нежели рост изготовляемой массы и при том тем медленнее, чем масса эта больше. В конце концов достигается известная граница, когда дальнейшее увеличение массы уже не сопровождается более никакими экономически ощутимыми преимуществами. Непосредственно перед этой границей находится вершина полезности массового производства»⁵². Эта часть «закона» говорит о росте издержек в связи с ростом загрузки (в определенном предприятии, при неизменных условиях производства). Если бы такие условия действительно имели место, то мы конечно дошли бы до пункта, когда дальнейшая загрузка данного предприятия при неизменности всех условий производства не даст никакого падения издержек, а может даже привести к росту их. Бюхер приходит к определенному пределу в увеличении размеров производ-

⁵¹ „Капитал“, т. I, с. 312.

⁵² Бюхер, цитированное произведение, с. 54.

ства потому, что он исходит из неизменной, статистической техники, неизменной организации производства. Говоря о пределах массового производства, он фактически говорит об ограниченности пределов увеличения производства при неизменности всех условий производства. Таким образом закон Бюхера ровно ничего не говорит нам о причинах победы крупного производства над мелким. И Бюхер совершенно необоснованно говорил так презрительно о несостоятельности доказательств преимуществ крупного производства, дававшихся до него. Закон Бюхера хотя и сформулирован впервые им, но он делает очень мало чести как своему автору, так и всем последователям его, так как совершенно не выясняет вопроса, который он поставил перед собой. Действительный закон массового производства и пределов его сформулирован впервые Марксом задолго до Бюхера. Эти пределы кроются не в условиях производства вообще, а в капиталистических производственных отношениях.

Основным препятствием, стоящим на пути развития капиталистического предприятия, является противоречие между общественным характером производства и частным характером присвоения. Проявление этого противоречия в колебаниях конъюнктуры и кризисах приводит к тому, что и буржуазные экономисты не могут пройти мимо него.

Фогельштейн определенно заявляет, что во многих случаях предприятия не могут расширяться до предела, диктуемого условиями техники, «так как рынок слишком мал для такого количества продукции»⁵³. Фогельштейн, признавая в принципе ограничивающую роль рынка⁵⁴, считает эмпирически сомнительным, что это имеет место в развитых капиталистических странах, во всяком случае, если это и имеет место, думает он, то не в отношении крупнейших и важнейших товаров. В то время как Фогельштейн считает это противоречие эмпирически незначительным, Шмаленбах ищет пути преодоления его.

Шмаленбах видит выход в организации предприятий среднего размера, так как на крупных предприятиях более тяжело отражаются колебания конъюнктуры. Мелкое предприятие невыгодно, пишет он, потому что оно не может полностью загрузить специализированные машины — отсюда рост издержек в этих предприятиях. С другой стороны, и крупное предприятие по его мнению при выборе установок не исходит из «оптимальной величины», так как колебание рынка, имея следствием неполную загрузку предприятия, может значительно повысить издержки и тем самым понизить прибыль. Отсюда Шмаленбах приходит к выводу, что если предприятию нужно 1 000 HP, то выгоднее иметь 7 установок по 150 HP, чем одну в 1 000 HP. Такую систему он называет «Batteriesystem». При изменении конъюнктуры смогут работать не все машины, работающие будут иметь полную загрузку, и это по его мнению приведет к более низким издержкам производства. Эти выводы Шмаленбаха не выдерживают критики. Об-

⁵³ Фогельштейн, цитированное произведение, с. 403.

⁵⁴ Лейтнер („Wirtschaftslehre der Unternehmung VI“, S. 280) упрекает Фогельштейна в том, что он, ставя прибыльность в зависимости исключительно от пропорциональности, упускает зависимость промышленности от рынка. На самом же деле у Фогельштейна наряду с его „всеобщим законом“ имеется ряд противоречащих его же закону положений.

щепризнано, что крупные установки значительно выгоднее средних и мелких. Применение мелких установок означает, что эти предприятия будут все время работать с повышенными издержками. Это приведет к тому, что предприятия эти окажутся неконкурентоспособными, не смогут использовать выгоду хорошей конъюнктуры и вообще не смогут существовать.

Таким образом рецепт Шмаленбаха не может излечить капиталистическое производство от присущих ему противоречий, но и сам Шмаленбах разуверился в своем «рецепте». Он видит, как жизнь прошла мимо его призыва возврата к средним предприятиям, мимо предложенной им «Batteriesystem». И в своей статье «Капитализм в оковах» Шмаленбах принужден констатировать все больший рост размера предприятий, все большую интенсивность капиталовложений. Этот рост, идущий по пути все большего использования технических изобретений, приводит лишь к углублению противоречий, что принуждены признать буржуазные экономисты.

Период всеобщего кризиса капитализма характеризуется величайшим обострением противоречий между общественным характером производства и частным характером присвоения. Отсюда и вопли Шмаленбаха и других буржуазных экономистов о перепроизводстве («Uberkapazität»). Постоянное бездействие все большей части производственного аппарата и тенденция к хроническому перепроизводству являются наиболее характерной чертой загнивающего капитализма. Это очень ярко выразилось в Германии, где наиболее сильно обострилось противоречие между производственной мощностью и ограниченностью рынков.

В январе 1929 г. было загружено лишь 67,1% производственного аппарата Германии (до кризиса)⁵⁵. Этот же процесс нашел свое выражение и в Англии. Производственная мощность Англии в 1928 г. составляла по железу 12 млн. тонн и свыше 12 млн. тонн по стали. Действительная же продукция 1929 г. (лучшая среди ряда лет) составила 7 млн. тонн чугуна, т. е. загрузка только на 58,3 и 9,6 млн. тонн стали, т. е. загрузка только на 80%. Даже «процветавшая» Америка имела перепроизводство в ряде отраслей: угольная, текстильная и судостроительная промышленность страдали от перепроизводства и в период подъема. Перепроизводство характерно и для ряда других отраслей. Так в 1918 г. (подъем) оставалось неиспользованным 20% производительности доменных печей, незагрузка металлоплавильных заводов в 1916 г. составляла 51,2%, заводов, производящих медную проволоку,—60%, серных заводов—50%, обувных фабрик—80%⁵⁶.

Сталелитейная промышленность в 1928 г. (год высокой конъюнктуры) была недогружена на 15%, в 1926 и 1928 гг. (высокая конъюнктура); поступление новых заказов на строительное железо составляло $\frac{2}{3}$ производственной мощи, заводы, вырабатывающие железные болчки в 1926 г., использованы на 48% и в 1928 г.—на 53%⁵⁷. Современный кризис, протекающий на основе всеобщего кризиса капитализма, крайне обострил противоречия. Так германская промышлен-

⁵⁵ Варга, Мировой экономический кризис, с. 113.

⁵⁶ Чэз, цитированное произведение, с. 99.

⁵⁷ „Ежегодник мирового хозяйства“ на 1930 г., с. 74-75.

ность на январь 1931 г. была загружена лишь на 41%, причем отрасли, производящие средства производства, были загружены на 41,6%.

Огромное падение объема продукции — САСШ на 32% (а стали на 59%), Англии на 19% (а чугуна и стали на 50%)⁵⁸ и других капиталистических стран — увеличило разрыв между производственной мощностью и ограниченностью рынка до колоссальных размеров, причем для современного кризиса характерно, что «перепроизводство несмотря на длительное развитие кризиса не только не ослабело, но чрезвычайно обострилось»⁵⁹.

Тов. Мотылев приводит следующие данные: в последнюю четверть 1930 г. по сравнению с тем же периодом 1929 г. видимые запасы угля (в Германии, Бельгии, Польше, Саарском округе) выросли на 222,6% бензина (САСШ) на 15%, меди (Северная и Южная Америка) — 116,1%. Это значит, что противоречия не «уравняются насильно», не создают основы для дальнейшего развития капитализма, происходит дальнейшее колоссальное углубление всех противоречий.

Вот та причина, которая заставляет говорить буржуазных экономистов об «оковах капитализма», заставляет признавать, что они не могут развивать всех технических возможностей, которые у них имеются. Так например в анкетных выводах комиссии германского рейхстага по железодельательной промышленности⁶⁰ отмечается перепроизводство, царящее в этой отрасли, и причины его они видят в растущем размере предприятий и «переоценке технических возможностей».

Однако здесь дело не в переоценке технических возможностей, здесь полное банкротство капитализма, принужденного признать свою несостоятельность. Граница массового производства при капитализме заключается в противоречии между общественным характером производства и частным присвоением. Таким образом границы роста капиталистических предприятий лежат не в технике и не вообще в особенностях массового производства. «Действительная граница капиталистического производства — сам капитал» (Маркс).

7. «Персональные» пределы оптимального размера предприятия

Несостоятельность буржуазных теорий оптимального размера находит свое наиболее яркое выражение в сведении проблемы размера предприятия к вопросу о природе человека и природе его способностей.

Бекерат считает, что «размер предприятия в современной промышленности в принципе ограничен лишь персональным моментом»⁶¹.

Он утверждает, что «персональный элемент... является единственно решающим для размера предприятия»⁶². |

В чем заключается значение персонального элемента с точки зрения Бекерата? Бекерат очень много распространяется о значении сосредоточения всех нитей руководства в единых руках вследствие сложности производства, необходимости быстроты, четкости и гибкости реагирования на изменения в производстве и на рынке. Он усиленно подчеркивает значение субъективных качеств руководителя (такт, энер-

⁵⁸ Ст. Мотылева, „Коммунистический интернационал“, № 7, 1931.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Отчет во „Франкфуртской газете“ от 16/XII 1930 г.

⁶¹ Бекерат, *Der moderne Industrialismus*, с. 55 (разрядка моя — Н. Д.).

⁶² Там же, с. 54 (разрядка моя — Н. Д.).

гия, хладнокровие, сила памяти и т. п.) и приходит к выводу, что развитие промышленности возвращается к своему исходному пункту, «решающему значению человека для судьбы и процветания целого дела»⁶³.

Значение персоны руководителя в разных отраслях различно, по мнению Бекерата. Если для серийного и массового производства это значение меньше, то в отраслях с меняющимся индивидуальным характером продукции (кожевенная, керамическая промышленность, производство украшений, драгоценностей и т. п.) эта роль больше, однако, несмотря на распространение массового производства в современной промышленности, отнюдь не устраняется, утверждает Беккерат, значение «персонального» фактора.

Нужно сказать, что Бекерат не совсем одинок в своей точке зрения. Фогельштейн тоже ставит возможность расширения предприятий в зависимости от того, «насколько готовы прирожденные хозяйственные руководители, имеющиеся в стране лишь в ограниченном количестве, предоставить свои общие силы для экономической деятельности»⁶⁴. И он делает вывод, что, так как число «прирожденных» руководителей ограничено и так как сами капиталисты не желают утруждать себя, приходится ограничивать рост размеров предприятий.

Фогельштейн, выдвигающий наряду с «персональными» и целый ряд технических пределов роста размера предприятий, придает чрезвычайно большое значение этим «персональным» «психологическим» моментам. Он отмечает, что «объективные препятствия расширения предприятий и заведений» все больше отступают, но зато «тем важнее становится психологическая сторона вопроса».

Таково открытие буржуазных экономистов. Однако оно совершенно непримиримо с действительностью. Ведь буржуазные экономисты принуждены признать тенденцию роста размера предприятий. Если «персональный момент» является «единственно решающим», то почему в современных условиях так вырос размер предприятия? Почему так изменились «субъективные» качества капиталистов, что теперь они «способны» руководить гораздо большими предприятиями? Превращая качества руководителя капиталистического предприятия в «прирожденные», они заставляют ограничивать рост капиталистических предприятий «темпом» прироста таких «прирожденных» руководителей. А то, что капиталисты руководят предприятиями. Фогельштейн изображает как большое «самопожертвование». Нужно думать, что Фогельштейну не безызвестно, какую «компенсацию» капиталисты и управляющие капиталистических предприятий получают за свою «экономическую деятельность». Конкуренция вынуждает капиталистические предприятия идти по пути технического прогресса и увеличения предприятий. Размер предприятия меньше всего определяется желанием капиталиста. В то же время мы видим, что колоссальный рост рантье, колоссальный рост акционерных обществ и все развитие капиталистического производства все больше направляется по пути отделения промышленного капиталиста от «промышленного управителя», причем боязнь недостатка в таких «управителях», необоснована. «Само капиталистическое

⁶³ Бекерат, *Der moderne Industrialismus*, с. 59.

⁶⁴ Фогельштейн, цитированное произведение, с. 401 (разрядка моя—Н. Д.).

производство привело к тому, что труд надзора, совершенно отделенный от собственности на капитал, всегда имеется в наличии на мостовой»⁶⁵.

Правда и Бекерат признает, что развитие научных основ техники управления и организации производства статистики, бухгалтерии, наличие квалифицированных служащих расширяют пределы, ограничивающие рост размера предприятий, так как дают предпринимателю возможность охватить большие масштабы.

«Но эти вспомогательные средства имеют свои границы. Чем больше капиталистический, технический и торговый комплекс предприятия, тем развитее становится организация, необходимая для поддержания плана, единства, гармонии частей между собой и по отношению к целому... Начиная с известного пункта этот аппарат растет быстрее, чем производственный комплекс, и продукция и издержки отягощают рентабельность в растущей степени. Но еще больше психологические потери производства, которые не всегда денежно измеримы и исчислимы»⁶⁶. Бекерат, ссылаясь на примеры Стигнеса, Сименса и ряда химических предприятий, очень много останавливается на опасности бюрократизации, которая заключается по его мнению в 1) ухудшении качества продукции вследствие потери связи с рынком ряда руководителей, вытекающей из огромного расщепления функций, 2) господстве рутины, 3) отсутствии цельности, уменьшении чувства ответственности, 4) господстве чиновничьего духа с его стремлением «к корректности» и т. п.

Таким образом Бекерат ставит рост предприятий в зависимость исключительно от психологических моментов. Признавая возможность «раздвигания» размера предприятий за счет роста управленческого аппарата, он ее ограничивает, как мы видим, опять-таки психологическими моментами (чувство ответственности, стремление чиновничества «к корректности» и т. п.)⁶⁷.

В действительности же рост издержек управления и опасность бюрократизации являются отнюдь не психологическим фактором. Они заложены в характере капиталистических производственных отношений.

В современных капиталистических гигантах проблема организации производства является одной из решающих. Рост издержек по управлению носит двойственный характер, как и самый характер этих издержек.

С одной стороны, это издержки по оплате труда, необходимого для организации всякого общественного комбинированного процесса производства. С другой стороны, это издержки по оплате труда надзора, вытекающего из антагонистического характера капиталистического производства. При капитализме труд надзора «непосредственно и неразрывно связан с производительными «функциями» (Маркс). Рост предприятий требует сложной системы учета и контроля, и между хозяином и рабочим становится целая иерархия надсмотрщиков и служащих по учету, и само собой понятно что такой рост аппарата

⁶⁵ „Капитал“, т. III, ч. 1, с. 373.

⁶⁶ Б е к е р а т, цитированное произведение, с. 57.

⁶⁷ Мотив о значении бюрократизации в связи с ростом размеров предприятий характерен и для Фогельштейна, Шмаленбаха, Бюхера, Лейтнера и их русских последователей: Гинзбурга, Бернштейн-Когана.

по управлению и надзору вызывает рост издержек по управлению. Рост прибавочной стоимости должен быть следовательно достаточным, чтобы покрывать эти издержки, не уменьшая норму прибыли. Предприниматель всячески заинтересован в сокращении этих издержек, так как рост издержек по управлению является элементом, понижающим прибыль.

Развитие науки по организации производства и управления уменьшает издержки по управлению. И Шмаленбах очень сокрушается, что таким образом его профессия ученого, разрабатывающего проблемы организации производства, «влияет на увеличение производственных единиц и способствует марксистским ожиданиям».

Однако марксисты отнюдь не утверждают, что возможен беспредельный рост капиталистических предприятий. Даже «помощь» Шмаленбаха не в состоянии устранить препятствий, стоящих на пути роста капиталистических предприятий. Этому росту противоречат не вообще издержки по организации процесса производства, а рост издержек, вытекающих из капиталистического характера производства. Причина роста издержек по управлению вытекает в наибольшей степени из увеличения издержек по надзору вследствие обострения противоположности интересов буржуазии и пролетариата (современная «рационализация» и т. п.). «Чем больше эта противоположность, тем больше роль этого верховного надзора за рабочими» (Маркс). К числу этих издержек нужно отнести большую часть издержек по контролю, причем сами буржуазные экономисты, как например Бекерат, признают, что контроль и «контроль над контролем» больше всего «отягощают аппарат».

Таким образом рост издержек вследствие бюрократизации аппарата управления и роста издержек по надзору присущи именно капиталистическому предприятию, потому что углубление и расширение общественного характера современного производства противоречат капиталистической форме управления, вытекающей из частного характера присвоения. Бекерат же и иные с ним изображают противоречия капиталистического производства как противоречия, вытекающие из природы человека.

**

Теория оптимального размера предприятий, базирующаяся на «универсальном законе, вначале возрастающего, а затем убывающего дохода», отличается полнейшей бесплодностью.

Эта теория не может выявить ни законов, лежащих в основе роста размеров капиталистических предприятий, ни противоречий, стоящих на пути этого роста.

Чем же объясняется такое широкое распространение этой теории в среде буржуазных экономистов?

Социальный смысл теории оптимального размера предприятий нам станет ясен, если мы вспомним, что расцвет ее относится к эпохе загнивающего капитализма, когда противоречия капиталистического производства достигают величайшего обострения. Границы развития производительных сил все больше сужаются. Рост размеров предприятий встречает противоречие в том, что загнивающий капитализм ставит пределы развитию техники и развитию массового производства. Па-

дение нормы прибыли — основная «угроза развитию капитализма» — с колоссальным ростом размеров предприятий выступает все более резко. И если в период расцвета капитализма «экономисты, считающие, подобно Рикардо, капиталистический способ производства абсолютным, чувствуют здесь, что этот способ производства сам создает себе границы, и поэтому приписывают эти границы не производству, а природе (в учении о ренте⁶⁸), то в период гибели капитализма это перенесение противоречий капиталистического способа производства на природу принимает особо «универсальный характер».

Чрезвычайно симптоматично, что буржуазные экономисты именно в эпоху загнивающего капитализма почти единодушно приходят к выводу, что закон убывающей доходности должен быть распространен и на промышленность. Это положение, как мы видели, является основой теории оптимального размера предприятий. Смысл этой теории заключается в изображении противоречий развития капиталистических предприятий как противоречий, заложенных в самой природе, природе техники человека и вообще всякого производства. Однако противоречия, встающие на пути развития производительных сил, говорят не о том, что производительные силы достигли предела своего развития, а «свидетельствуют об ограниченности и только об исторически преходящем характере капиталистического способа производства (Маркс). Развитие общественных производительных сил вступает в противоречие с капиталистическим способом производства.

«Централизация средств производства и обобществление труда достигают уровня, при котором они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Последняя разрывается. Бьет час капиталистической собственности»⁶⁹.

Преобразование частной собственности в общественную уничтожает основное противоречие капитализма — противоречие между общественным характером производства и частным характером присвоения. Это приводит к колоссальному росту производительных сил, что находит свое отражение и в росте социалистических предприятий.

⁶⁸ „Капитал“, т. III, ч. I, с. 182.

⁶⁹ Там же, т. I, с. 613.

В. ПИЩАЕВ

К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО РАЗМЕЩЕНИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР¹

Прежде всего необходимо со всей резкостью подчеркнуть, что проблеме территориального размещения промышленности в условиях бурной социально-технической реконструкции промышленности до последнего времени уделяется чрезвычайно незначительное внимание со стороны теории. А между тем невиданные в истории ни в одной стране мира темпы роста нашей промышленности, совершенно новое строительство крупнейших индустриальных гигантов, вызывающих к жизни новые, ранее почти пустующие пространства огромных размеров, строительство, развертывающееся на пространстве одной шестой части мира с самыми разнообразными естественными, историческими и социально-экономическими особенностями, предъявляют к вопросам правильного пространственного размещения промышленных (равно как и сельскохозяйственных) предприятий исключительные требования. Поэтому проблема расширенного воспроизводства на переживаемой нами стадии развития приобретает сугубо пространственную окраску. Теперь значительно больше, чем раньше, закономерности и тенденции развития, присущие природе нашей советской экономики, в проблеме пространственного размещения находят себе наиболее яркое проявление. Отсюда стоящая перед нами во всей остроте необходимость теоретического осмысливания закономерностей советской экономики на нынешней стадии ее развития и их специфического проявления в процессах территориального размещения промышленности. Без четкой формулировки принципов, на основе которых у нас происходит географическое размещение промпредприятий, мы не можем успешно развертывать наше промышленное строительство.

Между тем, как это ни странно, в вопросах теории размещения советской промышленности до сего времени царит недопустимая беззаботность. Так мы встречаемся, с одной стороны, с такого рода взглядами, что «проблема размещения промышленности представляет собой не только (а может быть не столько) вопрос теории, сколько вопрос политики»².

С другой стороны, в этой области вероятно больше, чем в других, прочно свили себе гнездо теории вредителей, Коган-Бернштейна и А. Гинзбурга. Эти господа считают, что в вопросах размещения нашей советской промышленности мы можем ориентироваться на принципы,

¹ Помещая статью т. Пищаева, редакция указывает на спорность некоторых выдвинутых автором положений, а также на недостаточную конкретность в разработке им поставленной проблемы. Редакция рассматривает настоящую статью как введение к дискуссии по вопросу о принципах географического размещения промышленности и приглашает товарищей, работающих в этой области, выступить на страницах нашего журнала.

² М. Галицкий, Рецензия на перевод книги Вебера „Теория размещения промышленности“, „Социалистическое хозяйство“ № 4, за 1926 г.

установленные А. Вебером для капиталистической промышленности, а именно на принцип наименьших издержек производства. Коган-Бернштейн считает, что для практики размещения нашей промышленности формулированные Вебером законы с некоторыми несущественными поправками совершенно достаточны³. Теория второго вредителя А. Гинзбурга тоже основана на принципе минимальных издержек производства, но осторожности ради, для видимости он делает формальную оговорку о том, что иногда при выборе места предприятий в наших условиях приходится считаться с разного рода социально-политическими и стратегическими соображениями, а не с издержками производства. Не говоря уже о том, что и капиталистическая система, имеющая разумеется дело с капиталистическими издержками производства, даже в эпоху развития свободной конкуренции не всегда исходит из принципа наименьших издержек, а в своей монополистической стадии очень часто совершенно не руководится им, — принцип наименьших издержек производства, примененный к нашим советским условиям в качестве решающего принципа, в лучшем случае является бессмысленным, а в основном — реакционным, как мы покажем ниже.

Основной порок теории издержек производства, как и других теорий, о которых мы будем говорить, состоит в том, что ее принципы не вытекают, не основаны на специфических закономерностях, на специфической сущности советской экономической системы, конкретным проявлением которых они во всяком случае только и должны быть. Характерным для этих теорий является полное абстрагирование от наиболее существенных черт, присущих данной экономической системе, т. е. полный схоластицизм, схематизм, отрыв от исторических и социальных особенностей явления.

Кажется совершенно ясно, что для того, чтобы понять природу какого-нибудь конкретного экономического явления (в данном случае факторов пространственного размещения промышленности), объяснить его условия причины, необходимо понять основные законы той экономической системы, конкретной формой проявления закономерностей которой данный конкретный факт является. А между тем это ясное положение сплошь и рядом (чтобы не сказать больше) забывается.

Отсюда, чтобы понять природу, сущность закономерностей (или принципов), лежащих в основе размещения нашей промышленности на сегодняшнем этапе ее развития, мы должны в нескольких словах остановиться и отдать себе отчет, в чем основная, специфическая сущность нашей советской экономики, каковы основные законы движения ее на сегодняшнем этапе развития.

Основным характерным процессом экономики нашей советской системы как системы переходной от капитализма к социализму является процесс движения к социализму, постепенного нарастания социалистических элементов с одной стороны, за счет переделки, перестройки частных, мелко-товарных отношений и с другой — за счет вытеснения и ликвидации капиталистических элементов, еще остающихся в нашей системе. Но этот процесс нарастания

³ Коган-Бернштейн, К вопросу о постановке работ по районированию и рационализации промышленности.

социалистических элементов в нашей системе разумеется не представляет процесса механического роста их и соответственного механического сокращения капиталистических элементов, проходящего так сказать самотеком, а развивается на основе ожесточенной классовой борьбы пролетариата с остатками отживающих, но еще окончательно не ликвидированных капиталистических элементов внутри системы. Следовательно мы имеем движение, совершающееся в форме борьбы противоположных элементов друг с другом. Эта — одна сторона сущности нашей экономики. Но более существенна для исследуемого нами вопроса другая сторона ее. Это — внешнекапиталистическое окружение Советского союза, наличие глубокого противоречия между страной строящегося социализма и отживающим капиталистическим миром.

Если сегодня мы можем уже сказать, что успехи социалистического строительства в нашей стране настолько велики, превосходство социалистических элементов, социалистических отношений над капиталистическими элементами внутри системы обеспечивает в основном победу первых над вторыми и следовательно проблему «кто кого» с точки зрения соотношения сил, действующих внутри системы, можно считать в основном решенной, то проблема «кто кого» в аспекте борьбы двух мировых систем, социалистической и капиталистической, именно на сегодняшний день больше, чем когда бы то ни было, принимает решающее значение. Если до сего времени задача обеспечения строительства социализма в нашей стране в основном сводилась к задаче обеспечения успеха борьбы социалистических элементов над капиталистическими и мелкотоварными элементами внутри системы, то экономика сегодняшнего этапа развития нашей системы в большей мере характеризуется задачей борьбы Советского союза за свое существование на мировой арене. Именно эта задача на сегодня является той осью, вокруг которой вертятся все как социально-экономические, так и социально-политические проблемы нашей страны. Недавно прошедшие перед нами судебные процессы над вредителями, руководимыми международной буржуазией, вой мировой буржуазии по поводу мнимых «демпинга» и «принудительного труда» в СССР и самые разнообразные формы бешеной подготовки мировой буржуазией интервенции против СССР являются одним из многих показателей того, насколько проблема «кто кого» в мировом масштабе становится сегодня для нашей системы определяющей. Отсюда все наши мероприятия, и особенно мероприятия по социально-технической реконструкции и строительству промышленности (одной из сторон коих являются вопросы пространственного размещения этой промышленности) должны исходить и соподчиняться этой центральной задаче обеспечения победы строящемуся социализму в международном масштабе.

Вот тот генеральный, все себе подчиняющий принцип, которым в первую очередь может и должен руководиться каждый проектировщик при всякой пространственной запроектовке, идет ли речь о промышленности или сельском хозяйстве.

Однако признанием этой задачи центральной, руководящей идеей мы решаем только еще на половину стоящую перед нами методологическую проблему. Необходимо пойти дальше и поставить следующий практический вопрос: каковы конкретные хозяйственные пути для осу-

ществления этой основной, пока формулированной в самой общей форме задачи, и какое конкретное отражение получают они в проблеме размещения промышленности. Эти пути с необычайной яркостью и силой сформулированы в гениальной речи т. Сталина на I Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 г.: «Мы отстали от передовых стран на 50—100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут». Здесь основная задача и конкретный путь ее решения указаны с исчерпывающей ясностью: либо мы пробежим в 10 лет 100-летнее расстояние, которое отделяет нас от передовых капиталистических стран, либо нам смерть от этого капитализма. «Других путей нет», говорит т. Сталин там же, ссылаясь при этом на слова Ленина, сказанные во время Октября: «Либо смерть, либо догнать и перепрыгнуть капиталистические страны».

Таким образом, чтобы обеспечить победу социализма в СССР во всемирном масштабе, нужны большевистские темпы развития нашего социалистического строительства. Без всемерного ускорения этих темпов на данном этапе победа социализма не обеспечена.

Форсирование темпов развития нашего хозяйства и следовательно в первую очередь темпов развития промышленности,—таков основной и единственный путь обеспечения победы строительства социализма, диктуемый нам сегодня. Хозяйственник-проектировщик и теоретик, решающие законы размещения промышленности не на основе генеральных задач, в отрыве от них,—это «анекдот», а не хозяйственник и не теоретик. А между тем, если взять писавших по этому вопросу, то почти все они «олицетворяют» этот «анекдот». Мы уже указывали на теории вредителей Гинзбурга и Коган-Бернштейна. Их основной принцип — ориентация на наименьшие издержки производства. Что значит ориентация при размещении промышленности на наименьшие издержки производства?

Понимаемый в такой абстрактной, общей форме этот принцип как руководящий критерий лишен того смысла, который обычно вкладывают в него все авторы. Производство с наименьшими издержками, понимаемыми в самой всеобщей форме в смысле наименьших трат, есть такая элементарная аксиома, которая известна всякому хозяйствующему человеку и которой человечество руководится на всех ступнях общественного развития, начиная от самых низших ступней его культуры. В природе нет нормального человека, который руководился бы в своей трудовой деятельности противоположными соображениями. Поэтому понимаемый в такой общей форме этот принцип лишен всякого научного смысла, так как объявлять его основным, решающим принципом размещения промышленности — это все равно, что объявлять процесс проглатывания пищи человеком основным процессом питания человеческого организма и в качестве такового рекомендовать его современному поколению⁴. Если же в этот принцип вложить определен-

⁴ Вместе с тем понимаемый в таком смысле этот принцип есть не что иное как перефразирование пошлого принципа буржуазной экономии, над которым так зло издевался Маркс, „с минимумом затрат получить максимум благ“. Издевался потому, что выраженный в такой абстрактной форме этот принцип применим ко всякой исторической общественной форме производства, имеет извечное существование, но именно поэтому не объясняющий закономерностей ни одной конкретной исторической эпохи.

ный смысл, применить его к нашей совершенно конкретной социально-экономической обстановке, то в него неизбежно придется ввести столько поправок и оговорок, после которых от него буквально ничего не остается (если не делать из него орудия реакционной политики, которым он несомненно является в руках вредителей).

Прежде всего совершенно ясно, что когда мы строим какое-нибудь предприятие (промышленное или сельскохозяйственное), то мы прежде всего должны отдать себе ясный отчет в том, чем у нас будет содействовать это предприятие: росту социализма или капитализма. Если предприятие в данном месте или данной формой своей технической организации будет больше содействовать росту капитализма, а не социализма в нашей стране, то очевидно такое предприятие мы не будем проектировать, хотя бы издержки производства на нем были меньше, чем на конкурирующих с ним предприятиях. Вот первая поправка к принципу издержек производства. Далее, придерживаясь принципа наименьших издержек производства на единицу продукта, мы должны были бы все наши новые предприятия и реконструкцию старых вести в таких местах, в таких технических формах, в которых уровень механизации, автоматизации достигал бы предельного технически возможного развития, где применялись бы технически наибольшие агрегаты оборудования и т. д. Нужно было бы бросить сейчас или еще раньше большую часть наших сил и средств на строительство например Ангарской гидростанции, дающей наиболее дешевую по издержкам производства электроэнергию, вокруг нее на базе дешевой энергии строить мощный промышленный комплекс; на строительство Волго-донского канала, обеспечивающего наиболее дешевый транспорт между севером и югом Европейской части СССР; мы должны были бы приступить к немедленной переброске нашей каменноугольной промышленности, а вслед за ней металлургии, машиностроения и т. д. с Донбасса на Кузбасс, так как издержки производства там значительно ниже, и т. д. Одним словом, следуя за указаниями принципа издержек производства, мы должны были бы сейчас бросить большую часть наших материальных и трудовых ресурсов на эти отдельные стройки за счет обескровливания других участков и отраслей народного хозяйства и промышленности. Это в лучшем случае привело бы к огромным болезненным диспропорциям отдельных отраслей промышленности и транспорта, а в худшем — к полному параличу всей жизнедеятельности страны. Как показали процессы «промпартии» и ЦК меньшевиков, такого рода планирование народного хозяйства являлось одним из основных орудий вредителей. Разумеется строить нашу промышленность на основе такого понимания принципа наименьших издержек производства (а последовательно проводя этот принцип, неизбежно приходишь к указанным следствиям) было бы не только непозволительно, но и преступлением. Очевидно, не учитывая общих задач всего процесса воспроизводства страны, в частности задач сохранения определенного соответствия между отдельными отраслями хозяйства, определяемого в конечном счете характером социально-экономических задач, стоящих в данный момент перед системой, нельзя ориентировать ни направление строительства промышленности вообще, ни пространственное размещение ее по принципу издержек производства. Это — вторая, не менее существенная поправка к принципу наименьших издержек производства.

Затем сплошь и рядом непосредственные военно-стратегические соображения заставляют нас предпочитать выбирать место с большими издержками производства, но безопаснее расположенное в военно-стратегическом отношении. Было бы величайшей наивностью в погоне за экономией в издержках производства возводить предприятие на месте, подверженном наибольшей непосредственной военной угрозе, если есть полная возможность избежать или значительно уменьшить опасность этой угрозы. Это—третья поправка к «закону» наименьших издержек.

Наконец категория издержек производства, или наименьших издержек производства есть категория капиталистического общества, выражающая собой и издержки капиталистического предприятия. Это—те издержки, что израсходовал капиталист на покупку машин, материалов и рабочей силы при производстве данного товара. Это—то, что стоит товар самому данному капиталисту.

Но для капиталистического общества в целом издержки производства данного товара по величине не совпадают с первыми издержками. Они выше на всю величину прибавочного труда, который капиталист выжал из рабочего, который самому капиталисту ничего не стоил, но стоимость продукта которого он присвоил себе. Следовательно даже с точки зрения капиталистического общества как целого принцип издержек производства носит частнохозяйственный характер. Предлагать же этот частнокапиталистический принцип в такой форме в качестве руководящего принципа при определении путей реконструкции нашей советской промышленности можно только при двух условиях: а) или не имея ни малейшего представления о характере советской экономики, о принципиальных отличиях ее от капиталистической, б) или сознательно ведя наше строительство по пути капиталистического развития, что в меру своих сил и делали вредители Гензбург и Коган-Бернштейн.

Поэтому без самого существенного изменения содержания категории издержек производства, без ясного осознания того места, которое «издержки производства» в измененном виде занимают в специфических закономерностях советской экономики (и притом не всего перехода переходной эпохи, а данного исторического этапа ее развития), нельзя добросовестно и плодотворно говорить о применении его к условиям советской промышленности.

Наряду с принципом наименьших издержек производства большим распространением пользуется принцип развития производительных сил. По мнению сторонников его все наши мероприятия по регулированию хозяйственной деятельности и в частности распространения хозяйственной деятельности в пространстве должны быть проникнуты этим принципом как решающим: наиболее целесообразно такое размещение промышленности, которое обеспечивает наибольшее развитие общественных производительных сил,—говорят часто.

Однако не трудно видеть, что выраженный в такой социально-«обнаженной» форме и этот принцип столь же мало практически способен ориентировать конкретное направление хозяйственной политики, как и принцип наименьших издержек производства. Правда, он характеризует проблему со стороны общественнохозяйственного в отличие от частнохозяйственного содержания, характерного для принципа издержек производства. В этом его преимущество перед последним принципом, но только в этом. Развитие производительных сил есть процесс, харак-

терный для всех социально-экономических эпох человеческого развития (если не говорить, об отдельных обществах и периодах в истории человечества, когда в виде исключения имело место не развитие, а падение производительных сил данного народа). Следовательно выраженный в такой форме этот принцип внеисторичен, не выражая специфических черт ни одной конкретной социально-исторической эпохи. Особенно мало пригоден этот принцип в такой общей форме для характеристики нашей советской экономической системы вообще и тем более для характеристики особенностей сегодняшней фазы развития.

В самом деле, мы уже говорили, что характерной особенностью нашей системы является процесс движения к социализму, развитие социалистических отношений через борьбу с частнокапиталистическими. Стало быть мы ни в коем случае не можем сейчас сказать, что всякий рост производительных сил для нас является положительным фактором. Непонимание этого положения—одна из основных ошибок правого уклона.

Затем если мы ограничим этот принцип в том смысле, что будем говорить не о развитии производительных сил нашей системы вообще, а лишь о развитии, содействующем росту социалистических элементов, то этим мы внесем такую конкретизацию в этот принцип, что он будет выражать отношения, свойственные нашей советской системе как переходной системе вообще.

Но поскольку мы знаем, что отдельные исторические этапы переходного периода также имеют существенные особенности и отличаются друг от друга, постольку и принцип развития производительных сил должен быть конкретизирован еще дальше в такой степени, чтобы для каждого этапа переходной экономики быть практически действенным регулятивным принципом. Совершенно ясно, что в соответствии с особыми основными чертами и задачами каждого этапа переходной экономики будет существенно меняться и конкретное содержание принципа развития производительных сил. Не развертывая сейчас анализа в этом направлении (поскольку таковой не входит в нашу задачу в данный момент) в порядке методологической постановки вопроса, укажем лишь на основное различие, которое можно провести в содержании этого принципа, соответствующее этапу восстановительного периода нашей системы в отличие от реконструктивного этапа на сегодняшней ступени его развития. Соотношение классовых сил на сегодняшнем этапе развития нашей страны таково, что главнейшей опасностью для нас является угроза нападения со стороны капиталистического мира. Отсюда основной задачей данного этапа становится задача в кратчайший срок догнать и перегнать передовые капиталистические страны, задача ускорения темпов хозяйственного развития. Кроме того теперь мы стоим уже на уровне производства, значительно превосходящем размеры довоенного производства. С точки зрения этой задачи принцип развития производительных сил должен сводиться в основном к тому, чтобы, ускоряя процесс материального воспроизводства на базе внедрения наиболее совершенной техники, проектировать такое направление например развития промышленности, которое одновременно содействовало бы ускорению обобществления

сельскохозяйственного производства и тем самым окончательной ликвидации остатков капиталистических элементов внутри страны.

Между тем центральной социально-политической задачей восстановительного и части реконструктивного периода была борьба пролетариата с капиталистическими элементами в н у т р и с и с т е м ы за укрепление союза с середняком. Соответственно основной экономической задачей этого периода было допущение на определенных условиях частного товарного оборота в городе и деревне, дабы на этой основе восстановить в первую очередь те материальные разрушения, которым подвергся процесс производства за время империалистической и гражданской войн. При том катастрофическом низком уровне производства на котором он находился в начале восстановительного периода, развязывание частного хозяйственного оборота естественно находило себе выражение в том, что в первую очередь восстановление сказывалось на отраслях, связанных с широким рынком. Отрасли тяжелой индустрии лишь медленно и далеко отставая подтягивались за ними. В этих условиях содержание принципа развития производительных сил естественно было глубоко отличным от того, какое он имеет на сегодняшней ступени развития реконструктивного периода. Это различие выступит еще отчетливее, если вспомнить, что положение одного из важнейших элементов этих производительных сил, именно «рабочей силы», в рассматриваемые нами этапы было глубоко различным: если в восстановительный период мы имели «избытки» этой силы, то в данный момент мы стоим перед острым недостатком ее. Уже только по одному этому проблема развития производительных сил становится существенно различной на обоих этапах развития.

Вывод, который может быть сделан из сказанного о принципе развития производительных сил, сводится к следующему. Эта категория (как и всякая экономическая категория) не только социальная, выражающая законы социальной жизни, не только историческая в том смысле, что при различных социально-экономических эпохах она имеет различное содержание, но сугубо социально-историческая, потому что содержание ее меняется и на отдельных этапах данной социально-экономической системы. На каждом данном этапе развития содержание этого принципа должно соответствовать, отображать те социально-экономические закономерности, которые свойственны данному этапу, в противном случае он становится пустой, абстрактной формулой, реально ничего собой не выражающей.

Разумеется, последнее требование относится в одинаковой мере ко всякому принципу или критерию, выдвигаемому в качестве руководящей идеи при пространственном размещении промышленности. В первую очередь это относится к принципу экономической эффективности, спрягаемому в нашей литературе наряду с отмеченными принципами на все лады.

Характерной особенностью почти всех авторов, пытавшихся решать проблему экономической эффективности, является или непонимание природы нашей системы, законов ее развития, или полное забвение основного методологического требования, что всякий принцип, чтобы быть практически действенным, руководящим критерием, должен основываться, целиком вытекать из специфической сущности той хозяйственной системы, регулировать направление движения которой он рекомендуется.

Так возьмем например точку зрения т. Бухарина⁵. Анализируя природу плана в нашем советском хозяйстве, он приходит к тому выводу, что движение труда по пути роста социалистического сектора в настоящее время у нас в основном совпадает с движением этого труда по линии максимальной экономической эффективности его. Он говорит: «Наиболее общими аспектами социального плана являются два момента: 1) глыбы материального труда берутся в их движении *sub specie* классовых отношений и роста социалистического сектора; 2) глыбы материального труда берутся в их движении *sub specie* максимального экономического эффекта. Здесь нужно заметить, что оба эти критерия не всегда и не во все периоды пролетарской диктатуры покрывают друг друга. Но в основном в настоящее время они совпадают, ибо рост социалистического сектора есть в то же время рост более производительного крупного хозяйства». Сказать, что развитие социалистического сектора теперь у нас в основном совпадает уже с линией развития максимальной экономической эффективности общественного труда—это и значит смазать ту борьбу, которая еще и сейчас ведется с капиталистическими элементами внутри нашей системы, а с другой стороны, не видеть той борьбы и нарастания противоречий между нашей системой и капиталистическим миром. Не видеть, как наличие этой борьбы и противоречий неизбежно диктует нам такие пути и формы развития нашей хозяйственной жизни, которые далеко «не всегда» и «не во всем» идут по линии «максимальной экономической эффективности», понимая под экономической эффективностью простой техно-экономический показатель материального развития производства. Не замечать этой борьбы и противоречий или не придавать им значения и значит не понимать специфической сущности нашей системы на данном этапе ее развития, абстрагироваться от самого существенного в ней.

Говоря о проблеме пространственного размещения, т. Бухарин вспоминает, что у нас еще существуют внешние враги, которые могут напасть на нас. Как быть в этом случае? Очень просто, к пространственному плану, составленному на основе сформулированного им принципа максимальной экономической эффективности труда, надо ввести лишь поправку на стратегию. «В проблеме размещения, где нужно обратить внимание на необходимость всемерного улучшения транспортной связи между важнейшими районами, следует подчеркнуть и военно-стратегическую установку... Поправка на «стратегию» должна быть обязательной поправкой к планам размещения промышленности» (разрядка моя—В. П.). Из этой цитаты с несомненностью вытекает, что по т. Бухарину решающим критерием размещения нашей промышленности должен быть принцип максимальной экономической эффективности труда, а в качестве дополнительного, второстепенного момента к нему — поправки на стратегию.

После сказанного не трудно видеть, что такая трактовка ставит действительность наголоу. Не голый принцип максимальной экономической эффективности является для нас решающим принципом пространственного размещения нашей промышленности, а он сам получает свое действительное содержание на основе генеральной задачи сохранения системы от вторжения

⁵ Н. Бухарин, Техника и экономика в плановом хозяйстве, „За индустриализацию“ от 20 марта 1930 г.

мирового империализма, т. е. целиком обуславливается моментами стратегии (в широком смысле этого понятия), которыми т. Бухарин⁶ думает лишь корректировать свой план.

После того как перед нами ежедневно демонстрируется десятки раз бешеное стремление международного империализма любыми путями напасть на страну строящегося социализма и потопить ее в крови, было бы величайшим легкомыслием с нашей стороны в своей хозяйственной политике руководствоваться принципом максимальной экономической эффективности, лишь корректируя этот принцип «поправками» на стратегию. Ибо совершенно ясно, что термин «поправки», по т. Бухарину, не мог означать чего-нибудь иного кроме того, что фактор стратегии является не основным, а вспомогательным моментом к главному фактору—максимальной экономической эффективности. Рассматривать эту «поправку» в том смысле, что она в понимании Бухарина может занимать равное место с другими элементами плана (в данном случае с принципом экономической эффективности) или даже может иметь преобладающее значение над этим принципом, было бы рассудку вопреки. Ибо это означало бы признание того, что у нас действует целый ряд самостоятельных принципов: экономических, социально-стратегических и т. д., каждый из которых действует то с меньшей, то с большей силой. Одновременно это означало бы признание полного бессилия ответить на основной вопрос: как именно и почему так, а не иначе действует каждый данный фактор (если даже на минуту стать на точку зрения логики механического рассмотрения этих факторов)?

Весьма близкий по своим методологическим основам к бухаринской трактовке и в то же время достаточно яркий образец беспомощности исследования, стоящего не на позициях диалектической методологии, представляет выпущенный в 1930 г. Институтом промышленно-экономических исследований (ИПЭИ) ВСНХ СССР специальный сборник, посвященный изучению проблемы эффективности капиталовложений в советских условиях⁶. Авторы сборника поставили своей целью дать в руки хозяйственных и планирующих органов нашей страны критерии, на основе которых они могли бы правильно направлять дальнейшее развитие нашей промышленности и оценить истекшую работу предприятий и отраслей промышленности. Задача в высшей степени ответственная и почетная. Но как она разрешается?

Прежде всего, и это характерно для всякой механистической методологии, авторы, задавшись этой задачей, даже не поставили перед собой основного вопроса: чем характеризуется советская система хозяйства вообще и на данном этапе ее развития в частности. По этому кардинальному вопросу для разрешения поставленной авторами задачи мы в работе находим лишь мимоходом брошенное замечание о том, что критерии эффективности должны основываться на принципах нашей общехозяйственной политики, в основных чертах сформулированной XV партсъездом, и соответствующую коротенькую цитату из постановления этого съезда. Но эти цитата и замечание, не комментированные ни одним словом, остались для всей работы пустой декларацией. Весь анализ «возможных» показателей эффективности ведется вне

⁶ „Материалы к изучению эффективности капитальных вложений в промышленность“, 1930 г.

всякой связи с этими основными принципами. Чтобы не быть заподозренными в непоследовательности, авторы с первых же строк своего исследования заявляют, что предметом их анализа будет проблема «узко хозяйственной» эффективности. Сторона социально-политической эффективности в «широком» смысле, которая, мол, в природе существует, ими не будет рассматриваться, так как она, видите ли, не поддается «количественному» выражению, чем главным образом «озабочены» авторы.

Благополучно раздалавшись, как опытный хирург, с «операцией» рассеяния эффекта на две половинки—на «социально-политическую и узко экономическую», авторы прямо берут «быка за рога». Они обращаются «лицом к производству» и задают себе вопрос: каковы же критерии эффективности? После проделанной хирургической операции над понятием эффективности ответ на этот вопрос уже не труден: получение максимума продукции при минимальных издержках. Пресловутый хозяйственный «принцип»—с минимумом затрат максимум благ—таким образом благополучно переселился на советскую землю. Дальше остается только одна задача—установить количественные показатели этой «эффективности».

На этом пути авторы также обнаруживают не мало «перлов» методологической виртуозности. Прежде всего они делают тот вывод, что поскольку материально-технический процесс производства в целом не представляет качественно однородного явления, эффект этого производства нельзя выразить в едином количественном показателе, правильную характеристику его может дать только «система» показателей. Отысканием этой «системы» и заканчивают авторы методологическую часть своей задачи.

Любопытно справляются они с этой задачей. Анализируя материально-технический процесс производства, они устанавливают, что он имеет различные стороны, проявляется в различных формах. Тут мы прежде всего встречаемся с определенной массой продукции, получаемой в результате производства. Этот показатель—чрезвычайно существенный, замечают авторы, и мы не можем с ним не считаться. Далее наблюдательные авторы замечают, что есть еще и качество продукции, не менее важная штука. С этим показателем тоже надо считаться и включить его в качестве одного из членов «системы». Далее производственную единицу продукции для нас весьма важны. Стало быть одним из элементов «системы» показателей должен быть момент производительности труда. Затем важным моментом производства является также размер затрат в форме как живого, так и обобществленного труда, приходящихся на единицу производства; этот момент тоже нельзя не включить в «систему» показателей эффективности.

Ну, а быстрота оборачиваемости «капитала» в производстве разве не важная вещь? Без нее система тоже вряд ли обойдется, поэтому порядку ради надо и ее включить в «систему». Все эти показатели авторы называют «основными». К ним причисляется еще несколько так называемых второстепенных показателей, в числе коих фигурирует и такая вещь, как размер накопления».

На этом и заканчивается работа наших «систематиков». Чтобы у читателя не возникло сомнений по вопросу о том, имеем ли мы здесь дело действительно с некоей системой, а не простым набором показа-

тель, абсолютно друг с другом не связанных, авторы в конце этой части работы «для убедительности» приводят специальную таблицу, включающую в себя 7 названных показателей эффективности, под заголовком: «система показателей эффективности капиталовложений».

Напрасно какой-нибудь хозяйственник, тем более плановик, стал бы на основе этой «системы» и предшествующих ей 30 страниц многоречивых рассуждений авторов искать ответа на основной вопрос: правильно ли проектирует он направление производственной деятельности и в частности пространственное направление, ибо вся эта «система» построена без всякой системы. О ценности такой «системы» показателей достаточно можно судить хотя бы только по тому, что например решающие показатели этой системы — прирост продукции и себестоимость единицы продукта — находятся сплошь и рядом в противоположном отношении друг к другу, т. е. больший рост продукции сопровождается меньшим понижением себестоимости ее, и наоборот. Судить об эффективности производства на основе таких противоположных показателей вряд ли смогут даже сами авторы при всей своей бесцеремонности.

Вот печальный финал, к которому приводит неизбежно механистический метод, отрыв социального от материального или от какого-то «узко экономического», непонимание того, что экономическое без и вне социального есть бессмыслица, пустышка, которая ничего не выражает и не объясняет. Преподнося читателю свою «систему» показателей, авторы заявляют, что эта «система» дает представление об эффективности лишь в пределах предприятия, эффективности, выходящей за пределы данного предприятия, она, оказывается, не определяет. А за пределами предприятия при этом у них оказываются такие вещи, как влияние данной затраты на сельское хозяйство, на вовлечение новых масс рабочей силы, на уменьшение зависимости от иностранных государств и даже на повышение обороноспособности страны. Оказывается, для измерения эффективности, с этой стороны, мы должны пользоваться другими показателями, дать количественное выражение которых авторы не решаются.

Что это значит? То, что, строя отдельные предприятия, при этом важнейшие экономические и технические вопросы строительства, как например: степень механизации производства, количество и сроки выпускаемой продукции, себестоимость продукта и др., — мы решаем обособленно, независимо от такой основной социально-политической и глубоко экономической проблемы нашей системы, как «повышение обороноспособности страны».

Точь в точь, как у Бухарина. У того в начале рациональный хозяйственный план, а потом поправки на стратегию, у этих, с одной стороны, учет узко экономической эффективности, а с другой — учет влияния на повышение обороноспособности. Жаль, что ни авторы, ни т. Бухарин не открыли нам секрета, какой же мерой нам пользоваться при определении влияния обороноспособности, чтобы хоть как-нибудь иметь возможность соразмерять влияние «этой стороны» эффективности со значением «узко экономической» эффективности.

Наряду с такого рода «теориями» и решениями этой проблемы мы имеем и целый ряд решений, основанных на откровенном признании принципов, действующих в условиях капиталистической системы хо-

заяства, решений, которые поэтому своей абсурдностью доходят до геркулесовых столбов. Именно такого рода работой является точка зрения, развитая проф. Н. Шапошниковым⁷. Вся задача проектирования как нового строительства, так и реконструкции действующих предприятий им сводится к получению наибольшей экономической эффективности, понимаемой им в узко экономическом смысле как отношение выручки к затратам. Вариант, дающий более высокое отношение, или другими словами большой коэффициент, признается наиболее целесообразным. Такова основа «философии» всех рассуждений этого автора. А так как в действительных процессах строительства и реконструкции мы почти всегда встречаемся с тем положением, что мы непосредственно не в состоянии сравнивать выручки с затратами для отдельных вариантов, поскольку при различных типах предприятий и выручки и затраты приурочиваются к различным срокам (например, производя определенную затрата сегодня на постройку нового завода, мы начинаем получать выручку, т. е. продукцию, только, скажем, через 3 года, а затрачивая те же средства на реконструкцию старого завода, мы эту же продукцию получаем через 2 года), то нужен способ, нивелирующий эти различия, приводящий все будущие затраты и выручки к соотносительной ценности, какую они имеют для нас с точки зрения сегодняшнего дня. Капиталистическая система эту задачу разрешила давно путем капитализации по рыночному проценту всех затрат и выручки на данное предприятие за все время срока его действия. Путем такой капитализации из сложных процентов мы легко «будущее переведем в настоящее». «Подобный метод, — говорит Шапошников, — необходимо применять и для оценки реконструктивных предприятий в современных условиях». Просто и ясно. Если капиталистическая система пользуется этим методом, то что собственно мешает нашей советской системе использовать этот метод? Ничто, отвечает нам профессор. Есть, правда, единственное техническое затруднение, но оно не существенно: величина процента на капитал в капиталистических условиях устанавливается рынком и с этой стороны является величиной постоянно определенной. У нас нет рынка, который устанавливает величину процента, поэтому неизвестно, из какого уровня его должен исходить проектировщик. Но проф. Шапошников и здесь приходит нам на помощь. Он говорит примерно так: сейчас он, Шапошников, не будет разбирать, какой конкретно уровень процента для нас надо установить—4,6 или 8, но для него несомненно, поскольку сейчас наша страна нуждается в капиталах и этот капитал следовательно потенциально дорог, постольку будет тем правильнее, чем выше уровень этого процента. Важно по его мнению лишь то, чтобы высота этого процента была одинаковой для проектировщиков всех отраслей.

После сказанного нами о методологических требованиях при исследовании данного вопроса нет нужды останавливаться на полнейшей вздорности подобной «арифметической» концепции, на ее абсолютной внутренней пустоте.

Мы не имеем возможности задерживаться более на рассмотрении других «критериев», выдвигаемых в нашей литературе по вопросам направления развития как всего нашего хозяйства, так и в частности по вопросам пространственного размещения предприятий. Можно во

⁷ Н. Шапошников, О пределах реконструкции, „Пути индустриализации“ № 9 за 1929 г.

всяком случае с полным основанием утверждать, что почти через все работы, касающиеся этой проблемы, красной нитью проходит или полное непонимание своеобразных черт природы нашей экономики, непонимание значения социальной формы в нашей экономике и ее влияния на направление развития материально-технического процесса воспроизводства, или непонимание методологических основ исследования, забвение основ материалистической диалектики, скатывание к механистической трактовке проблемы, или и то и другое вместе. Чтобы покончить с этой частью методологических замечаний, остановимся лишь в двух словах на тезисах доклада Н. Морозова и М. Галицкого, сделанного авторами в начале 1930 г. в ИПЭИ ВСНХ СССР по вопросу о принципах территориального размещения промышленности. По мнению этих авторов основным принципом территориального размещения нашей промышленности является получение наименьших издержек производства. С различного рода социально-политическими задачами они также считаются, но придают им вспомогательное значение. В качестве курьеза надо отметить, что авторы, ничтоже сумняшеся, не только отделяют социальное от экономического, но пытаются социально-экономические задачи в узком смысле этого слова расценивать с точки зрения влияния решения их на издержки производства, рекомендуя проведение лишь таких мероприятий, осуществление которых связано с наименьшими издержками производства в народнохозяйственном смысле. Здесь механистичность и фетишизация доводятся до крайних пределов. Достаточно например указать, что такая социально-политическая задача, как усиление обороноспособности страны, в ряду факторов размещения промышленности у них оказывается на последнем месте.

Нет ничего удивительного, что такое состояние теории этого вопроса в значительной мере отразилось и в практике нашей плановой работы, в частности в пятилетке народного хозяйства на 1928/29—1932/33 гг., составленной Госпланом СССР. Составителями пятилетки специфичность нашей советской системы на данном этапе ее развития в применении к проблеме пространственного размещения производительных сил также не вскрыта. В плане мы встречаемся лишь с совершенно несистематизированными отдельными замечаниями о том, что руководящим принципом нашей хозяйственной политики не может быть голый принцип себестоимости, что мы должны исходить из эффективности наших мероприятий, понимаемой в широком смысле, т. е. социально-экономической и политической эффективности. Но дальше такой самой абстрактной формы выражения этой идеи директивы госплановской пятилетки не идут. самого существенного — каково же конкретное содержание этой эффективности на данном историческом этапе нашей экономики — пятилетка не даст. Правда, пятилетка неоднократно подчеркивает, что она исходит из того основного положения, что наш план является планом развернутого движения к социализму. Но одного признания этой генеральной идеи нашей системы для руководства конкретной хозяйственной деятельностью, в частности для практики пространственного размещения промышленности, недостаточно.

Подытожим сказанное. Поскольку процесс пространственного размещения промышленности является лишь одной из форм проявления процесса воспроизводства вообще, постольку закономерность и условия первого являются закономерностями и условиями второго; зако-

номерности, обуславливающие процесс пространственного размещения, являются лишь более конкретным выражением закономерностей, обуславливающих движение процесса воспроизводства всякой данной социально-экономической системы, будь то капиталистическая, социалистическая или иная. Чтобы познать закономерности или принципы процесса пространственного размещения промышленности, необходимо познать законы, лежащие в основе движения процесса воспроизводства системы в целом. Закономерности, принципы пространственного размещения промышленности (как впрочем принципы всех других сторон хозяйственной деятельности), выведенные не из характера процесса воспроизводства экономической системы, ее специфической сущности, а только из здравого смысла вообще, как это чаще всего встречается, являются совершенно пустыми, бессодержательными абстракциями, достойными представителей вульгарной буржуазной политической экономии.

А поскольку законы процесса воспроизводства для каждой социально-экономической системы различны, постольку закономерности, условия процесса пространственного размещения носят сугубо исторический, отличный для каждой системы, совершенно конкретный характер. Они отличны, как мы видели, не только для различных социально-экономических систем, но и для отдельных этапов внутри данной системы.

Вечные принципы, применимые ко всякой общественно-исторической формации, но не подчеркивающие поэтому специфических особенностей ни одной из них, в виде например пресловутого «максимума благ, при минимуме затрат», являются бессмысленными и потому абсолютно бесплодными.

Процесс воспроизводства данной системы есть не только процесс воспроизводства материально-технических элементов, но и одновременно воспроизводство общественных производственных отношений, характерных для данной системы, т. е. единство социальной формы и содержания. Следовательно изучать законы движения процесса воспроизводства это значит изучать процесс материально-технического воспроизводства в его определенной социально-экономической форме, т. е. в единстве с производственными отношениями, специфический характер которых в наибольшей мере и отличает закономерности процесса воспроизводства одной исторической эпохи от закономерностей другой. Поэтому в высшей степени неправильным, грубо антимарксистским является скатывание при анализе проблем на путь изолирования социальных моментов от материально-технических или, как теперь принято у нас выражаться, от узко «техно-экономических». А этим грешат почти все авторы, изучавшие рассматриваемую нами проблему.

Если это верно в отношении любой социально-экономической формации, то это сугубо верно в отношении нашей переходной системы. У нас не только социальные моменты составляют неразрывное единство с материально-технической стороной процесса, не только имеет место взаимодействие формы и содержания (как во всякой системе), но одно из отличий нашей системы состоит именно в том, что в ней социальной форме принадлежит ведущая роль в отношении к материально-техническому процессу. Отрывать при этих условиях социальное от материального является вдвойне неправильным.

Как мы уже указали, основной характерной чертой нашей системы

является процесс движения к социализму, процесс развертывающихся социалистических отношений. Отсюда генеральный принцип, под углом зрения которого мы должны рассматривать целесообразность всех наших как политических, так и хозяйственных мероприятий, есть принцип всемерного содействия процессу развития социалистических отношений. Поэтому всякое хозяйственное мероприятие, максимально содействующее развитию социализма, для нас является максимально эффективным и обратно. А так как процесс развертывания социалистических отношений не есть процесс, развивающийся автоматически, «самотеком», а есть процесс, проходящий на основе ожесточенной классовой борьбы пролетариата с капиталистическими элементами как внутри, так и вне системы. т. е. процесс, проходящий в противоречивой форме,—конкретные пути, методы обеспечения роста социализма на отдельных исторических этапах этого процесса меняются соответственно меняющимся условиям классовой борьбы, меняющемуся соотношению классовых сил, принимающих участие в этой борьбе.

На нынешнем этапе строительства социализма решающим путем для обеспечения победы социализма является путь максимального форсирования темпов хозяйственного строительства, с тем чтобы примерно в 10-летний срок догнать и перегнать передовые капиталистические страны в техно-экономическом отношении. Отсюда, несколько конкретизируя наш хозяйственный принцип применительно к данному пути, мы должны сказать, что основным, решающим критерием, с точки зрения которого мы обязаны расценивать эффект всех мероприятий нашей хозяйственной политики, и в том числе политики пространственного размещения нашей промышленности, является принцип форсирования темпов роста социалистического хозяйства: все то, что в наибольшей мере способствует развитию темпов роста нашего хозяйства (идет ли речь о техно-экономической форме предприятий, их размерах, или о месте нового промышленного строительства) является максимально эффективным, так как именно через этот путь сегодня обеспечивается строительство социализма в нашей стране.

II.

Из только что сказанного становится очевидной ошибка т. Бухарина, который, как мы видели, утверждал, что сегодня путь развития нашего хозяйства по линии максимальной экономической эффективности есть в то же время путь, обеспечивающий развертывание строительства социализма в нашей стране. В этом положении две ошибки. Первая, решающая состоит в том, как мы отмечали, что не всякое мероприятие, дающее «максимальный хозяйственный эффект», обеспечивает развитие социалистических отношений; таковым может быть и мероприятие, обеспечивающее рост не социализма, а капитализма. Но если бы даже в этом исходном положении т. Бухарин стоял на правильном пути, то и в этом случае утверждение, что развитие строительства по пути максимальной экономической эффективности сегодня обеспечивает рост социализма в нашей стране, было бы неправильным, во всяком случае неточным. Для обеспечения строительства социализма сегодня нужен путь не «максимальной экономической эффективно-

сти», а путь форсированных темпов развития хозяйства. А это — не одно и то же. Нам нужен не максимальный экономический эффект вообще, данный в его совершенно абстрактной форме, а лишь конкретная сторона этого эффекта, именно максимальное форсирование темпов развития хозяйства. Однако, дойдя до данной ступени конкретизации нашей проблемы, мы решаем только ползадачи, стоящей перед нами. Формулированные нами принципы, или критерии размещения, указывают лишь на генеральное направление, с которого во всяком случае не должен сходить проектировщик размещения промышленности. Но они еще не указывают конкретного пути его движения по тем извилистым проселочным дорогам, которые пролегают по основному направлению. Поэтому мы должны пойти дальше и поставить перед собой вопрос: каково более конкретное содержание задачи форсирования темпов хозяйственного развития?

Некоторые указания о направлении, в котором может идти конкретизация, уже даны в директивных указаниях коммунистической партии и в упомянутой речи т. Сталина. Мы должны дать такой разгон темпам развития, чтобы в течение примерно десятилетия догнать передовые капиталистические страны в экономическом и техническом отношении. Это значит, что в течение 10 лет мы по крайней мере должны догнать САСШ как по уровню размеров производства, так и по уровню техники. Вот примерный диапазон роста, который мы должны пройти как минимум в 10 лет.

Если для упрощения анализа отвлечься от сельского хозяйства, то в отношении к промышленности это будет означать достижение примерно к 1940 г. уровня производства промышленности САСШ как по объему, так и по технической основе. В применении отдельных отраслей промышленности это означает, что например по черной металлургии с 12 млн. т годовой выплавки, которые мы будем иметь в конце 1931 г., выплавка чугуна в 1940 г. должна дойти примерно до 50⁰ млн. т как минимум, т. е. дать примерно в 12 раз больше всего нашего довоенного производства чугуна. Само собой разумеется, это может быть достигнуто только при максимальном напряжении всех наших материальных и живых ресурсов и, с другой стороны, только при максимальной степени повышения производительности общественного труда. И здесь перед нами во весь рост встает проблема производительности общественного труда как показатель и мера прогрессивного развития производства. Производительности общественного труда, как известно, Маркс и Ленин с этой стороны придавали огромное значение. Вот например, что говорит о ней Маркс: «Действительное богатство общества и возможность постоянного расширенного процесса его воспроизводства зависят не от продолжительности прибавочного труда, а от его производительности и от большего или меньшего изобилия тех условий, при которых он совершается»⁸.

Тов. Ленин, говоря в одной из своих речей о значении субботников, следующим образом характеризует значение производительного труда: «Производительность труда — это в последнем счете самое важное, самое главное для победы нового общественного строя»⁹. Здесь с чрезвычайной выпуклостью определена та роль, которая отводится т. Лениным производительности труда как орудия победы «нового общест-

⁸ Маркс, Капитал, т. III, ч. 2, изд. 1923 г., с. 357.

⁹ Ленин, Собр. соч., т. XVI, с. 254.

венного строя», тем самым нарочито подчеркивается то значение и то место, которое занимает производительность труда в нашей советской системе, как системе развертывающегося «нового общественного строя». Повышение производительности труда, по мнению т. Ленина, является самым важным и главным орудием, которым мы победим отживающий капиталистический общественный строй. Но характерно, что, оставаясь всегда диалектиком, Ленин не фетишизирует этой роли, не абстрагируется от прочих условий, необходимых «для победы нового общественного строя». Слова «в последнем счете» с несомненностью указывают на то, что решающим орудием для победы нового общественного строя, идущим впереди производительности труда, является не последняя, а нечто другое. Разумеется, в первую очередь этим «другим» является процесс победоносной борьбы пролетариата со своими классовыми врагами за строительство социализма. Это указание Ленина необходимо всегда помнить теоретикам, любящим превращать такого рода вещи, как «развитие производительных сил, повышение производительности общественного труда» и т. д. в абсолютные принципы, за которыми не стоят никакие социально-классовые силы.

Говоря о производительности труда в условиях нашей системы хозяйства, мы разумеется должны говорить о народнохозяйственной, а не о частнохозяйственной производительности труда; в применении к нашей промышленности—не о производительности труда на отдельных предприятиях или даже отдельной отрасли, а о производительности труда в промышленности в целом, так как интересы общественного целого далеко не всегда совпадают с интересами единичных предприятий и даже отраслей. Поэтому и в данном вопросе мы не можем согласиться с трактовкой т. Бухарина, когда он говорит, что «мы далеко не всегда обязаны исходить из соображений непосредственной коммерческой рентабельности»¹⁰. Мы никогда не только не «обязаны», но не в праве, не должны исходить из соображений непосредственной производительности труда только одного или нескольких изолированных предприятий (если даже считать, что выражение «коммерческая рентабельность» есть формально допущенная со стороны т. Бухарина неточность выражения производительности труда). А между тем ориентация на частнохозяйственную производительность труда у нас имела сторонников. Так например тот же вредитель Гинзбург считал возможным пользоваться частнохозяйственной производительностью труда как одним из ориентирующих критериев размещения промышленности. Повышения производительности общественного труда можно достигнуть двояким путем: 1) путем максимального понижения затрат общественного труда (как живого, так и овеществленного), приходящихся на единицу продукта к концу десятилетия, и 2) путем максимального ежегодного роста массы продуктов, производимых обществом в единицу времени, скажем, в год. Как не трудно видеть, дело идет здесь не только о различных формах проявления одной и той же степени производительности общественного труда, но о различных возможных техно-экономических типах развития процесса всего общественного производства и воспроизводства, о различном направлении кривой темпа расширения производства.

Так например мы можем проектировать дальнейшее направление развития нашего хозяйства таким образом, что центр тяжести в значи-

¹⁰ Н. Бухарин, Техника и экономика в плановом хозяйстве, „За индустриализацию“ от 20 марта 1930 г.

тельной мере перенесем на подготовку и освоение таких типов предприятий, такого оборудования и таких благоприятных по производительности естественно-географических условий, которые гарантируют в будущем, со времени пуска их в ход, максимальную производительность занятого в них живого труда. Это будет тип производства, при котором получается продукт с технически возможным в данный момент минимумом затрат труда на него. Но одновременно это будет такой тип, при котором огромная часть общественного живого труда и материальных ресурсов в первый период будет вложена в производство орудий и средств производства, тогда как объем готовой продукции, предназначенной для удовлетворения всех общественных потребностей индивидуального и производительного потребления, в этот период будет оставаться примерно на начальном уровне или лишь медленно повышаться. Лишь к концу десятилетия или во всяком случае во второй половине этого отрезка, когда проектируемые предприятия вступят в работу, кривая объема общественной продукции сделает большой скачок кверху. Но можно планировать и другое направление производственного процесса, когда кривая темпа развития производства, объема продукции будет постепенно, более или менее равномерно, ежегодно повышаться на всем десятилетнем отрезке. При этом типе развития, например по промышленности в целом, мы не будем иметь такой степени механизации процесса производства, не освоен в такой короткий срок наши наиболее выгодные и производительные естественные сырьевые и энергетические ресурсы и поэтому не достигнем такой степени понижения затрат труда на единицу продукта как при первом типе. Но в данном случае мы значительно выигрываем при объекте готовой продукции, получаемой во всяком случае в течение первой части и второй половины десятилетия.

Какой из этих типов развития должен предпочесть проектировщик размещения?

Основная задача — за 10 лет догнать и перегнать передовые капиталистические страны — решается как будто и первым и вторым вариантом. При этом с первого взгляда может показаться первый вариант более подкупающим, так как при нем мы получаем процесс с меньшими затратами труда на единицу продукта. Но эта видимость ошибочна.

Вопрос о том, какой из этих двух типов развития надо предпочесть, опять-таки должен решаться на основе конкретного учета специфических черт нашей системы, характерных для нее на данном конкретном этапе развития. Следовательно, эта проблема также носит сугубо социальный и исторический характер, а не решается на основании каких-нибудь узко материальных или, наоборот, общеабстрактных соображений.

Прежде всего задача завершения сплошной коллективизации и обобществления всего нашего сельскохозяйственного производства в самые ближайшие годы (стоящая перед нами как задача социально-исторической необходимости и вытекающая из генеральной задачи нашей системы — обеспечения строительства социализма в нашей стране) ставит перед нами со всей остротой вопрос о подведении необходимой материально-технической базы для закрепления и дальнейшего развития этого процесса обобществления. Без подведения такой материально-технической базы (в основном выражающейся в тракторизации, механизации сельскохозяйственного производства), необходи-

мой сегодня же и в самые ближайшие годы, социальная реконструкция сельского хозяйства может затормозиться и даже сорваться. А максимально обеспечить техническую базу обобществляющегося сельского хозяйства в кратчайший срок — это дать сегодня же максимум машин, металла, нефти, угля и т. д. Значит, мы не только должны форсировать максимально темпы хозяйственного развития с тем, чтобы через 10 лет оказаться по крайней мере на уровне производства САСШ, но кроме того взять такой тип направления развития, при котором мы получаем максимально возможные объемы производства промышленной продукции в первые же годы предстоящего десятилетия. Этим и решается вопрос о предпочтительном типе направления развития промышленности, на который ориентируется проектировщик размещения предприятий и отраслей ее. Решающий критерий для проектировщика на этой ступени его проектной задачи формулируется в принципе — при данном, всегда ограниченном фонде имеющихся материальных ресурсов и живого труда дать стране максимум продуктов в каждый данный исторический отрезок времени в пределах этого десятилетия. Наиболее целесообразным или эффективным будет то место, которое дает этот максимум продукта. Разумеется, так же решается и вопрос о техно-экономической форме предприятия (размеры предприятия, степень технического совершенства его оборудования и т. д.).

Для людей, мыслящих абстрактно, метафизически, может показаться (и некоторые на это указывают), что принцип — максимум продукции в каждый данный исторический срок — есть принцип технического регресса, но не прогресса в производстве. Обычно указывается, что лозунг — больше продукции на данные фонды — практически значит разводить фонды на массу мелких, трудоемких, весьма технически нерациональных предприятий. В действительности это совершенно не так. Это представление, как обычно бывает в таких случаях, упускает одну «мелочь», а именно наличный фонд рабочей силы, имеющийся в распоряжении общества в каждый исторический данный период.

Чтобы иметь возможность «разводить» материальные фонды в массе мелких трудоемких предприятий, надо иметь соответствующее количество дополнительной рабочей силы. Очевидно за пределы этого количества при всем желании «разводнения» пойти нельзя. Это — первый предел, который для нас на сегодня является и определяющим, поскольку мы уже сейчас вступили в период, характеризующийся ликвидацией безработицы, и стоим перед фактом недостатка ее почти во всех отраслях промышленности. Поэтому говорить сегодня о возможности развития производства на базе примитивной трудоемкой промышленной техники, ожидая на этом основании прироста объема готовой продукции, является по меньшей мере донкихотством.

Есть однако и другой предел разводнению, если исходить из предположения о наличии свободной рабочей силы. Это — понижение производительности труда до такого уровня, когда затраты труда на производство продукта будут выше затрат, необходимых для восстановления рабочей силы. Но мы оставляем в стороне этот общеэкономический предел, поскольку он сегодня в наших условиях никакого практического значения не имеет.

Поэтому задача получения максимума продукции сегодня путем по-

нижения технической структуры предприятий не разрешима. Ориентация на понижение технической структуры предприятий, практически осуществимая только за счет отвлечения рабочей силы от других отраслей или секторов хозяйства, дала бы в конечном счете не увеличение, а сокращение объема продукции. Но из этого не только не следует, что этот путь для нашей системы является неприемлемым вообще, а наоборот вытекает возможность пользоваться и этим путем при соответствующих конкретно-исторических условиях.

И действительно, если мы обратимся к восстановительному периоду нашей экономики, когда рабочая сила у нас в общем и целом была в избытке, а не в недостатке как сейчас, то там определенно можно констатировать, как для получения максимума продукции был своеобразно использован и этот путь. Как известно, огромная часть наших капиталовложений в этот период направлялась не на строительство новых предприятий, обладающих технически более совершенным и естественно более производительным оборудованием, а на ремонт, кое-какое обновление старых предприятий. При отсутствии недостатка в рабочей силе для того времени было наиболее целесообразным для получения максимума готовой продукции при сравнительно небольших материальных фондах на строительство выбирать относительно наиболее трудоемкий, технически несовершенный путь реконструкции промышленности, как и других отраслей хозяйства.

Но самое важное соображение о невозможности для нас сейчас идти в реконструкции промышленности по пути строительства или поддержания мелких, технически отсталых предприятий — это необходимость осваивать передовую капиталистическую технику. Мы должны догнать и перегнать не только экономически, но и технически. Идя по пути хотя бы частичного развития технически отсталых предприятий, этой задачи разумеется мы не разрешим.

Этим только лишний раз подчеркивается ранее отмеченное нами методологическое требование о необходимости рассматривать всякое явление социальной жизни в его специфических, конкретно-исторических условиях. Другими словами даже такой вопрос, как выбор направления технической структуры производства, что у нас принято называть вопросом технической политики, носит сугубо исторический характер.

Чтобы еще в большей мере оттенить социально-исторический характер проблемы выбора того или иного типа направления развития производства, необходимо заметить, что например для периода развернутого социалистического общества, когда основные противоречия, с которыми приходится нашей системе сегодня иметь еще дело (борьба с капиталистическими элементами внутри системы и наличие резко враждебного внешнекапиталистического окружения), будут в основном разрешены, и когда производительные силы социалистического общества будут развиты неизмеримо больше, чем сейчас, и когда следовательно личные потребности трудящихся будут удовлетворяться неизмеримо полнее, — решающим типом направления развития будет уже не первый, а второй тип, т. е. тот тип, при котором общество на производство единицы продукта тратит минимум живого труда. Проблема тем по в расширенного воспроизводства тогда потеряет свою социально-историческую остроту, что характерно для нее сегодня. Вот тогда, на этом этапе нашего развития, мы вправе будем вслед за

т. Бухариным сказать, что направление движения процесса материального труда по линии максимальной производительности единицы этого труда в основном совпадает с движением этого труда по линии роста, углубления социалистических отношений. Но этого никак нельзя сказать про переживаемый нами этап развития, как это представляется т. Бухарину.

Если бы мы вздумали дать характеристику трем историческим этапам развития (восстановительному периоду, периоду социально-технической реконструкции и развернутому социалистическому обществу) со стороны основных особенностей технической политики этих этапов, то в самых грубых чертах можно было бы эти особенности формулировать следующим образом.

Политика первого периода в основном характеризовалась принципом — максимум продукции при минимуме затрат материальных фондов на единицу продукта. Здесь акцент лежит на сбережении материальных ресурсов. Недостаток рабочих рук не имеет значения для данного периода. На втором периоде на сцену выступает как один из решающих моментов необходимость всемерной экономии живой рабочей силы. Но одновременно сохраняет еще свое огромное значение и максимальная экономия в материальных фондах. Поэтому принципом технической политики этого периода является максимум продукции при минимуме затрат материальных фондов и живого труда на единицу продукта. И наконец в третий период решающим для техники принципом выступает экономия живого труда, максимум продукции при минимуме затрат живого труда на единицу продукта. Экономия материальных фондов теряет свое значение, уступая место экономии живого труда. Процесс диалектического развития и нарастания новых для каждого этапа качеств здесь выступает достаточно ярко.

Следующей практической задачей проектировщика является вопрос о том, какое место из тех, которые дают одинаковое решение задачи получения в данный срок и при затрате данных фондов максимума продукции, является наиболее целесообразным. Вот здесь мы считаем, что на сцену должен явиться критерий издержек производства на единицу продукта. Из нескольких вариантов, дающих одинаковое количество продукции в данный срок, наиболее целесообразным будет тот, который дает эту продукцию с наименьшими издержками, или с наименьшими затратами труда в расчете на единицу продукции. Говоря об экономии трудозыс затрат на единицу продукта, мы однако должны оговориться, что имеем в виду не экономию, непосредственно получаемую с данного предприятия или по данной отрасли, а экономию, получаемую народным хозяйством как целым. Мы обязаны и фактически в больших размерах осуществляем такие предприятия на данном месте, издержки производства на котором выше чем в других местах, но которое дает возможность сочетать данное предприятие с другими отраслями или предприятиями, выгоды которых значительно перекрывают перерасход в затратах по первому предприятию. Строящиеся нами промышленные комбинаты дают целый ряд примеров этого рода строительства. В частности по Кемеровскому комбинату таким примером можно считать строительство цинко-свинцового завода, производство которого вызывает излишние затраты на перевозку цинковых концентратов с рудных месторождений, но комбинирование его с азотно-туковой

промышленностью и дешевой электроэнергией перекрывает этот перерасход.

Вторая оговорка, связанная с этим же вопросом, сводится к тому, что под издержками производства нами всюду понимаются общественные трудовые издержки, а не суммы денежных расходов предприятий на материалы и рабочую силу,— причем расходы не только по производству, но и по доставке продукта до места потребления.

При анализе круга методологических вопросов, возникающих в связи с разрешением проблемы размещения промышленности, встает весьма существенный вопрос о том месте, которое занимают в этой проблеме специфические культурно-политические задачи, органически вытекающие из природы нашей системы, как то: уничтожение противоречия между городом и деревней, хозяйственный и культурный подъем отсталых национальных районов и т. д. Это особенно необходимо потому, что в данном вопросе господствует не меньшая путаница, чем в других вопросах размещения как в теории, так и в практике планирования.

Не подлежит никакому сомнению, что, решая любой вопрос размещения промышленности, проектировщик обязан учитывать всю эту совокупность культурно-политических задач, найти им определенное пространственное выражение. Мы считаем, что решение этих задач должно идти по линии определения, установления того места, которое они занимают в процессе воспроизводства нашей системы на данном этапе ее развития. Ответить на этот вопрос — значит решить задачу о том, какое место с точки зрения генеральной задачи сегодняшнего дня — догнать и перегнать в кратчайший исторический срок — занимают эти задачи.

Для нас представляется совершенно несомненным, что первая генеральная задача составляет жизненную основу, решающее условие существования самой системы. Срыв на этом участке ведет к гибели всей системы. Поэтому она является важнейшей и первоочередной, в то время как указанные культурно-политические задачи в этом смысле являются второстепенными, третьестепенными условиями сохранения системы. Задачу индустриализации отсталых национальных районов, уничтожения противоречия между городом и деревней и т. д. мы будем практически ставить и разрешать лишь на основе и в меру разрешения нашей основной задачи развертывания социалистических отношений в стране, т. е. на основе практического разрешения задачи «догнать и перегнать». В высшей степени неправильно, механистично при проектировании размещения эти задачи ставить на одну плоскость с генеральной задачей и с этого одинакового уровня подходить к разрешению их. А между тем и наши теоретики и практики сплошь и рядом склонны решать эти вопросы именно в этом смысле. Так например, составители госплановской пятилетки, на которую мы указывали, бурный рост индустриализации среднеазиатских и закавказских республик объясняют необходимостью «вовлечь в сферу социалистического строительства пробуждающуюся от рабства женщину» и необходимостью создания «баз новых пролетарских кадров»¹¹.

У нас например довольно часто в качестве важнейшего решающего

¹¹ „Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР“, изд. 3-е, том II, ч. 1, с. 92.

аргумента за необходимость развития промышленности в данном районе приводится мотив благоприятствования разрешению национальной политики, независимо от наличия других условий.

Наиболее правильным для решения этого вопроса нам представляется следующий путь.

Для обеспечения дальнейшего роста социализма в нашей стране необходимо максимальное убыстрение темпов хозяйственного развития. Это—центральная исходная позиция, от которой проектировщик не может отходить ни при каких условиях. Сегодня практически эта задача может разрешиться только путем выбора таких районов и мест производства, которые дают максимум продукта при данных фондах в единицу времени. Промышленность должна развиваться в тех районах и местах, где она обеспечивает этот максимум, независимо от того, будут ли эти районы национально-отсталыми или старинными культурно-промышленными центрами. В пределах районов, обеспечивающих эти условия, предпочтение отдается тем конкретным пунктам, которые дают данное количество продукции в данный срок при минимальных затратах овеществленного и живого труда на единицу продукта. Экономия на этих издержках для нас также является решающим критерием в пределах очерченных задач, так как благодаря этой экономии мы увеличиваем наши наличные производственные фонды и использованием их ускоряем процесс нашего хозяйственного развития.

И наконец — последний этап работы проектировщика, на котором он уже обязан считаться с этими культурно-политическими задачами и найти им пространственное выражение, в пределах одинаковых затрат труда на единицу продукта, даваемых разными районами, безусловно отдавать предпочтение районам, обеспечивающим осуществление данных задач.

При этом само собой разумеется, что равенство или одинаковость затрат труда на единицу продукта не нужно понимать буквально. Если например проектируется какое-нибудь предприятие в национально-отсталом районе и оно, удовлетворяя основным условиям, уступает своему конкуренту, располагаемому не в национально-отсталом районе, лишь в незначительной разнице в издержках производства на единицу продукта, экономия на которой не сделает все равно «погоды», было бы нецелесообразно отдавать предпочтение второму району только на этом скорее формальном основании.

Из такой оценки указанных культурно-исторических задач отнюдь не следует, что например культурная и экономическая помощь и подтягивание отсталых слоев трудящихся национальных районов по линии остальных областей социально-экономической политики пролетарского государства должна проводиться на основе такой же оценки значения этих районов. Как раз наоборот, именно поэтому помощь и политика выравнивания отставших национальностей должна в усиленной мере осуществляться всеми другими средствами системы культурных и экономических мероприятий государства, в частности и в особенности в форме максимального содействия процессам обобществления сельского хозяйства этих районов, дотаций на народное образование и т. д.

М. ЛЮЛИНЕЦКИЙ

ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЕ СИЛЫ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ ПРИ ИМПЕРИАЛИЗМЕ

Империализм с наглядностью на каждом шагу подтверждает, что капиталистические общественные отношения являются тормозом и оковами для развития производительных сил.

В законе всеобщего капиталистического накопления Маркс вскрыл противоречие при капитализме между ростом производительности труда и все растущей нищетой масс. Огромные богатства все более накапливаются и собираются в руках кучки буржуазии, в то время как рабочий класс, создатель этих богатств, подвергается все большему гнету и разорению. Маркс показал, как наряду с угнетением пролетариата растет его организованность и сплоченность, как капиталистический строй подготавливает условия своей собственной гибели и торжество социализма.

С особой яркостью экрываются общественные противоречия при империализме.

Известно, что капиталистическая система (с возникновением промышленного капитализма) развивается периодически проявляемыми кризисами.

Маркс показал, что основой кризиса являются противоречия между общественным характером производства и частным характером присвоения. Это неизбежно приводит к противоречию между производством и потреблением, к диспропорции в развитии отдельных отраслей производства, что находит свое разрешение в кризисах. Кризисы возникают вследствие того, что при капитализме производительные силы имеют тенденцию к безграничному росту, в то время как потребление народных масс ограничено их платежеспособностью.

Кризис независимо от огромного вреда, который он приносит хозяйству страны, приводя его к временному падению производительных сил и бездействию тысяч предприятий, резкому снижению материального уровня трудящихся и огромной безработице, объективно играет в домонополистическом капитализме в известной мере прогрессивную роль. Кризис способствует расширенному воспроизводству, он способствует обновлению основного капитала, дальнейшей его концентрации и централизации, снижению себестоимости для приспособления к низким ценам. Естественно, что расширенное воспроизводство приводит к расширенному воспроизводству общественных отношений. Капиталистическая система после каждого кризиса знает все большее обострение классовых противоречий. Характерно, что кризисы домонополистического капитализма (а о них пока и идет речь), а также довоенные кризисы отличались тем, что с каждым кризисом возрастала повышательная волна, если взять основные товары в их натуральном выражении, т. е. уровень производства все возрастал.

Послевоенный капитализм характеризуется чрезвычайной затяжностью периода депрессии и деформацией цикла. Это особенно проявляется в современном экономическом кризисе, который развивается на базе общего кризиса капитализма. К его рассмотрению мы перейдем позже, а сейчас займемся анализом общественных отношений и производительных сил послевоенного капитализма, который характеризуется замедлением темпа развития.

Всеобщий кризис капитализма начался как особая фаза империализма в годы войны и качественно оформился с победой пролетарской революции в СССР.

Замедление темпа капиталистического развития сильно озадачивает буржуазных экономистов. Одни стараются это отрицать, а другие, признавая факт, пытаются извратить его или найти ему весьма сомнительное оправдание.

Остановимся здесь на Прокоповиче и Зомбарте. Прокопович, признавая факт замедления темпа развития, пытается доказать, что это не связано с войной, не связано с общественными отношениями, он объясняет это мальтузианскими соображениями. Ведь нужно же оправдать капитализм.

«Итак,— пишет Прокопович,— тот экономический кризис, который переживает в настоящее время западная и центральная Европа, вызван вовсе не мировой войной. Уже с конца 1890 г. страны старой европейской культуры вступили в полосу народнохозяйственной депрессии и застоя — не только Англия, но и Франция и даже Германия. Оправдались пессимистические предсказания Мальтуса, Рикардо, Милля, что истощение природных богатств и убывающая производительность последовательных затрат труда и капитала в сельском хозяйстве должны привести в конце концов, несмотря на весь рост технических знаний и национального капитала, к остановке роста национального дохода и затем его падению»¹.

Старая, давно обанкротившаяся «теория» убывающей производительности труда пускается в ход для оправдания капитализма. Такую же установку на оправдание капитализма проводит в своих работах и Зомбарт.

«Весь прогресс эпохи развитого капитализма был возможен только потому, что в течение прошлого столетия мы присутствовали при небывалом и никогда неповторимом росте производительности труда в сельском хозяйстве» (подчеркнуто мной — М. Л.). Необходимые предпосылки этого явления Зомбарт видит, во-первых, в хищническом способе ведения хозяйства во вне-европейских странах, и во-вторых, в эксплуатации аграрных народов. «Эти условия, на которых базировалось необычайное увеличение производительности сельского хозяйства, ныне отпадают».

То же самое Зомбарт предсказывает обрабатывающей промышленности, производительности труда коей в основном определяется добычей промышленности, а там, пишет Зомбарт, «условия добычи становятся все менее благоприятными и издержки производства увеличиваются, не взирая ни на какой технический прогресс».

Не столько в общественных условиях видит Зомбарт причину замедления темпа, сколько в естественных условиях. Ему и невдомек.

¹ „Народный доход западноевропейских стран“.

что социалистическая система хозяйства дает неизмеримо более высокую производительность труда благодаря новым, принципиально отличным общественным отношениям и плановой разработке естественных богатств. Это блестяще подтверждает опыт социалистического строительства у нас, это было предвидено Энгельсом задолго до пролетарской революции: «Освобождение средств производства от капиталистических оков является единственным предварительным условием безграничного, все ускоряющегося прогрессивного развития производительных сил, а следовательно на практике и условием безграничного возрастания самого производства». («Анти-Дюринг».)

Для Зомбарта XIX в.—эпоха «неповторимого роста производительности труда». Он признает, что страны старого капитализма страдают хроническим застоєм в отношении сбыта своих товаров и что самое важное — «темп их промышленной экспансии замедлился».

Постараемся проследить, как влияют общественные отношения на развитие производительных сил при империализме, в период «нормальный», когда наблюдается даже относительный подъем и капиталистическое хозяйство не подвергается ударам кризиса и развивается в условиях конкурентной борьбы, осложненной в условиях монополий.

Если мы возьмем применение электрической энергии в капиталистических странах, то не говоря уже о какой-либо планомерно проводимой электрификации, о чем не может быть и речи при капитализме, но само использование и развитие электрификации должно быть признано чрезвычайно жалким, если учесть те огромные материальные и технические возможности, которые имеются в капиталистических странах. Это вынужден был признать в свое время и Ратенау, директор Всеобщей электрической компании, виднейший деятель военной и послевоенной Германии. Даже ему бросались в глаза те общественные противоречия, которые не дают возможности широкого использования электроэнергии. Здесь сказывается анархичность капиталистического общества с его конкурентной борьбой, нежелание попасть в зависимость от магнатов энергопромышленности, боязнь такой мощной концентрации электроэнергии с точки зрения классовой борьбы (паралич наиболее жизненных хозяйственных и энергетических центров). Только этим можно объяснить, что несмотря на крупнейшие технические завоевания в этой области (передача электроэнергии высокого напряжения на дальние расстояния) электрификация получила сравнительно слабое развитие в капиталистических странах.

Очень показательным в этом отношении то, что внесенный в Голландии законопроект об электрификации был отклонен по тем соображениям, что такая концентрация облегчила бы устройство больших стачек. По тем же причинам отклонен был законопроект об электрификации «демократическим» парламентом послевоенной Германии².

Ярким примером в этом отношении может служить и практика царской России. Проект Днепростроя (Александрова) и Волховстроя (Графтио) известны были до революции. Однако только советская власть могла осуществить эти проекты, их значительно изменив и расширив. Общественные отношения капиталистической России, конкуренция угольной и лесной промышленности, интересы капитали-

² Степанов, Электрификация СССР.

стического транспорта и т. д. оттеснили интересы народного хозяйства на задний план. Проекты благополучно лежали под спудом в министерстве торговли и промышленности.

Так во всех отраслях капиталистического хозяйства мы наблюдаем очень слабое использование электроустановок благодаря господствующим там общественным отношениям. Этот факт следовало бы особенно учесть тем советским экономистам, которые исходят в своих методологических установках из теории энергетического баланса и абстрагируются часто от общественных отношений.

В самом деле мы уже в этом году при мощности наших электроустановок в три раза меньшей, чем в Англии дадим стране почти такой же электробаланс как Англия.

Возьмем промышленность. Разве там используется производственный аппарат с предельной нагрузкой даже в период подъема? Если при кризисах загрузка аппарата падает до 30—50% и меньше, то в период подъема нагрузка предприятий редко превышает 60—80%, да и то при 1-2-сменной системе работы. Послевоенный капитализм характеризуется значительными структурными изменениями в промышленности. Сильно изменился удельный вес отдельных отраслей промышленности. Одни производства с преобладанием ручного труда совершенно прекратили свое существование, другие значительно сократились и частью реконструировались, появились и выросли новые производства, занявшие ответственнойшее место в экономике капиталистических стран (автопромышленность, авиапромышленность, химическая промышленность, искусственный шелк и т. д.).

При огромной недогрузке предприятий и бешеной конкуренции очень значительно увеличивается удельный вес военной индустрии, которая и в период кризиса не испытывает недостатка в военных заказах. Доля продукции военной индустрии вместе с обслуживающими ее предприятиями в общей продукции страны в послевоенные годы непрерывно возрастает, поднимаясь для отдельных стран до 20% и более.

С повышением органического строения капитала, значительно выросла так называемая структурная безработица.

Повышение органического состава капитала в промышленности с особой наглядностью подтвердили слова Маркса: «Рабочее население», производя накопление капитала, тем самым в возрастающих размерах само производит средства, которые делают его относительно избыточным»³.

Относительное и абсолютное сокращение числа рабочих на отдельных предприятиях и даже отраслях производства свойственно было и домонополистическому капитализму, однако, оно не принимало таких размеров, никогда оно не сопровождалось такими последствиями для рабочего класса, никогда не было такого бешеного наступления буржуазии, как особенно теперь, когда капитал, централизованный в монополиях, опираясь на госаппарат, на банды фашистов и социал-предателей, буквально душит рабочий класс. Сотни тысяч рабочих, а сейчас миллионы, выброшены были из промышленности благодаря «рационализации» и техническим достижениям.

³ „Капитал“, т. I, с. 623.

Чем же вызвана так называемая структурная безработица?

О характере этой безработицы будет изложено несколько ниже, а сейчас остановимся на причинах, ее вызывающих.

Прежде всего нужно оговориться, что «структурная» или «технологическая» безработица — термин не наш. Он был введен в употребление буржуазными и социал-демократическими экономистами для оправдания капитализма. Безработица современная, мол, зависит не от господствующих капиталистических общественных отношений, а от технических и технологических изменений, происшедших на предприятиях.

Во всеобщем законе капиталистического накопления Маркс неоднократно развивает выставленное им положение, что «рабочее население, производя накопление капитала, тем самым в возрастающих размерах само производит средства, которые делают его относительно избыточным населением».

Это избыточное население свойственно капитализму на всех стадиях его развития, но в период послевоенного капитализма оно выступает с небывалой силой (несмотря на 10 млн. убитых в империалистической войне).

В домонополистическом капитализме благодаря росту производительности труда постоянное отталкивание рабочих не компенсируется их вовлечением в производство, создавая тем самым резервную армию труда — неизбежное условие и следствие капиталистического способа производства. В период подъема эта резервная армия значительно рассасывалась, а иногда и полностью исчерпывала себя на некоторый период времени в отдельных районах и областях.

В современном капитализме даже в период подъема резервная армия почти не рассасывается; безработица носит застойный характер в период подъема и сильно возрастает при кризисе.

Какие же причины вызывают эту массовую безработицу?

Прежде всего важно подчеркнуть замедление темпа капиталистического развития. Если до войны это особенно ярко проявлялось в Англии и во Франции, где национальный доход на душу населения стабилен с 1903 по 1913 г. (для Англии — 206 долл., Франции — 160 долл.), то после войны это можно проследить на крупнейших империалистических странах (САСШ, Германия). Это сказалось в САСШ в заметном понижении коэффициента естественного прироста населения (1,5 млн. в год вместо 1,8 млн. в прошлом) при резком сокращении иммиграции (с 670 тыс. до 300 тыс. в год). Замедление темпа экономического развития сказалось также на замедлении прироста населения в Европе.

Капиталистическая рационализация, проводимая за счет рабочего класса, приводит к увеличению производительности труда, росту продукции, что при ограниченности внутренних рынков и все возрастающей конкуренции на внешних рынках имеет неизбежным следствием сокращение числа работающих.

При неравномерности капиталистического развития, при огромной концентрации и централизации капитала мы наблюдаем сильное развитие одних отраслей за счет отставания других.

В современных капиталистических странах произошли несомненно значительные структурные изменения. Повзрослел органический состав капитала, исчезли некоторые производства и занятия, вытеснен-

ные крупной индустрией. Так например в САСШ числилось около 6 тыс. кузнецов и каретников по переписи 1900 г.; но в переписи 1925 г. мы их уже не находим. Некоторые производства значительно сократились, другие из старых отраслей сильно изменили свой процесс производства, изменили качество и количество выпускаемой продукции. В тех же САСШ в 1900 г. числилось 28 тыс. предприятий по пошивке мужской одежды, где работала 191 тыс. рабочих, выпускающая продукцию на 415 млн. долл. В 1925 г. 4 тыс. предприятий по пошивке одежды при 174 тыс. рабочих выпускали продукцию свыше чем на 1 млрд. долл. Переход от ручного производства к механическому характерен для подавляющего числа производств.

Но что особенно важно — появились и выросли новые производства за последние 25 лет в САСШ, как и в других странах. Некоторые из этих производств появились впервые, другие существовали ранее, но теперь завоевали себе лишь первенствующее значение в капиталистической экономике.

Непомерно низкие цены на сельскохозяйственные продукты разоряют десятки миллионов крестьянских хозяйств.

Для уменьшения растущих запасов сельскохозяйственных продуктов буржуазные правительства принимают меры к уничтожению части запасов, сокращению посевных площадей.

Правительство САСШ например предложило в этом году фермерам сократить посезонную площадь на 15%. Капиталисты думают путем голода и неурожая добиться повышения цен на сельскохозяйственные продукты и тем найти выход из кризиса. Однако неурожай в ряде штатов Америки породит ужасающий голод среди фермеров, но не ослабил, а обострил кризис.

К десяткам тысячам фермеров, вымирающих в Америке, Канаде, нужно прибавить миллионы крестьян, вымирающих в Китае, Индии и других колониальных странах.

По сведениям международной комиссии помощи голодающим в одной только китайской провинции Гасьсу за последние два года умерло от голода 4 млн. человек и 400 тыс. было продано в рабство.

Только в советском Китае, занимающем уже более $\frac{1}{3}$ китайской земли, благодаря конфискации земли у помещиков и распределению ее по числу едоков с учетом наличия рабочей силы между беднотой и середняками, благодаря уничтожению арендных платежей, росту щических долгов и уменьшению налогового бремени нет этого вымирания от голода и жизнь значительно дешевле чем в других районах Китая.

Экономическая политика советской власти вполне оценена беднейшим крестьянством, которое помогает и пополняет Красную армию Китая, насчитывающую уже около 200 тыс. чел.

Чудовищная нужда и эксплуатация толкает многомиллионное крестьянство Индии на борьбу со своими и английскими угнетателями. Крестьянские восстания выливаются иногда в форменные сражения с правительственными войсками. Крестьянские выступления усиливаются благодаря аграрному кризису и в других колониальных странах.

Автомобильная промышленность, занимающая в САСШ 400 тыс. рабочих с продукцией более 4 млрд. долл., одна из мощнейших по удельному весу отраслей промышленности, совершенно отсутствовала в переписи 1900 г.

То же относится к авиационной и телефонной промышленности. Хи-

мическая промышленность заняла новое положение в экономике страны: при 38 тыс. рабочих она дает продукцию на 6,5 млрд. долл.

Подобные структурные изменения, хотя и в меньшей степени, чем в САСШ, можно проследить во всех империалистических странах.

Однако было бы глубоко ошибочным видеть причину современной безработицы исключительно в этих структурных изменениях.

Только рассматривая общественные противоречия в их совокупности и в их диалектической связи, можно объяснить причины и характер современной безработицы.

Буржуазные же экономисты, как было изложено выше, пытаются из апологетических соображений ограничиться при объяснении ссылкой на структурные изменения, отсюда — «структурная» безработица.

По мере проникновения капитализма в сельское хозяйство уменьшается абсолютное количество потребной рабочей силы. На это Маркс указывал. Резкое расслоение крестьянства наряду с абсолютным сокращением сельскохозяйственного пролетариата можно наблюдать в странах с высоко развитым капиталистическим сельским хозяйством (Канада, САСШ).

В сельском хозяйстве еще с большей силой сказываются противоречия между общественными отношениями и производительными силами. Сельское хозяйство аграрных стран переживает сильнейший упадок, переросший в тяжелый и затяжной кризис. «Противоположность между городом и деревней в рамках частной собственности» все более вырастает.

Частная собственность на землю все более приводит к раздробленности мелко фермерского и крестьянского хозяйства, делает его убыточным и тем разоряет миллионы тружеников сельского хозяйства. Сельскохозяйственные машины используются недостаточно производительно мелким хозяйством, и сложные сельскохозяйственные машины недоступны даже подавляющей массе зажиточных крестьян⁴. Только существующими там общественными отношениями можно объяснить, что в САСШ за 10 лет посевная площадь увеличилась на 4 млн. га, т. е. в 2½ раза меньше, чем у нас за один прошлый год, тогда как прирост 20 млн. НР в сельском хозяйстве мог бы там удвоить посевную площадь. Эффективность использования трактора у нас в 5 раз выше, чем в Америке, но даже малоэффективный трактор там недоступен для ⅔ фермеров.

Экономическая политика еще довершает упадок фермерского и крестьянского хозяйства. Огромные налоги (как следствие империалистической политики) высасывают от ⅓ до ⅔ дохода фермера. Банки, железные дороги, биржи высасывают также не мало, в результате фермеру остаются за его труд жалкие крохи. Он влезает в неплатные долги. Общая задолженность фермеров в САСШ превышает 10 млрд. С 1930 г. разорились и ушли в города более 4 млн. фермеров. Зато растут рента и арендные платежи: паразитарные элементы — землевладельцы — увеличивают свое и без того огромное производительное потребление.

Анархия капиталистического производства чрезмерно увеличивает потребность в транспорте, вызывая много нерациональных перевозок (повторные, встречные, излишне дальние). Конечно не последнюю роль здесь играет нерациональное размещение производитель-

⁴ Сведения взяты из доклада т. Яковлева.

ных сил. Ведь фабрики и заводы в капиталистических странах возникают без правильного учета источников сырья, топлива, рабочей силы и т. д. Только такой анархичностью можно объяснить колоссальнейшие капитальные вложения, которые определяются для всех видов транспорта капиталистического мира более чем в 100 млрд. долл. Более $\frac{1}{10}$ всех капитальных вложений капитализма приходится на транспорт, который при плановом хозяйстве мог бы обслужить в 3 раза больше, чем сейчас обслуживает.

Хотя мы имеем основание быть недовольными невыполнением показателей нашего железнодорожного транспорта, но нужно знать, что мы по ряду показателей превосходим САСШ, как превосходим Америку и по густоте движения на 1 км пути (1 740 тоннокилометров против 1 640 тоннокилометром в САСШ в 1930 г.), и хотя по обслуживанию населения уступаем ей в 6,7 раза, а по территории — в 14,8 раза, мы при проведении всех мероприятий, связанных с реконструкцией транспорта, к 1937 г. перегоним Америку по грузообороту страны.

Как известно, транспорт широко используется как источник образования монополий. Так «Стандарт Ойл» возник благодаря незаконным скидкам, полученным путем соглашения с железной дорогой, проходящей через район добывания нефти. Стальной трест возник, пользуясь льготным тарифом на Пенсильванской железной дороге.

К тому же эти пути сообщения, а особенно железные дороги являются важным фактором в политике империалистических государств и играют выдающуюся роль в современных войнах. Этим и объясняется то, что наряду с поощрением новых видов транспорта (авио, авто) буржуазные государства охраняют интересы железных дорог.

Последние годы характеризуются значительно замедленным темпом железнодорожного строительства, это особенно относится к странам с мощно развитой сетью железных дорог.

В строительстве новых железнодорожных линий видную роль играют стратегические дороги. Достаточно вспомнить о недавно предоставленном Францией миллиардном займе Польше для строительства стратегических путей сообщения.

Весьма характерным для капиталистических общественных отношений является незначительный переход железных дорог на электроотягу. Здесь, как и в промышленности, сдерживающим образом влияет частная собственность, старые капитальные вложения в железные дороги и борьба монополий. Старые капитальные вложения оказывают сдерживающее влияние вместе со всей совокупностью капиталистических отношений и на развитие других видов транспорта.

Правда водный, автомобильный, и особенно авиационный транспорт империалистических стран находятся под неослабным наблюдением своих правительств, которые рассматривают эти виды транспорта как скрытый резерв вооруженных сил страны и всемерно благоприятствуют их развитию.

Версия, о естественном разделении труда между железнодорожным и водным транспортом давно забыта под влиянием ожесточенной конкуренции.

Правительства, рассматривая коммерческий флот как скрытый резерв военного флота, приспособляют его заранее к этой цели. Новое судостроительство, широко поощряемое правительствами, учиты-

вает при конструкции судна число необходимых орудий, их расстановку, маскировку и т. д.

Эти цели правительства в отношении развития торгового флота очень ярко выражены американским президентом Гувером: «Торговый флот нам необходим для внешней торговли и нашей обороны». Достаточно ясно, о какой «обороне» здесь идет речь.

Общеизвестна роль автотранспорта в деле моторизации современных империалистических армий. Отсюда значительное покровительство, которое оказывают буржуазные правительства развитию автопромышленности и автотранспорту.

При империализме авиация, как ни один вид транспорта порождена войной и с ней связана. Этим объясняются огромнейшие субсидии и преимущества, которые оказывают буржуазные правительства развитию авиапромышленности и авиатранспорту.

Развитие гражданской авиации благодаря государственным субсидиям сделало большие успехи в последние годы. Вместе с тем сильно обострилось соперничество за автотранспорт между крупнейшими империалистическими державами (Англия и САСШ, Франция и Италия).

Однако, несмотря на ряд преимуществ авиатранспорта перед другими видами транспорта, он до сих пор является очень дефицитным (субсидии в отдельных странах в 7 раз превосходят собственную выручку гражданской авиации. Для того чтобы эксплуатация авиатранспорта оказалась выгодной, авиалиния должна иметь не менее 1 000 км и совпадать с важнейшими путями мировой торговли.

Авиатранспорт для этого должен стать мировым средством сообщения, но этому-то и препятствуют капиталистические отношения.

Границы враждующих и конкурирующих друг с другом капиталистических стран являются непреодолимым препятствием для превращения авиатранспорта в мощное международное средство сообщения. Не помогают этому и отдельные соглашения между капиталистическими правительствами, так как при малейшем политическом осложнении, не говоря уже о войне, авиалинии обречены на бездействие.

Мы видим, что, несмотря на покровительство правительств развитию новых видов транспорта (авиа, авто), капиталистические отношения ставят им довольно узкие пределы развития.

Мировой экономический кризис, сократив почти наполовину объем производства, сильнее всего ударил и по транспорту.

Сильно обострилась конкуренция на транспорте, испытывающем большую недогрузку в работе.

Безработица среди транспортного пролетариата насчитывает более 2 млн. чел. Транспорт является сейчас одним из отраслей хозяйства, наиболее пораженной всеобщим кризисом капитализма.

Только социалистические отношения сделают более целесообразным использование разных видов транспорта и откроют более широкую дорогу росту авиации, автотранспорта, электротяги и специальных видов транспорта (электропровод, газопровод, нефтепровод), которым капитализм чинит огромные препятствия в их развитии.

Если для капитализма становится все более невозможным эффективное использование средств производства, то особенно хищнически он истребляет рабочую силу, эту важнейшую производительную силу.

Мы коротко ознакомимся с капиталистической рационализацией. Ясно, что это — рационализация в условном смысле слова, ибо под действительной рационализацией мы понимаем плановое и целесообразное использование всех средств производства, чего нет и быть не может при капитализме. Там, наряду с хищническим истреблением природных богатств (уничтожение лесов и т. д.), чрезмерным расточительством в торговле, делают попытки к рационализации на отдельных предприятиях, где наряду с борьбой с потерями, лучшим использованием оборудования (слабые попытки, как мы видим) и других средств производства ведется варварская эксплуатация рабочей силы.

Не следует забывать, что капиталистическая рационализация происходит при глубочайшем кризисе капиталистической системы, при все возрастающем в своей производственной мощи аппарате (хотя не мало патентов скупаются, чтобы не быть использованными), при неуклонно сокращающемся рынке ввиду падения покупательной способности масс.

Колоссальный рост производительности труда сопровождается небывалой физической и нервной напряженностью для рабочего, и это быстро изнашивает его организм. Маркс говорил, «что привилегированный класс получает от жизни ассигновку вдвое большую рабочего». Сейчас жизнь рабочего еще более сокращена. Он теряет свою работоспособность у конвейера в 5-6 лет, а в 35 лет — фактически это инвалид.

Безработица все более превращается в хроническую, она почти не рассасывается и в период подъема. Число рабочих в основных отраслях хозяйства (промышленность, транспорт) абсолютно сокращается. Число безработных и частично безработных с их семьями составляет более 180 млн. чел., т. е. $\frac{1}{10}$ всего человечества. На 1 мая 1930 г. по официальной буржуазной статистике числилось 11 млн. безработных, в этом году по данным той же статистики это число удвоилось (22 млн.).

На самом деле мы имели на 1 января 1931 г. около 40 млн. безработных (без частично безработных), к весне это число несколько сократилось ввиду начала строительных работ, но уже с мая число безработных снова возрастает, значительно превысив январскую цифру (40 млн.).

В Германии на 1 апреля 1931 г. число официальных (зарегистрированных) безработных составляло 4 736 тыс. против 3 041 тыс. в апреле 1930 г. По данным Центрального бюро реформистских профсоюзов на 100 членов профсоюзов приходится 34 безработных и 18,5 частично безработных, так что более или менее постоянную работу имеют около половины членов профсоюзов. Однако эти данные скрывают действительное положение безработицы в Германии, где на самом деле 9 млн. безработных и полубезработных.

Таким образом около 20 млн. (с семьями) трудящихся Германии страдает от безработицы.

В Англии на 15 апреля 1931 г. по официальным данным насчитывалось 2,5 млн. зарегистрированных безработных против 1,6 млн. в прошлом году. Однако в Англии кроме того имеется более 2 млн. частично безработных, так что и там около 10 млн. трудящихся непосредственно поражены безработицей. В САСШ по официальным

данным в апреле 1931 г. числилось 7 млн. безработных, но это количество явно преуменьшено. Сенатор Лафоллет недавно заявил, что в САСШ насчитывается 6 млн. безработных и 5 млн. частично безработных. Однако к этим 11 млн. нужно еще прибавить 4 млн. безработных сельскохозяйственных рабочих. В САСШ таким образом $\frac{1}{2}$ трудящихся охвачены безработицей.

Даже Франция, не знавшая до осени 1930 г. безработицы, насчитывает сейчас более 0,5 млн. безработных. Сильно возросла безработица в этом году в Бельгии, Италии, Польше, Чехо-Словакии, Австрии и Румынии.

Рост безработицы, нужды и голода способствует росту самоубийств. По данным Лиги наций за 1930 г. в одной Европе было около 50 тыс. самоубийств, — неслыханное ранее количество.

Наряду с ростом безработицы продолжается наступление капитала на социальное страхование (где таковое имеется), на заработную плату, которая снижается по ряду отраслей промышленности и ряду стран на 30% и более.

Сильно уменьшилась доля рабочих в национальном доходе. Потери рабочих в реальной заработной плате исчисляются миллиардами. Можно сказать без преувеличения, что доля рабочего класса (с безработными) уменьшилась вдвое в национальном доходе. Такого массового ограбления рабочего класса в течение столь непродолжительного времени буржуазия никогда ранее не могла совершить. Наряду с уменьшением индустриального пролетариата растет количество лиц, занятых непроизводительным трудом. Буржуазия не только устраняет себя из производства, но лишает такового миллионы трудящихся, вынужденных выполнять роль приживальщиков и прислужников буржуазии, если они не хотят умереть с голоду.

Это загнивание капитализма, рост его паразитарных элементов называется и в период подъема в САСШ — этой стране наиболее полнокровного капитализма.

В книге, изданной под редакцией Гувера, «Новейшие изменения в экономике САСШ» мы читаем: «Из 5 100 тыс. людей, прибавившихся к числу ищущих работы вне сельского хозяйства, наибольшее количество пошло в добывающую промышленность и связанные с ней отрасли. 100 тыс. поступили на общественную службу, свыше 600 тыс. были заняты на различного рода строительной работе, почти 1 млн. перешел на транспорт и связь, 1 400 тыс. стали торговыми служащими и свыше 2,5 млн. обратились к различным занятиям в отелях, ресторанах, ремонтных мастерских, кинопромышленности, парикмахерских, страховом деле, свободных профессиях».

Таким образом число лиц непроизводительных профессий с 1922 по 1927 г. увеличилось в САСШ по официальным данным на 4 млн. чел., в то время как количество индустриальных рабочих уменьшилось более чем на 1 млн.

Эта бесперспективная безработица демонстрирует противоречия капиталистической системы, она лишней раз подтверждает, что приближается обстановка, предугаженная Марксом: «Если бы развитие производительных сил уменьшило абсолютное число рабочих, т. е. в действительности давало бы возможность всей нации совершать все свое произ-

водство в более короткое время, то это вызвало бы революцию, потому что большинство населения оказалось бы вышедшим в тираж. В этом снова обнаруживается специфическая граница капиталистического производства».

Разве непрерывный рост безработицы даже в период подъема американского хозяйства не показывает, что все большее количество индустриального пролетариата «выходит в тираж».

Каково же отношение социал-демократических бюрократов к капиталистической рационализации? Самое положительное, т. е. такое, как нужно буржуазии. Социал-демократы стремятся вместе с буржуазией укрепить свое положение за счет рабочего класса. Они безоговорочно поддерживают капиталистическую рационализацию во всем ее объеме, являясь зачастую зачинщиками в ее проведении.

Известно, что социал-демократические «теоретики» выдвигали для успеха рационализации теорию высокой заработной платы, которая является неотъемлемой частью хозяйственной демократии и теории организованного капитализма. По этой «милой» теории вместо борьбы классов устанавливается любовное сотрудничество, каждый выполняет свой «общественный долг»: капиталисты вводят технические и организационные усовершенствования, а рабочие позышают производительность труда. Высокая заработная плата повышает покупательную способность рабочих, устраняется перепроизводство и кризисы. Государство выступает как надклассовая организация в обществе: исходя из «экономической целесообразности», оно следит, чтобы каждый класс выполнял свои «общественные функции».

Позорно обанкротилась теория «высокой заработной платы». Не помогло социал-демократам и участие в капиталистической рационализации и предательство интересов пролетариата во имя «классового сотрудничества». Резкое снижение заработной платы, массовое обнищание трудящихся не могли избавить капитализм от кризиса.

Буржуазия до кризиса и сейчас высоко ценит «услуги» социал-предателей.

«Политика тредюнионов, — читаем мы в статье американского экономиста Вальтмана, — в настоящее время уделяет гораздо больше внимания вопросам продукции, что проявляется в опытах сотрудничества с предпринимателями и смягчения традиционного противодействия механизации производства. Американская федерация труда выступила с доктриной, согласно которой заработная плата должна увеличиться пропорционально производительности труда»⁶.

Начавшееся в начале мирового кризиса наступление на рабочий класс сейчас в полном разгаре. Массовый рост безработицы, снижение зарплат, удлинение рабочего дня, физическое вырождение трудящихся, бешеное наступление на революционные организации трудящихся — вот «ответ» буржуазии на «классовое сотрудничество», провозглашенное социал-демократами. В снижении зарплат, в дальнейшем росте эксплуатации рабочих ищет буржуазия выхода из кризиса.

Наступление буржуазии будет все более наталкиваться на организованное сопротивление трудящихся, убеждающихся на собственном опыте в банкротстве капиталистического режима. Стачки и забас-

⁶ «Новейшие изменения в экономике САСШ».

товки, выступления безработных, колониальные восстания — все это лишь авангардные стычки, которые неизбежно перерастут в величайшие классовые бои. Кризис с необычайной наглядностью вскрыл непреодолимые противоречия капиталистической системы и показал миллионам трудящихся банкротство этой системы.

Противоречия эпохи всеобщего кризиса — это общие противоречия империализма, достигшие высшего напряжения. «Обнажаются и обостряются противоречия между важнейшими капиталистическими странами. Обнажаются и будут обостряться противоречия между странами-победительницами и странами-побежденными. Обнажаются и обостряются противоречия между империалистическими государствами и колониальными и зависимыми странами. Обнажились и обострились противоречия между буржуазией и пролетариатом» (Сталин).

Борьба за рынки сбыта, за источники сырья, за возможность выгодного приложения капитала, борьба за передел колоний, — все это неизбежно ведет к новым империалистическим войнам.

Рост военных бюджетов является лучшим подтверждением активной подготовки империалистических войн (в том числе и в первую очередь против СССР).

Эти империалистические войны в небольшом масштабе, в свернутом виде (своеобразные репетиции) имеют место сейчас на территории колониальных и зависимых стран (Индо-Китай, особенно ярко в Китае).

По официальным данным Лиги наций, военные бюджеты так называемых великих держав (Англии, САСШ, Франции, Италии, Японии) составили в 1929/30 г. 54 млрд. фр., что в несколько раз превосходит военные бюджеты этих стран до 1914 г. К тому же нужно добавить, что цифры эти преуменьшены; так, сюда не входят расходы Англии на военные «надобности» в колониях, не входят и скрытые суммы, отпускаемые по другим статьям и ведомствам (по министерству внутренних дел, просвещения и т. д.) для подготовки войны в империалистических странах.

Не приходится говорить, каким непосильным бременем ложится эта подготовка к новым войнам, как и последствия бывших войн (военные займы, репарации), на плечи трудящихся.

Тяжесть налогов в мирное время дополняется для трудящихся налогом крови во время войны.

В период небывалой по размерам безработицы, при все сокращающемся социальном бюджете (где он существует) идет огромная трата средств на вооружения, что не может не революционизировать трудящихся. Классовые противоречия принимают в ряде стран острейшую форму, выливаясь все чаще в открытые выступления рабочих (захват фабрик, продовольственных магазинов, баррикадные бои).

Очень характерным для всеобщего кризиса капитализма является переплетение аграрного кризиса с промышленным.

Особенностью аграрного кризиса является противоречие между ростом производства и недостаточной покупательной способностью капиталистического общества в результате нищенского положения трудящихся, что в свою очередь является следствием основного противоречия капитализма — общественного характера производства и частного присвоения.

К абсолютному обнищанию пролетариата прибавляется массовое разорение крестьянства как результат дифференциации крестьянства в условиях капиталистического развития сельского хозяйства.

Германия находится накануне полного экономического краха. Массовые банкротства, закрытия фабрик и заводов, падение германских ценностей на международных биржах и резкое обесценение марки — все это подтверждает быстрое приближение катастрофы всего германского хозяйства.

Так как капиталистические страны находятся друг от друга в тесной ценной экономической связи, то крах в Германии вызовет бедственное положение в целом ряде стран, особенно связанных с Германией.

По ряду признаков можно уже проследить приближение экономического краха в Австрии, Венгрии, Польше, Румынии.

Экономический крах в этих странах вызовет небывалый по силе революционный кризис, который коммунистические партии используют для организации сил пролетарской революции для ликвидации капиталистической системы.

С особой силой аграрный кризис бьет по колониям, которые в ряде случаев превращены империализмом в страны монокультурные (производящие определенный вид сырья).

Промышленный кризис сильно сократил потребность в техническом сырье, а уменьшение покупательной способности трудящихся значительно сократило спрос на сельскохозяйственные продукты.

Всеобщий кризис капитализма сильно революционизирует колонии. Колониальные революции приобретают невиданный ранее размер и характер.

Советский Китай охватывает уже около 80 млн. населения с огромной территорией, он является маяком для поднимающихся стран Востока.

Развитие революционного движения в колониях сильно ускоряется существованием СССР. Наша страна и ее социалистические достижения являются могучим революционизирующим фактором для трудящихся капиталистического и колониального мира.

«Кроме этих противоречий существует еще одно противоречие. Я говорю о противоречии между капиталистическим миром и СССР. Правда, это противоречие не есть противоречие внутрикапиталистического порядка: оно есть противоречие между капитализмом в целом и страной строящегося социализма. Но это не мешает ему разлагать и расшатывать самые основы капитализма. Более того оно вскрывает до корней все противоречия капитализма и собирает их в один узел, превращая их в вопрос жизни и смерти самих капиталистических порядков» (С т а л и н).

Существенная особенность эпохи всеобщего кризиса — это изменение цикла, в основе лежит резкое обострение противоречий между размахом общественного производства и частным присвоением. Подъем становится короче, все более неравномерным, а кризисы все более острыми и затяжными, это и есть «хроническая болезнь с острыми припадками».

Со вступлением капитализма в эпоху всеобщего кризиса, в связи с крайним обострением загнивания капитализма и неравномерным его развитием, слабым темпом роста промышленности, резким обнищанием

масс, потерей возможности так легко, как раньше, распоряжаться в колониях и полной невозможностью хозяйничать в нашей стране — изменился характер капиталистического цикла.

Загнивающий капитализм является отличительной особенностью монополистического капитализма, который характеризуется тем, что он ограничивает производство и является тормозом в развитии производительных сил. При настоящем уровне техники и организационных возможностях, вытекающих из социалистических общественных отношений, для развития производительных сил открываются небывалые ранее возможности. Монополистический же капитализм чинит непреодолимые препятствия для такого развития. Монополии дают огромные прибыли кучке капиталистов за счет неорганизованных предприятий, мелких производителей и нещадной эксплуатации рабочих. Они (монополисты) искусственно ограничивают производство и путем конкуренции, бросовых цен, скупки акции противников, сговора с банками препятствуют возникновению новых предприятий и способствуют скорейшей гибели маломощных, «диких» предприятий.

Монополии всемерно и сознательно сковывают развитие производительных сил, когда это не гарантирует им соответствующей нормы прибыли.

Скупка патентов, чтобы их не использовать, — явление обычное для империализма. Это вместе с производственной и коммерческой тайной не в малой степени задерживает развитие производительных сил. Конкуренция не устраняется монополиями, а обостряется ими. Нет и не может быть полного застоя в развитии производительных сил. Капиталистическая рационализация, проводимая за счет рабочих, дала известные результаты капиталистам. Отсюда конечно еще очень далеко до «новой технической революции», которую будто бы переживает современный капитализм. Болтовня о технической революции ничего общего не имеет с действительным положением дел.

Загнивающий капитализм проявляется не только в замедлении темпа развития производительных сил. Об этом подробно было изложено и иллюстрировано фактами выше.

Особенно хищнически империализм эксплуатирует и истребляет рабочую силу — эту величайшую производительную силу.

С другой стороны, загнивание характеризуется абсолютным сокращением индустриального пролетариата при все большем возрастании паразитарных элементов. Рост вооружений полицейско-государственного аппарата, многочисленного аппарата идейного и политического одурманивания, щедро финансируемого буржуазией (церковь, социал-демократические и буржуазные партии), рост богатства на одном полюсе и невиданного разорения и обнищания на другом — все это ярко характеризует загнивание капитализма.

Современный экономический кризис является кризисом капиталистической системы, кризисом загнивающего капитализма. Все это еще совсем недавно отрицали видные лидеры социал-демократии — Гильфердинг и Отто Бауэр.

«Мы всегда держались того мнения, — говорил Гильфердинг на Кильском партийном съезде, — что падения капиталистической системы нельзя ожидать фаталистически, но оно также не вытекает из внутренних законов системы» (подчеркнуто мной — М. Л.).

Отто Бауэр, этот «левый» социал-демократический болтун, чтобы

опровергнуть факт загнивания капитализма и всеобщий кризис капитализма, договорился до очень наглого утверждения. Он заявляет, что современный промышленный и аграрный кризис служит лучшим доказательством того, что капитализм развивается нормальным порядком.

Однако факты — упрямая вещь и кое-кому из социал-демократов и буржуазных экономистов под напором этих фактов мирового капиталистического кризиса приходится менять свои установки.

Социал-демократ Лебе в газете центрального органа от 28/XII пишет: «Дело идет, как мы уже много раз указывали, не о кризисе какой-либо политической системы, а о кризисе капитализма, господствующей формы хозяйства».

«Нынешний экономический кризис является самым серьезным и глубоким кризисом из всех существовавших до сих пор мировых экономических кризисов», сказал т. Сталин на XVI съезде. С тех пор прошло больше года, а кризис продолжает развиваться и углубляться.

Кризис лишний раз показывает, как в борьбе двух систем дряхлеет и загнивает старый мир, вызывая страдания и проклятия миллионов трудящихся, и нарождается новый мир, мир строящегося социализма, который обеспечит невиданный доселе расцвет производительных сил, расцвет культурных и материальных сил общества.

М. БИРБРАЙЕР

ХОЗРАСЧЕТ В РАБОЧЕЙ БРИГАДЕ ¹

Движение рабочих масс за установление «хозрасчета бригад» заслуживает несомненно очень высокой оценки.

Это движение началось в Ленинграде и именно здесь получило наиболее серьезное развитие.

Самое главное, что отличает хозрасчетную бригаду, — это борьба за качественные показатели. Каждая хозрасчетная бригада знает свою калькуляцию и свою задачу видит не только в выполнении и перевыполнении количества своего выпуска, но и в снижении себестоимости, практически в экономии на материалах, на смазках, обтирке, лучшем уходе за инструментом, машиной и т. п. Борьба с браком — этим бичом всех наших количественных и качественных темпов и особенно в машиностроении — является обычно самым главным пунктом самообязательства хозрасчетных бригад.

Как правило, хозрасчетные бригады ликвидируют обезличку своего оборудования. Бригада сродняется со своим инструментом и агрегатом, она изучает каждый его каприз, все его особенности, приравливаясь к нему, рабочие овладевают своим станком и заставляют его работать как можно лучше. Рабочие тут на практике осуществляют одну из очень важных теорем Маркса об «экономии в применении постоянного капитала» ¹.

Констатируя «фанатическое стремление капиталистов экономизировать на средствах производства» и фактические колоссальные их достижения в этом направлении, Маркс в то же время подчеркивает неизбежную, имманентную капиталистическому способу производства ограниченность, невозможность добиться максимального эффекта. Маркс устанавливает теоретически, что такое экономизирование в основном заложено в труде, а не в капитале. Только живой человеческий труд, «овладевая техникой» (как это мы бы сказали сейчас), представляет собою ту силу, которая извлекает из мертвой машины, из мертвого сырья максимум полезного эффекта, умеет «достигать определенного результата при наименьших затратах» (Маркс). Однако маскарад капиталистического хозяйствования реально переставляет отношения, и то, что здесь в действительности заложено в труде, «еще в большей степени, чем другие силы, заложенные в труде, представляется силой, присущей капиталу, методом, свойственным капиталистическому способу производства и характеризующим его».

«Такой способ представления, — продолжает далее Маркс, — возбуждает тем меньше сомнений, что ему соответствует внешняя видимость фактов и что капиталистическое отношение на практике скрывает внутреннюю связь таким способом, что для рабочего условия осуществления его собственного труда оказываются чем-то совершенно безразличным, внешним и чуждым».

¹ Маркс. Капитал т. III, гл. 5.

Разрыв, существующий в капиталистическом обществе между рабочим и средствами и орудиями его труда, не может не понижать эффективности мер, предпринимаемых капиталистами для экономизирования в применении постоянного капитала для борьбы с потерями времени и материала, площадей и мощностей машин на производстве. Капиталистическая рационализация выступает в последнее время все более и более откровенно в качестве враждебной силы против рабочих — на современной стадии капитализма разрыв между рабочим и условиями его труда практически углубляется и становится все болезненнее, грозя все более опасными для капитализма и развития производительных сил в рамках капитализма социальными осложнениями.

Рабочему на капиталистической фабрике глубоко безразлично, «работает ли он над медью или железом», ибо это совершенно не затрагивает отношения рабочего к капиталисту: Больше того: «Поскольку средства производства в процессе капиталистического производства являются в то же время средствами эксплуатации труда, сравнительная дешевизна или дороговизна этих средства эксплуатации столь же безразлична для рабочего класса, как безразлично для лошади, дорогими или дешевыми удилами ею управляют».

В капиталистическом производстве рабочий становится в неестественные условия даже по отношению к общественному характеру своего труда. Цель, ради которой затрачивается труд данным рабочим и ради которой он сотруidничает с другими рабочими, не радует рабочего, не может его вдохновить на изыскание лучших методов работы. Общественный характер труда выступает в качестве «некоторой чуждой рабочему силы», «условием осуществления этой комбинации (т. е. сочетания труда многих ради общей цели) является чуждая рабочему собственность, расточение которой нисколько не затрагивало бы интересов рабочего, если бы не принуждали экономизировать ее. Совершенно иначе обстоит дело на фабриках, принадлежащих самим рабочим, например в Рочдэле»².

И конечно несравненно выше, чем на рочдэльских кооперативных фабриках, обстоит дело в последовательно социалистических предприятиях СССР. Уже социалистическое соревнование и ударничество дали вполне осязаемое внешнее выражение новому положению рабочих на фабрике. Общественный характер труда тут выступает не принудительно, не против интересов рабочих. Труд «в комбинации с трудом других ради общей цели» (Маркс) все более и более становится даже в глазах самых отсталых слоев рабочих «делом чести, делом славы, делом доблести и геройства» (Сталин).

В социалистическом соревновании рабочего с другим рабочим общественный характер труда выступает в качестве силы родной, своей, положительной, стимулирующей рост производительности труда ради общей цели. Еще более явственно выступает новое качество общественного характера труда в ударничестве. Ударничество несомненно следует считать одной из более сложных и более высоких форм социалистического соревнования, поскольку ударник принимает на себя индивидуальные обязательства, исходя из общих задач всего рабочего класса по выполнению и перевыполнению планов. Простейшая

² „Капитал“, т. III, ч. 2, с. 52 и предыдущ., изд. 1927 г.

форма социалистического соревнования вся состоит из сравнения результатов работы соревнующихся сторон. Ударничество содержит уже и абсолютные показатели по отношению к плану.

До текущего года формы социалистического соревнования — и соцсоревнование в простейшем виде и ударничество — касались почти исключительно количественной стороны плана. В текущем третьем году пятилетки, году решающем, когда успешно завершается построение фундамента социалистической экономики страны, одной количественной стороной ограничиваться более невозможно.

Все развитие нашей экономики, в особенности то обстоятельство, что благодаря коллективизации деревня стала способна к расширенному воспроизводству и сама становится серьезным «конкурентом» города по применению высоких форм труда, вынуждает нас форсировать повышение производительности труда, иначе говоря, форсировать понижение себестоимости, улучшение качества продукции, максимальную экономию в применении материалов и средств труда. Без этого невыполнимо выполнение и количественных заданий хотя бы уже по одному тому, что более невозможно покрывать все наши качественные грехи привлечением дополнительной неквалифицированной, малотребовательной, но и малопродуктивной деревенской рабочей силы.

Хозрасчет в очень значительной мере есть поворот всего хозяйства лицом к качеству работы.

Подробный анализ хозрасчета естественно не входит в рамки настоящей статьи. Изучение этого вопроса приводит к выводу, что наиболее заостренные, теоретические, исчерпывающие, общие формулировки хозрасчета были даны т. Лениным в его «Очередных задачах советской власти» в 1918 г. «Социалистическое государство, — говорит он, — может возникнуть лишь как сеть производительно-потребительских коммун, добросовестно учитывающих свое производство и потребление, экономящих труд, повышающих неуклонно его производительность и достигающих этим возможности понижать рабочий день до семи, до шести часов в сутки и еще менее»³. «Каждая фабрика, каждая деревня является производительно-потребительской коммуной, имеющей право и обязанной по-своему применять общие советские указания («по-своему» — не в смысле нарушения их, а в смысле разнообразия форм проведения их в жизнь), по-своему решать проблему учета производства и распределения продуктов. При капитализме это было «частным делом отдельного капиталиста, помещика, кулака. При советской власти — это не частное дело, а важнейшее государственное дело»⁴. «Мы стоим за демократический централизм. И надо ясно понять, как далеко отличается демократический централизм, с одной стороны, от централизма бюрократического, с другой стороны, — от анархизма»⁵.

Хозрасчет, если взять идеи В. И. по «Очередным задачам», есть применение методов демократического централизма к управлению хозяйством в целях практической борьбы за социалистический учет, за повышение производительности труда, за выполнение и перевыпол-

³ Ленин, Собр. соч., т. XXII, с. 451.

⁴ Там же, с. 435—456.

⁵ Там же, с. 415; (разрядка везде наша—М. Б.).

нение количественных и качественных заданий центральных плановых органов на основе максимальной, но отнюдь не анархической автономии низовых звеньев, развязывания их инициативы и самостоятельности. На протяжении нашей революции формы хозрасчета менялись. В настоящее время например хозрасчет имеет специфическую форму. «проверки рублем» и ту особенность, что мы должны выпятить с особенной силой борьбу за качественные показатели плана, не ослабляя впрочем и усилий по количественному развертыванию.

Очень важно подчеркнуть, что рабочая масса быстро реагировала на необходимость поворота к качественным показателям. Фактически без указания сверху, в порядке, можно сказать, «встречного плана развертывания хозрасчета» рабочая масса выдвинула новые, более высокие формы социалистического соревнования, представляющие собою дальнейшие поступательные шаги по сравнению с ударничеством и в известном смысле даже по сравнению с движением встречного промфинплана, движением, кстати сказать, недостаточно оцененным и очень мало активизированным нашей плановой системой.

Хозрасчетная бригада в самом основном есть по сравнению с капитализмом иная и лучшая (не только иная, но и неизмеримо лучшая) форма участия рабочего в производственном процессе. Производственные отношения, создаваемые национализацией фабрик и заводов, в самом корне подрывают отчужденность, существующую на капиталистической фабрике между рабочим и условиями его труда. Это есть важнейшая основа для роста производительности труда, для создания новой производительности труда.

«Во всякой социалистической революции, после того как решена задача завоевания власти пролетариатом, и по мере того как решается в главном и основном задача — экспроприировать экспроприаторов, выдвигается необходимо на первый план коренная задача создания высшего, чем капитализм, общественного уклада, именно: повышение производительности труда, а в связи с этим (и для этого) его высшая организация»⁶. В другом месте Ленин высказывается еще резче в том смысле, что точно так же, как капитализм победил феодальный строй путем создания немыслимой при феодализме более высокой производительности труда, так и социализм победит капитализм созданием новой высшей производительности труда, неслыханной и невозможной при господстве капиталистического способа производства.

Однако ликвидация всех последствий отчужденности, завершение и оформление новых производственных отношений на последовательно социалистическом предприятии не происходит и не может происходить мгновенно. Это — процесс. Если бы еще нужны были доказательства, что страна вступила в период социализма, то можно было бы сослаться также на хозрасчет бригад, где уже можно простым глазом различать новое отношение рабочего к средствам, материалу и продукту своего труда, к общественному характеру своего труда.

Мы сейчас на практике показываем, что рабочий на последовательно социалистической фабрике не придаток к машине, не раб машины, а господин ее. Стоя у станка, рабочий одновременно является и организатором производства и повелителем своих инструментов и материала.

Вместе с тем он начинает все более и более отчетливо сознавать,

⁶ Ленин, Собр. соч., т. XXII, с. 453.

что обрабатываемый им материал есть продукт труда другого рабочего, и что экономизирование этого материала есть экономия труда и что выработанный им продукт послужит материалом для труда другого рабочего. Общественная связь, соединение усилий ради достижения общей цели становится все более отчетливой в сознании рабочего. Хозрасчет бригады является выражением этого нового отношения, повышающегося социалистического отношения рабочего к производству. Это именно и делает хозрасчет бригады формой социалистического соревнования.

Поскольку речь идет о том месте, которое занимает хозрасчет бригады в развитии форм соцсоревнования, мы полагаем, что здесь мы имеем дальнейшую ступень ударничества, ибо тут получают большую полноту и развитость именно абсолютные самообязательства бригады не только в отношении количественных, но и качественных показателей.

Необходимо сказать, что движение масс на хозрасчет бригад отнюдь не исчерпывается теми опытами, которые носят именно это название. Не подлежит никакому сомнению, что в разных местах производились и производятся творчеством самих рабочих масс разнообразные опыты под разными названиями, но имеющие ту же задачу — переход формы социалистического соревнования на высшую ступень. Мы говорим об опытах «сменно-встречных планов», «ежеплавочных калькуляциях» и т. п.

Это — очень любопытные опыты. «Ежеплавочные калькуляции» практиковались некоторое время на южных металлургических заводах. Каждая рабочая бригада при домне и мартене знала всю калькуляцию своей работы и при каждой отдельной плавке замечательно просто и сильно считала результаты, отмечала отклонения от нормы, изыскивала пути для получения «прибылей», т. е. сокращения расхода и увеличения выхода чугуна и стали при сокращении времени для всего процесса плавки, и боролась с «убытками». Тут совершенно очевидно родство этой формы с хозрасчетом бригад (несомненно однако, что ежеплавочные калькуляции несравненно примитивнее).

«Сменно-встречные планы» состоят в том, что бригада перед вступлением в свою смену минут за 15 до начала работы является на завод; получает от администрации наряд на данную смену; осматривает агрегат, распределяет свои силы, исследует могущие оказаться неполадки, получает информацию от уходящей смены; после всего этого бригада выдвигает свой встречный план на данную смену.

Этот метод работы представляет колоссальный шаг вперед по пути овладения техникой, по пути внедрения подлинной плановости, здорового ритма в работу на заводе. Неудивительно, что этот метод дает результаты, которые могут показаться удивительными. Так, применив этот метод, угольная шахта на руднике им. Рыкова в Подмосковном бассейне за 10 дней постепенно подняла производство с 56% до 102% от плана при 72% обеспечения рабочей силой. Такие же грандиозные показатели дает этот метод и везде, где он применяется.

Сменно-встречный формально не включает на практике качественных показателей, однако, внося конкретную плановость в работу, устраняя бестолочь и варварскую суетню сменно-встречный есть основа и важное дополнение к хозрасчету бригады. Нам представляется, что правильное проведение хозрасчета бригады немислмо без применения методов сменно-встречных планов.

Метод «ежеплавочных калькуляций» не получил широкого развития, и, по имеющимся сведениям, проделывавшиеся опыты мало укрепились, а местами замерли. Это однако еще не опорочивает «ежеплавочной калькуляции» (или, более, общесменной калькуляции), но подобный метод естественно может иметь место лишь при наличии хозрасчета в бригаде, т. е. когда это дело ставится в надлежащие условия, когда оно проводится систематически и методически оформляется в виде договоров, обеспеченных ответственностью и материальной заинтересованностью.

В хозрасчете бригады таким образом сливаются воедино различные ручьи пролетарской производственной активности — социальное соревнование, ударничество, встречный план, сменно-встречные планы, ежеплавочные калькуляции и пр. и т. п. Это несомненно одна из высших ступеней социалистического соревнования, метод активнейшего участия рабочих в управлении производством, в выполнении и перевыполнении планов не только по количественным, но и по качественным показателям, сильный фактор в борьбе с обезличкой оборудования, плодотворное начало новой организации труда, нового подхода рабочего к предметам и орудиям труда, нового, действительно социалистического отношения рабочих к качеству продукции.

Мы имеем невиданный размах творчества трудящихся масс и как результат этого огромный рост социалистического хозяйства, но тем не менее не используем всех преимуществ нашего строя. Существенной причиной, тормозящей рост производительности труда, у нас является прежде всего недостаточно правильная и четкая организация производства, или, говоря словами т. Сталина, мы еще не овладели «техникой, экономикой, финансами завода, фабрики, шахты». Это значит, что у нас имеются колоссального масштаба качественные «резервы», еще не мобилизованные, что мы еще мало и очень неинтенсивно используем наличное оборудование, наличные материалы и главное — потенциалы рабочих. Это значит, что при одинаковых материальных элементах производства мы могли бы получить во много раз больший эффект, если бы мы лучше расставили людские силы, больше «вникнули в технику дела». Иначе говоря: наши качественные «резервы» дают все основания считать, что при достаточном внимании к вопросам организации производства и труда мы можем добиться очень больших темпов в повышении производительности общественного труда у нас, таких темпов, которые позволяют нам, при равной технической вооруженности, перегнать в этом решающем отношении капиталистические страны.

Чтобы дать самое общее представление о том, что это может дать для нашего хозяйства, напомним лишь одну очень важную цифру, которая была приведена т. Куйбышевым в его докладе о плане на 1931 год. Тов. Куйбышев устанавливает, что в Германии из одной тонны сырого металла получается 0,75 тонны изделий, между тем как у нас выходит только 0,4. Следовательно из 6 млн. тонн чугуна, произведенных в 1930 г., мы сумели использовать и превратить в изделия лишь 2,4 млн. тонн, в то время как в Германии из тех же 6 млн. тонн чугуна получают 4,5 млн. тонн изделий. Отставание производительности труда действительно особенно велико в отраслях обрабатывающей промышленности и прежде всего в области машиностроения.

Хозрасчет вообще и хозрасчет бригады в частности с указанной точки зрения, представляя собою метод улучшения управления и организации производства, открывают здесь перед нами перспективы поистине грандиозные. Вряд ли можно сомневаться, что мы стоим сейчас перед такими изменениями в области производительности труда, которые можно назвать переворотом. При этом нетрудно видеть, что указываемый переворот целиком и полностью вытекает из факта вступления страны в период социализма и в частности совершившегося в условиях нашего сельскохозяйственного производства всемирно-исторического значения переворота. Деревня стала способна к расширенному воспроизводству (мысль т. Сталина в его речи на конференции аграрников-марксистов), и это приводит к совершенно новым отношениям в области труда. Деревня больше не будет выделять неприхотливую, неквалифицированную рабочую силу, и по-новому сейчас стоят все вопросы труда.

Хозрасчет бригад, как уже указывалось, ставит на новую ступень методы социалистического соревнования, которым т. Ленин, как известно, придавал совершенно исключительное значение в качестве фактора создания новой, побивающей капитализм своей высотой, производительности труда.

Бригада, переходя на хозрасчет, заключает, правда, договор не о соцсоревновании с другими бригадами, а договор хозрасчетный, договор двухсторонних обязательств с администрацией цеха. Этот договор представляет собой не что иное как продолжение и развитие коллективного договора, «договора о найме». В то же время однако здесь нельзя не видеть своеобразного договора об ударничестве. Такие «договоры о найме» имеют силу зажигающего энтузиазм примера. Из нашего колдоговора в хозрасчетном договоре бригад получают особенное развитие именно социалистические обязательства, содержащиеся в колдоговоре.

Но этими хозрасчетными договорами не исчерпывается характеристика хозрасчета бригады как формы социалистического соревнования, ибо на основе своего хозрасчета бригада по-новому, по-иному развертывает соревнование с другими бригадами, да и внутри самой бригады между отдельными ее частями и членами. Учет уточняется, ускоряется, конкретизируется, а учет для соревнования является одним из самых важных, из самых решающих элементов. Еще пожалуй важнее то, что учет, если можно так выразиться, «материализуется», т. е. получает весьма конкретное материальное содержание. Результаты соревнования видны не только на доске. Каждый отдельный рабочий и каждая бригада материально ощущают результаты соревнования. Даже если особого договора о соревновании между членами бригады нет, то от этого соревнование между ними не прекращается. Не даром в опыте мы имеем случаи, когда бригада просит освободить ее от того или иного своего члена, оказавшегося лодырем, разгильдяем, прогульщиком, вообще, не выдержавшим соревнования. Это конечно крайние случаи; как правило, может и должно существовать договор о соревновании между членами бригады.

Точно так же и между бригадами опять-таки может и должен существовать договор о соревновании с санкциями исключительно морального характера. Однако поскольку такие договоры будут заключаться обслуживающими друг друга бригадами, учет и результа-

ты соревнования опять-таки будут чувствоваться соревнующимися не только при чтении соответственных цифр на доске, но и на практической работе, поскольку то или иное качество и своевременность обслуживания сразу сказываются на работе второй стороны. «Буксиры» и товарищеская помощь отстающим товарищам будут также прямой помощью и себе, поскольку это поможет справиться с заданием.

**

Мы должны понять хозрасчет бригад во всей его противоречивости. Мы показали ту сторону хозрасчета бригады, которая определяется вступлением страны в период социализма. Однако мы еще находимся одновременно и в последней стадии нэпа.

Хозрасчет бригады представляет собой один из тех твердых орешков, который можно раскусить, только хорошенько поняв его диалектику.

Прежде всего, есть ли хозрасчет бригады только форма социалистического соревнования? Вопрос этот уже подвергся обсуждению в нашей ежедневной печати, причем тут наметились серьезные разногласия. Один товарищ (т. Озеров в «Труде») в хозрасчете бригады видит только форму социалистического соревнования.

Верно ли это? Нет, неверно! Не даром она, эта форма, получила название «хозрасчет», не даром договор о хозрасчете заключается с администрацией цеха, предприятия, не даром в договоре преобладают пункты материального характера, двусторонние обязательства. Хозрасчет бригады, следовательно, форма социалистического соревнования и даже преимущественно форма социалистического соревнования, очень высокая ступень его, но не только это, и именно потому, что это очень высокая ступень соревнования, она становится не только соревнованием.

Хозрасчет цехов и заводов есть, по определению постановления СНК СССР от 20 марта, «рычаг управления всеми предприятиями обществленного сектора». При переходе на хозрасчет бригада до известной степени (ниже мы это уточним) становится звеном управления социалистического хозрасчетного предприятия. Тут есть момент перерастания бригады из управляемой группы рабочих в нечто другое, в звено управления, хотя конечно она не перестает от этого быть управляемой высшими звеньями. Хозрасчетная бригада одновременно является и тем и другим — звеном управления и управляемой. Правда, это перерастание разворачивается не сразу, а лишь по мере внедрения подлинного хозрасчета во все управление и прежде всего в управление цехом. Настаивая на том, что хозрасчет бригады есть метод соцсоревнования и только, т. Озеров несомненно грешит непониманием диалектики явления, «закона движения», хозрасчетной бригады к тому, чтобы сделаться звеном управления хозяйственной деятельностью на последовательно социалистической фабрике.

Из неправильного определения следуют неправильные выводы, или вернее — неправильность, неточность определения здесь вытекают из очень серьезной ошибки, которую, по нашему мнению, допускают очень многие товарищи в понимании хозрасчета на данном этапе. Особенно ярко выразил эту ошибку т. Озеров¹. Он заявляет:

¹ „Труд“ от 18/VI. 1931 г.

«Никаких принципиальных изменений в систему хозруководства хозрасчетная бригада не вносит. Надо понять, что недочеты планирования в цехах не могут быть изжиты изменением теперешней системы хозруководства. Отдельные уточнения структуры заводоуправления конечно должны быть проведены (разрядка наша — М. Б.). Но надо понять, что недочеты планирования в цехах — результат очень многих причин: и кадры недостаточно технически подготовлены, чтобы полностью овладеть организацией производственного процесса, некоторым трудно при всяких нехватках изворачиваться, мобилизуя неиспользованные ресурсы. Имеют место и безразличное отношение к производству, и вредительские настроения. И самая главная причина — правооппортунистическое неверие в реальность повышенных планов, неумение использовать активность масс и непонимание новой роли рабочего на производстве.

Эти причины должны быть преодолены. Мы повседневно ведем напряженную борьбу с носителями правооппортунистического неверия, с недооценкой инициативы рабочих. Мы энергично готовим новые кадры и повышаем квалификацию старых работников. Мы боремся с вредительством и одновременно добиваемся максимально благоприятных условий для честных специалистов, мы добиваемся всемерного укрепления единоначалия.

Но промфинплан — это не вопрос завтрашнего дня, промфинплан должен быть выполнен сегодня. Значение хозрасчетной бригады в том, что она, не внося никаких принципиальных изменений в систему и политику, организации хозруководства, позволяет более успешно выполнять промфинплан, преодолевая инициативой и самодеятельностью масс ударников недочеты низового хозяйственного руководства (разрядка наша — М. Б.).

Бригада добивается своевременного получения материалов, экономит и сберегает инструмент, добивается безусловного выполнения количественных заданий, следит за качеством продукции, не допускает прогулов, воспитывает хозяйское отношение к станку, материалам, продукции и инструментам».

Смысл этой цитаты заключается в той оценке, которую т. Озеров дает хозрасчету как методу улучшения хозяйственного руководства. По его мнению, это не может дать серьезных результатов. Можно и должно конечно провести «отдельные уточнения структуры заводоуправлений», «но не в них» якобы дело. Больше того: из всего контекста, из того, что т. Озеров дважды повторяет и даже особо подчеркивает, что «хозрасчетная бригада не вносит никаких принципиальных изменений в систему и политику организации хозяйственного руководства», неизбежно вытекает тот вывод, что т. Озеров не хочет этих «принципиальных изменений», с которыми несомненно связан хозрасчет не бригады, а цеха и предприятия, хозрасчет как «рычаг управления всеми предприятиями обобществленного сектора».

Эта недооценка хозрасчета, недооценка улучшения хозяйственного руководства находится в кричащем противоречии с действительным положением вещей и тем анализом, который дан этому положению партией. Можно было бы привести очень большое количество доказательств тому, что партия существенно иначе оценивает вопрос о

руководстве. Достаточно вспомнить известные слова Ленина на XI съезде партии о том, что «гвоздь положения в людях, в подборе людей». Но скажут, это было в 1922 г. Как однако ставится вопрос в 1931 г.?

На конференции работников социалистической промышленности т. Сталин говорил:

«...Первое условие для выполнения плана — «объективные» возможности — у нас есть налицо. Есть ли второе условие — умение использовать эти возможности? Иначе говоря, есть ли у нас правильное руководство фабриками, заводами, шахтами? Все ли тут обстоит благополучно?»

Тов. Сталин четко ставит знак равенства между улучшением руководства и умением использовать наши возможности. В улучшении руководства, в переходе от бумажного руководства к «овладению техникой, экономикой, финансами завода, фабрики, шахты», он видит основной вопрос, от которого зависит выполнение плана.

Со времени конференции работников промышленности — начало февраля с. г. — партия и правительство делают колоссальные усилия для перестройки руководства, для улучшения методов управления, для внедрения хозрасчета. Тов. Озеров проходит мимо закона от 20 марта об улучшении практики кредитной реформы, мимо кампании хозяйственных договоров, мимо известного постановления ЦК партии, СНК СССР и Центросоюза о потребкооперации — во всех этих и целом ряде других, здесь не упомянутых мероприятий он не видит условий для выполнения промфинплана. Весь хозрасчет он сводит к «отдельным уточнениям структуры заводоуправления», всю трудность — к «дефектам цехового планирования» и выход только — к хозрасчету бригад.

Мы полагаем, что выступавшая против подобных установок газета «За индустриализацию»⁸ правильно квалифицировала эти «установки» как ревизию линии партии на развертывание хозрасчета.

Позиция т. Озерова — а он к сожалению совсем не одинок — дает совершенно неправильную оценку создавшемуся у нас положению. В то время как т. Сталин и вся партия исходят из того, что главная причина невыполнения планов лежит в субъективных факторах, т. е. прежде всего в руководстве, т. Озеров и иже с ним ищут причины на стороне рабочих.

Эта «идеология» очень хорошо увязывается с попыткой свести весь хозрасчет к хозрасчету бригады, а хозрасчет бригады — к чистому соцсоревнованию, к выхолащиванию из него хозрасчета. Товарищи из «Труда» додумались даже до специального термина: одни называют хозрасчет бригад «социалистическим хозрасчетом», очевидно в отличие от хозрасчета предприятий и цехов, который, по их мнению, как-то противостоит социалистическому строительству. Эта терминология прямо ведет к недооценке борьбы за хозрасчет предприятий и цехов.

«Труд» в этом отношении очевидно солидаризируется с т. Овсянниковым, который в «Экономической жизни»⁹ доказывал, что активности рабочей массы нет места при внедрении хозрасчета цехов; в лучшем случае она может лишь «заслушать», одобрить принять, у-

⁸ См. в частности редакционную статью в номере от 23 июня „Нет, разногласия есть!“

⁹ См. номер от 23 мая.

вердить». При таком понимании роли масс в организации производства естественно ничего больше не остается, как только форсировать перевод всех бригад на хозрасчет «немедленно, сейчас же» (Овсянников).

Непонимание особенностей хозрасчета бригад на данном этапе привело некоторых товарищей к утверждению, что на хозрасчет могут переходить только ударные бригады. Это просто-напросто дань фразеологии о том, что тут мы имеем дело лишь с более высокой ступенью социалистического соревнования. Другие отказываются от этой мысли и выдвигают идею «цехов сплошных хозрасчетных бригад», которые должны заменить хозрасчет самих цехов. Если мы здесь не имеем дела с простой путаницей и «плаванием» и эти идеи выражают какую-то концепцию, то это очень плохая концепция, концепция анархическая, попытка сделать цех простой суммой бригад и завод — суммой цехов: руководство отступает тут на второй план, а единоначалие и вовсе отсутствует.

Совершенно естественно, что эти «левые» теории отнюдь не ведут к укреплению хозрасчета бригад. Так как хозрасчетная бригада не только форма социалистического соревнования, но и в некоторой мере и хозрасчет, то она может развернуться лишь и не иначе, как при наличии хозрасчета на предприятии и в цехе.

Это подтверждается опытом на каждом шагу. В нехозрасчетных цехах хозрасчетные бригады быстро чахнут под влиянием плохого планирования, недостатков учета, дефектов нормирования, ненадежности снабжения, отсутствия единоначалия, невнимания к рационализации, неконкретности руководства и т. п. болезней, от которых страдает непереустроенный на хозрасчет цех.

Из этой правильной мысли однако был сделан ярко правооппортунистический вывод некоторыми хозяйственниками, которые в противоположность «левакам» недооценили того факта, что хозрасчет бригады есть форма социалистического соревнования. Они и выдвинули лозунг «сначала хозрасчет цехов, а потом хозрасчет бригад».

Механический характер подобной ступенчатости бросается прямо в глаза. На практике эта ступенчатость доходила до прямого зажима инициативы масс, до злостного дискредитирования хозрасчета бригад. Отдельные хозяйственники дошли до того, что они всячески затрудняли добровольный переход бригад на хозрасчет, давая им заведомо непосильные задания, ухудшая условия их труда и понижая расценки хозрасчетным бригадам по сравнению с нехозрасчетными.

Можно сомневаться, что эти «художества» проделывались в целях укрепления хозрасчета цехов. Наоборот, совершенно ясно, что это имело целью сорвать также и хозрасчет цехов, оттянуть это дело, избавиться от его трудностей и от ответственности, связанной с хозрасчетом, ибо несомненно, что хозрасчетные бригады в нехозрасчетном цехе представляют собою бельмо в глазу тех хозяйственников, которые не хотят и не умеют улучшить методы своего руководства.

Правые и «левые» на практике трогательно сходятся: одни срывают хозрасчет бригад и тем самым хозрасчет цехов, якобы во имя хозрасчета цехов; другие делают то же самое, но в обратном порядке: во имя якобы хозрасчета бригад они срывают хозрасчет цехов, а тем самым и хозрасчет бригад. «Хрен редьки не слаще».

Ясно, что не механистический, а диалектический подход к пробле-

ме указывает на необходимость сочетания и хозрасчета цехов, и хозрасчета бригад, но с тем, что главное звено в этой цепи все-таки есть хозрасчет цеха, хозрасчет как «рычаг управления всеми предприятиями обобщественного сектора» (формулировка заимствована из постановления СНК СССР от 20 марта). В этом вопросе необходимо решительно осудить как правую формулировку «сначала хозрасчет цеха, а потом хозрасчет бригад», так и «левую», которая не может быть понята иначе, как «сначала хозрасчет бригад, а потом посмотрим, может быть до хозрасчета цеха и предприятия дело и не дойдет».

Правая опасность и в данном случае остается главной. Недооценка значения хозрасчета бригад как формы социалистического соревнования ведет на практике к очень серьезным искривлениям. На целом ряде других предприятий стали осуществлять хозрасчет бригад административным путем. Здесь уже не усматривают никакой разницы между хозрасчетом цеха и хозрасчетом бригады, не хотят понять диалектики того факта, что рабочий на социалистической фабрике в данный период еще далеко не тот работник, который будет жить и работать в условиях развернутого коммунизма при полном отсутствии общественного разделения труда, при ликвидации противоположности между городом и деревней, между умственным и физическим трудом, при полном изживании неравенства, когда можно будет каждого удовлетворить по потребностям, взяв с каждого по его способностям.

До тех пор в оплате труда продолжает действовать по выражению Маркса «буржуазное право». Даже при развернутом социализме «мы имеем дело с коммунистическим обществом не в том виде, в каком оно развилось бы на собственной основе, а наоборот — в каком оно еще только выходит из капиталистического общества, значит, еще покрытым во всех отношениях — экономическом, нравственном, умственном — родимыми пятнами старого общества, из лона которого оно выходит». «Здесь (в оплате труда — М. Б.) очевидно господствует принцип, тождественный с тем, который регулирует товарный обмен, поскольку последний есть обмен равноценности. Содержание и формы изменились, потому что при изменившихся условиях никто не может дать ничего, кроме своего труда, а с другой стороны, ничто не может перейти в собственность индивидуума, кроме индивидуальных средств потребления. Но что касается распределения их между отдельными производителями, то здесь господствует тот же самый принцип, что и при обмене товарных эквивалентов. Здесь равное право — все еще по-своему буржуазное право»¹⁰.

Отношения социалистического предприятия (особенно еще на данном последнем этапе нэпа) с рабочими все еще регулируются указываемым Марксом «буржуазным правом». Положение бригады поэтому существеннейшим образом отличается от положения цеха. Все карманы цеха — карманы пролетарского государства, «прибыли» и «убытки» цеха — это прибыли и убытки последовательно социалистического хозяйства. Тут поэтому хозрасчет имеет совершенно другую природу: хозрасчет здесь только рычаг управления.

Рабочая же бригада имеет два кармана. С одной стороны, каждый рабочий знает и чувствует, что карман цеха, карман государства.

¹⁰ Маркс, К критике Готской программы.

это его карман, карман его класса, что накопление цеха и завода служит для укрепления его классовых позиций, а не для его же эксплуатации. В силу этого рабочий усваивает себе новое отношение к предмету, орудиям и продукту своего труда и активно участвует в социалистическом строительстве, беззаветно борется за выполнение и перевыполнение большевистских планов.

Но у рабочего есть и второй карман, карман индивидуальный, карман личного потребления. Он считает «прибыли» «убытки» и в своем собственном кармане. При социализме «ничто не может перейти в собственность индивидуума, кроме индивидуальных средств потребления». Мы уже довольно близки к этому положению, но все еще не находимся вполне в таком положении. Мы поэтому никак не можем уподоблять бригаду цеху: это все-таки различные категории.

Хозрасчетная бригада в хозрасчетном цехе есть не только форма социалистического соревнования, но также и некая форма хозрасчета. Однако это весьма своеобразная форма, — бригада является очень своеобразной ячейкой управления. Цех поэтому не только можно, но и должно переводить на хозрасчет административным приказом; бригада же должна переходить на хозрасчет добровольно, ибо она при этом осуществляет высокий акт социалистического соревнования. Тут надо действовать убеждением и поощрением, но не администрированием.

Режим хозрасчета бригады не может не отличаться весьма существенными особенностями от режима хозрасчета цеха. Чтобы быть хозрасчетным, цех должен обладать довольно широким объемом прав, хозрасчетный цех входит в договорные отношения с другими цехами и отделами заводоуправления, располагает по собственному усмотрению оборотными средствами, обязывается платить пени и неустойки в случае неисполнения обязательств и взыскивает со своих контрагентов пени и неустойки. Цех обладает правом присваивать себе в «Собственность» и средства производства, может расширяться и накапливать.

Хозрасчетная бригада не может иметь ни этих прав, ни этих обязанностей. Бригада заключает договор о хозрасчете с начальником цеха. Это не хозяйственный равноправный договор, а продолжение колдоговора, договора о «найме». Хозрасчетная бригада заключает также договоры и с другими бригадами, но опять-таки не хозяйственные договоры, а договоры социалистического соревнования, договоры, основанные на моральных обязательствах и моральной ответственности. В цехе имеется начальник, который является единоначальником. Бригадир в бригаде — не единоначальник, он не может юридически представлять свою бригаду; договоры заключает не бригадир, а бригада.

По самому существу своему хозрасчетная бригада не может и не должна платить никаких неустоек и не может получать никаких неустоек от цеха. Отношения в основном регулируются колдоговором. Стимулом для хозрасчета может служить только моральная заинтересованность рабочих в социалистическом строительстве плюс гибкая, целесообразная система премий. Если бы между бригадой и цехом установились хозяйственные отношения с неустойками, пенями, штрафами и т. п., то в этом случае совершенно неизбежно бригада превратилась бы в частную артель.

При всей бесспорности вышеприведенных рассуждений многие товарищи находят возможным настаивать на установлении во взаимо-

отношениях между цехом и хозрасчетной бригадой принципа платежа «неустойки» за невыполнение договорных обязательств. Нужно сказать, что это требование действительно вполне логично вытекает из охарактеризованной выше «идеологии», усматривающей весь хозрасчет в хозрасчете бригады, учащей, что «если бы мы раньше додумались до хозрасчета бригады, у нас не было бы невыполнения планов». Разумеется, если все дело в рабочих, то и нажим должен быть сделан также на рабочих.

Вместе с тем, тут мы имеем дело с явно неправильным пониманием содержания и смысла «контроля рублем» на данном этапе. От недооценки финансов к их переоценке у многих оказался один только маленький шаг. Один из сторонников «неустойки» для хозрасчетной бригады прямо и откровенно заявил, что «моральные обязательства — глупость», что на них построить взаимоотношения с бригадой, хотя бы и при системе материальной заинтересованности рабочих, нельзя, что с материальной заинтересованностью надо обязательно соединить и материальную же ответственность.

Нужно ли доказывать теоретическую фальшь подобного построения в условиях, складывающихся на последовательно социалистическом предприятии между рабочими и предприятием на данном этапе нашего развития? Нужно ли доказывать, что проводимая нами в настоящее время система сдельщины и система всяких других методов индивидуального поощрения рабочих в принципе ничего общего не имеют с капиталистическими методами оплаты труда и капиталистическим методом «битья рублем»?

В 1921 г. в тезисах, написанных т. Лениным и принятых XI съездом партии, о профсоюзах говорится, что «в обстановке допущенной и развивающейся свободы торговли» хозрасчет означает «перевод госпредприятий в значительной степени на коммерческие основания. Это обстоятельство, в связи с настоятельной необходимостью повысить производительность труда, добиться безубыточности и прибыльности каждого госпредприятия, в связи с неизбежным ведомственным интересом и преувеличением ведомственного усердия, неминуемо порождает известную противоположность интересов по вопросам условий труда в предприятии между рабочей массой и директорами, управляющими госпредприятий или ведомствами, коим они принадлежат»¹¹.

На практике партия все время решительно боролась против объективно имевшейся тенденции искусственного создания «известной противоположности интересов» между рабочими и директорами по вопросам условий труда. Даже в течение начального периода нэпа, когда хозрасчет имел известные элементы «коммерческих оснований», «в обстановке допущенной и развивающейся свободы торговли» всякое обострение указанной противоположности организовано преодолевалось. В тех же тезисах было предусмотрено противоядие против этих тенденций в виде усиления защитных функций профсоюзов. Последние должны были «постоянно поправлять ошибки и преувеличения хозяйственных органов, поскольку они вытекают из бюрократического извращения госаппарата».

Каким же после этого «преувеличением ведомственного усердия»

¹¹ Ленин, т. XXVII, с. 148 (разрядка наша—М. Б.)

должны страдать те, которые хотят ввести «неустойку» во взаимоотношениях между рабочей бригадой и начальником цеха в 1931 г., когда обстановка решительно изменилась?

Защитники идеи «неустоек» особенно подчеркивают взаимность материальной ответственности, т. е. и со стороны бригады и со стороны цеха. Они заявляют, что рабочая бригада, переведенная на хозрасчет, свои-то обязательства несомненно выполнит, и поэтому ей никогда не придется уплачивать цеху неустойку, а вот цеховая администрация очень часто не выполняет своих обязательств по отношению к рабочим по вопросу условий труда, пусть цех и находится под угрозой неустойки и даже оплачивает ее бригаде, это-де будет воспитывать администрацию цеха.

Но ясно, что именно эта «взаимность» выдает «теорию» гг. Рождественского и Каплуна с головой как «теорию», вводящую на данном этапе такую усиленную «противоположность интересов между рабочей массой и директором», какой не существовало и не могло существовать даже при советском «коммерческом расчете».

Как обстоит дело в действительности? В действительности существуют коллективный договор, Кодекс законов о труде, целая система сдельной и сдельно-премиальной оплаты труда, а также карательная система, достаточно детально регулирующие взаимоотношения между рабочим и предприятием в области условий труда. Тут не обходится без извращений, а порой и анекдотов. Так например известно, что на некоторых предприятиях система оплаты построена так, что рабочему выгоднее простаивать чем работать, ибо за час простоя ему уплачивают больше, чем за час работы. Поэтому нужно изменить и исправить недочеты систем оплаты, чтобы они действительно были поощрительными системами, свободными от уравнилельных тенденций. Если бы это учли сторонники неустойки, то они конечно перестали бы говорить о каких бы то ни было неустойках по взаимоотношениях с хозрасчетными бригадами, а занялись бы улучшением уже существующих норм и правил с точки зрения развития и внедрения хозрасчета во всем народном хозяйстве.

«Неустойка» еще и тем плоха, что она фактически снимает ответственность с цеховой администрации за работу бригады: предполагается, что рабочие сами о себе позаботятся. Между тем, хозрасчет ставит себе диаметрально противоположную задачу: усилить единоначалие и поднять ответственность административно-технического персонала за работу предприятий и каждой его ячейки.

Наконец неустойка может только отпугнуть отсталые элементы рабочих от хозрасчета бригад, в то время как одной из самых важных задач является вовлечение в это движение отсталых элементов и их перевоспитание на базе хозрасчета в сознательных строителей социализма.

Единственно правильной базой финансовых взаимоотношений между хозрасчетной бригадой и цехом может служить только стройная и гибкая система премий. На практике действительно везде установлена именно такая система. Однако, некоторые мудрецы пытаются из системы премий сделать систему штрафов. Так они предлагают начисленную премию за достигнутую хозрасчетной бригадой экономию не выдавать, а задерживать в течение нескольких месяцев в качестве страховки на случай, если в дальнейшем бригада проитра-

фится. Такой порядок вновь вернул бы дело к неустойкам и подорвал бы значение премиальной системы. Надо поэтому решительно пресекать подобного рода попытки.

Мы полагаем, что премии должны начисляться в те же сроки, что и зарплата, т. е. не реже одного раза в месяц, и выдаваться полностью при выплате зарплаты. Начисленная премия вообще во всех отношениях ничем не отличается от заработной платы. Поэтому цех должен выплачивать полагающуюся бригаде премию не зависимо от того, получил ли сам цех «прибыль» или «убыток» по всем своим операциям, имеет ли цех в целом экономию или нет: ведь сдельная оплата производится независимо от окончательных результатов работы цехов и предприятия в целом.

Попытаемся набросать вкратце ту систему, которая представляется нам правильной. Мы полагаем, что надо точно отделять премию, уплачиваемую за количественные достижения, от премии за качественные. Первая, насколько нам известно, целиком поглощается существующей системой сдельно-премиальной оплаты труда. Вторую надо ввести дополнительно для хозрасчетных бригад.

Хозрасчетная бригада получает таким образом двойную оплату: сдельно-премиальную наравне со всеми прочими бригадами, не перешедшими на хозрасчет, и премиальную за качественные достижения по экономии материалов, лучшему использованию инструмента и станка, за снижение нормы брака, повышение качества продукции и т. п. Сдельно-премиальная оплата (за количество продукции) не может выплачиваться бригаде по единой книжке, а должна выдаваться каждому отдельному рабочему индивидуально в соответствии с его разрядом и фактической выработкой. Иначе можно поступить с премией за качественные достижения: она может выдаваться по единой книжке бригаде в целом, и бригада может произвести распределение ее между своими членами в зависимости от индивидуальных заслуг каждого по достижению качественных улучшений за данный месяц. Из этой премии можно было бы даже выделить маленький неделимый фонд бригады для каких-нибудь совместных расходов ее, скажем, для приобретения учебников, книг, для производства испытаний, для предварительной разработки некоторых рационализаторских мероприятий, постановки опытов и т. п.

Необходимо также разработать вопрос о норме премий. В настоящее время на этот счет ясности нет, на практике норма премий колеблется в очень широких пределах, чуть ли не от 2% до 100% достигнутой по отдельным статьям экономии. Некоторую амплитуду колебаний нормы повидимому вполне целесообразно сохранить, предоставив ее определение сговору между бригадой и начальником цеха. В зависимости от предполагаемой трудности и важности достижения экономии по той или иной статье расходов, договаривающиеся стороны могли бы устанавливать различные проценты премии. Так начальник цеха может найти необходимым подчеркнуть особую важность экономии например цветных металлов и за это премировать усиленным процентом. Однако при всех условиях не может быть речи о том, чтобы отдать бригаде все 100% достигнутой экономии. Рабочие конечно никогда на это и не согласятся, поскольку в этом случае была бы полностью подорвана социалистическая основа хоз-

расчетного договора бригады. Как правило в среднем надо установить, что за качественные достижения бригада получает от цеха премию в размере 35—40%, а остальные 60—65% остаются в качестве фонда экономики цеха, т. е. в качестве фонда социалистического накопления.

Особо стоит вопрос об экономии, достигаемой путем сокращения состава бригады. Не представляет секрета, что у нас на заводах имеются порой довольно значительные излишки рабочей силы. Бригады, состоящие на хозрасчете, быстро выявляют эти излишки и путем более целесообразного распределения работы приходят к возможности выполнить задание при меньшем составе. Мы полагаем, что в подобных случаях вся экономия в зарплате должна быть отдана бригаде, иначе окажется, что хозрасчетная бригада ставится в менее благоприятные условия по оплате труда, чем нехозрасчетная, и тогда у бригад, особенно у отсталых слоев рабочих, не окажется никакого вкуса к переходу на хозрасчет, никаких стимулов к выявлению излишков рабочей силы.

Кроме вопросов оплаты труда и премии хозрасчет бригад выдвигает еще очень много конкретных вопросов, которые надо срочно разрешить в интересах успеха этого движения.

Остановимся хотя бы на некоторых из них. Самое понятие бригады далеко не уточнено. Товарищи с завода «Серп и молот» (Москва) очень правильно заостряют вопрос о том, что в металлургическом производстве может быть переведена на хозрасчет только такая бригада, которая обслуживает определенный агрегат во все смены, а не сменная бригада. Мы полагаем, что это относится вообще ко всем производствам, в которых имеется многочисленная работа, иначе нельзя изжить «обезлички» оборудования.

Но дело не может ограничиться ликвидацией «обезлички» только в отношении оборудования. «Обезличка» существует и в отношении ассортимента, вырабатываемого данной бригадой: бригада перебрасывается с одной работы на другую порой под общественным мотивом необходимости выравнять заработок путем обработки «выгодно» тарифицированных деталей в определенной комбинации с «невыгодно» тарифицированными. Такая дикая система тарификации к сожалению имеет место на очень многих машиностроительных предприятиях и вероятно не только на машиностроительных. Разумеется, эта система тарификации совершенно не вяжется с хозрасчетом. Хозрасчетной бригаде надо обеспечить в максимальной степени массовое производство тех или иных деталей. Нечего и говорить, что это может только содействовать улучшению качества работы не только бригады, но и всего цеха и всего завода.

Состав бригады надо еще организовать. Вряд ли было бы целесообразно, чтобы переходили на хозрасчет бригады в том составе, в каком они случайно оказались в данный момент. Надо обеспечить организующую роль цеха при переходе бригад на хозрасчет. Администрация цеха не может быть просто «второй стороной» при заключении хозрасчетного договора с бригадой: она должна бригаду организовать, конституировать, помочь ей установить постоянный состав, соответствующий подбор людей; проблема кадров в цехе—проблема важнейшая, планирование и распределение наличных сил требует тут большого такта, умения и системы. Надо обеспечить к а-

чественный рост наличных кадров, всячески стимулировать повышение квалификации не только путем книжной и школьной учобы, но и путем учобы на производстве, за станком. Несомненно, что одной из причин текучести является то обстоятельство, что во многих случаях рабочий теряет перспективу своего продвижения вперед, повышения своей квалификации. Поэтому, чтобы сделать состав бригады устойчивым, чтобы предотвратить беспорядочную текучесть, необходимо так поставить работу, что каждый рабочий будет специализироваться, повышать свою квалификацию и будет ясно видеть возможность повышения разряда и ставки, вообще возможность продвижения вперед.

Численность людей в бригаде и ее внутренняя структура — над таким вопросом еще мало думали, а хозрасчет бригад заостряет этот вопрос. Есть бригады в 2-3 человека и тут же бригады в 120 человек.

Обычно бригады имеют внутреннюю, более или менее развитую систему разделения труда. Однако, не всегда она достаточно продумана и обоснована. Сами рабочие бригады при подходе к своему хозрасчету сильно задумываются над этим и ищут способа улучшить свой состав и внутреннюю структуру. Надо также поставить вопрос об организации производственного обслуживания хозрасчетной бригады. Ныне в бригадах можно слышать частые нарекания на бригадиров, которые отлучаются от работы для раздобывания всяких материалов и вообще по делам бригады. Рабочие жалуются на бригадиров, что они при этом теряют много времени и даже злоупотребляют этим. Во всяком случае такие подозрения у рабочих имеются, и они могут оказаться небезосновательными. При переходе бригад на хозрасчет надо продумать этот момент. Если почему-либо нельзя организовать доставку материалов и инструмента силами посторонними, вне бригады, то приходится рекомендовать такой порядок, при котором бригадир выполняет свои особые снабженческие и представительские, бригадирские функции в нерабочее время. В некоторых бригадах бригадиры получают определенный (10—15—20) процент своего заработка специально за исполнение бригадирских обязанностей. Этот опыт нельзя не признать весьма удачным и правильным. В этих случаях бригадир приходит на работу за час до ее начала и уходит конечно последним.

О самом положении бригадира имеются некоторые разногласия. Некоторые настаивают на их полной выборности, другие наоборот требуют, чтобы бригадир назначался начальником цеха. Очевидно надо отвергнуть обе крайности. В бригаде несомненно надо развить максимум демократизма и товарищеской спайки. В то же время однако и цех не может остаться безучастным к тому, кто окажется бригадиром. Поэтому надо сохранить выборность бригадиров с последующим их утверждением начальником цеха.

Особняком стоит вопрос о хозрасчете бригад в производствах, организованных на конвейере. Несомненно, что здесь тоже есть место для хозрасчета рабочих групп, как и вообще здесь есть место для соцсоревнования и ударничества, но тут хозрасчет будет иметь известные отличия.

В ряде производств преобладает индивидуальный труд, не объединенный в бригаде. Во многих цехах наряду с бригадами имеются

и индивидуалы. Между тем уже в настоящее время практика выдвигает опыты перевода всех рабочих целых цехов на бригадный хозрасчет, получаются «цеха сплошных хозрасчетных бригад». В подобных случаях индивидуалы соединяются механически в группы. Опыт «цехов сплошных хозрасчетных бригад» еще очень незначителен, чтобы о нем можно было уже высказаться достаточно определенно. Можно лишь априори сказать, что этот опыт будет плох, если он будет подменять хозрасчет цеха как целой единицы. Сумма бригад цеха не составит, как и сумма цехов не составит завода, а сумма людей — скажем партии или класса. Но при полном хозрасчете цеха перевод всех его бригад на хозрасчет может оказаться мерой и вполне целесообразной и правильной.

Несколько слов в заключение об учете в хозрасчетной бригаде. Без правильно поставленного учета хозрасчет вообще немыслим, и в том числе и хозрасчет бригады. Однако учет, вернее, злоупотребление учетной техникой может вконец погубить хозрасчет бригад. Надо четко взять курс на то, чтобы учет по хозрасчетной бригаде мог осуществляться самой бригадой. Для этого он должен быть прост и доступен каждому грамотному рабочему: это должно заставить заводы форсировать введение учета по системе «стандарт-кост», по которой рабочим будет очень легко и понятно вести счет.

Мы далеко не исчерпали всех вопросов, возникающих в связи с хозрасчетом бригад. Ясно однако, что надо сделать для того, чтобы укрепить и развить это высоко важное и замечательное движение масс: во-первых, всемерно внедрять и укреплять хозрасчет предприятий и цехов, во-вторых, всячески поощрять и помогать бригадам переходить на хозрасчет, внимательно изучать и накапливать опыт и правильно руководить этим переходом, организовать его, ставить конкретно конкретные вопросы, в-третьих, бросить всякую болтовню о «неустойках» и понять, что хозрасчет бригады есть в большей мере форма социалистического соревнования, чем хозрасчет как рычаг управления, понять особенности и диалектику этого явления на данном этапе нашего развития.

Д. РОЗЕНБЕРГ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ В ШИРОКОМ И УЗКОМ СМЫСЛЕ

Предварительные замечания

Сейчас получило право гражданства деление теоретической экономики на политическую экономию в узком смысле и политическую экономию в широком смысле. Но еще совсем не так давно такое деление считалось неприемлемым. Подавляющая масса марксистов-экономистов, в том числе и пишущий эти строки, стояла на иной точке зрения, полагая, что политическая экономия есть наука о производственных отношениях только капиталистической системы. И в пользу этого положения выдвигался целый арсенал аргументов. Следовательно необходимо прежде всего эти аргументы подвергнуть тщательному пересмотру, выяснить, в чем их несостоятельность.

Это, во-первых. Во-вторых, деление теоретической экономики на политическую экономию в широком и узком смысле, хотя и получило, как мы сказали, право гражданства, но еще не подведен под это деление теоретический фундамент; еще не выяснены те методологические принципы, на которых указанное деление покоится. А отсюда, в-третьих, еще не совсем ясны и сами понятия: политическая экономия в широком смысле и политическая экономия в узком смысле. В-четвертых, необходимо отмежеваться от позиции Богданова и Степанова по этому вопросу. Их определение политической экономии гласит так: «Нашу науку (политическую экономию — Д. Р.) следовательно с полным основанием можно определить, как науку об основном строении общества»¹.

А под основным строением общества наши авторы понимают экономические связи общества. «Экономические связи общества образуют его основное строение»². Характерным в этом определении является то, что берется общество вообще — политическая экономия изучает, мол, основное строение, строение общества вообще. Мы на неприемлемости этого определения остановимся дальше, здесь же отметим лишь, что на первый взгляд может показаться, что деление политической экономии на «широкую» и «узкую» есть... замаскированное отступление к позиции Богданова и Степанова. А это и делает актуальной критику точки зрения указанных авторов; необходимо вновь подвергнуть ее обстрелу, но с более правильной позиции.

Словом, необходимо вести борьбу на два фронта.

Наиболее полно аргументы — как в пользу того, что политэкономия изучает только товарно-капиталистическую систему, так и в пользу того, что политэкономия изучает и другие экономические формации — были развернуты в дискуссии 1925 г. в Комакадемии. Тогда был за-

¹ А. Богданов и И. Степанов, Курс политической экономии, изд. 4-е, т. I, с. 3.

² То же (разрядка наша — Д. Р.).

читан доклад т. Степановым на тему «Что такое политэкономия». Поэтому и мы начнем с этой дискуссии.

Это важно еще и потому, что после этой дискуссии окончательно утвердилось представление, что политэкономия изучает только товарно-капиталистическую систему, — и притом настолько утвердилось, что оно даже получило, я бы сказал, характер догмы, и для всякого экономиста считалось просто неприличным пересматривать этот вопрос.

Дискуссия 1929 г. шла уже совершенно по иным так сказать рельсам. В этой дискуссии все стояли на той точке зрения, что политэкономия изучает только товарно-капиталистическую систему; спорили лишь о характере производственных отношений, о месте производительных сил в политической экономии и т. д. Поэтому дискуссия 1929 г. мною затрагиваться почти не будет.

Определение политической экономии, как науки о товарно-капиталистическом производстве

Итак, какие аргументы были выставлены в пользу того положения, что политэкономия изучает только товарно-капиталистическую систему? Их в основном три.

Первым тезисом, который можно назвать «ведущим», является следующий: товарно-капиталистическая система является своеобразной, исторически обусловленной системой производственных отношений, имеющей специфические признаки, отличающие ее от других экономических формаций. Тов. Бухарин кратко и сжато сформулировал это так: «Наша теоретическая ось, — заявил он, — это особенность капиталистического строя»³. Отсюда делался тот вывод, что разные экономические формации не могут изучаться одной и той же наукой, разным объектам исследования должны соответствовать разные науки.

Следующий аргумент бил гораздо дальше. «В третьем томе «Капитала», — говорил т. Преображенский, — Маркс по вопросу, который нас интересует, писал: «Если бы форма проявления совпала с сущностью вещей, то не было бы места для науки». Вывод отсюда таков, что по отношению к общественным формациям, где сущность отношений людей и форма их проявления совпадают, например по отношению к законченному социалистическому обществу, где закономерности будут проявляться не в стихийной форме неосознанных и непредвиденных процессов, и отношения между людьми не будут казаться отношениями между вещами, — по отношению к этим общественным формациям политическая экономия так, как понимал эту науку Маркс, является ненужной»⁴.

Особенность этого аргумента заключается в том, что даже отрицается необходимость и возможность теоретического изучения других кроме капиталистической экономических формаций. Здесь уже речь идет не о том, что разные экономические формации не могут изучаться одной и той же наукой, что нельзя создать единой всеобъемлющей политической экономии, а о том, что только один капиталистический способ производства может быть объектом теоретической нау-

³ «Вестник Комкадемии», № 11, с. 296. В этом номере помещены доклад Степанова и прения по нему.

⁴ Там же, с. № 308.

ки. В эту же сторону бьет и третий аргумент, который гласит: политическая экономия—существующая политическая экономия—имеет свой основной закон стоимости, а стоимость есть категория товарно-капиталистического хозяйства. Следовательно и вся политическая экономия есть наука лишь о товарно-капиталистическом хозяйстве. Обращаясь к т. Степанову, т. Бухарин задает вопрос: «Вот я вас попрошу в заключительном слове назвать хотя бы пять штук проблем, увязанных друг с другом, однако в которых бы не оперировали категориями ценности, заработной платы, прибыли, капитала, основного, оборотного и всяких других, ренты и прочих вещей. Это все — категории менового хозяйства. Вы хотите построить другую политическую экономию. Вот вы пожалуйста и постройте такую науку без этих категорий»⁵.

Итак другие экономические формации не могут быть объектом политической экономии потому, что к ним неприменимы категории ценности. И т. Бухарин последователен до конца — им политическая экономия определяется так: «Теоретическая политическая экономия есть наука о социальном хозяйстве, основанном на производстве товаров, т. е. наука о неорганизованном социальном хозяйстве». И дальше: «Таким образом конец капиталистического товарного производства будет концом и политической экономии»⁶.

Перечисленные три аргумента до недавнего времени повторялись и слегка варьировались почти во всей нашей учебной и популярной литературе по политической экономии. Толчком к пересмотру их было явление «XI Ленинского сборника». Только что приведенное бухаринское определение политической экономии Ленин считает: 1) «неверным» и 2) «шагом назад от Энгельса».

Присмотримся более внимательно и следовательно более критически к каждому из приведенных аргументов. Для каждого марксиста является бесспорным, что производство вообще не существует, что производство вообще — лишь пустая абстракция, что изучаться всегда должен определенный способ производства. Так же бесспорным является и то, что товарно-капиталистическое производство есть особое производство, есть определенный, исторически данный и исторически обусловленный способ производства. Рассмотрение производства вообще есть, уже не говоря о теоретической несостоятельности, не что иное, как апологетика буржуазного строя. «И например вся мудрость — говорит Маркс, — современных экономистов, доказывающих вечность и гармонию существующих социальных отношений, заключается в том, что они забывают об этих различиях (различиях между разными способами производства — Д. Р.) доказывая например, что никакое производство невозможно без орудий производства, хотя бы этим орудием была только рука, и что никакое производство невозможно без предшествующего накопленного труда, хотя бы этот труд представлял собою всего лишь сноровку, которую рука дикаря приобрела и накопила путем повторяющихся упражнений»⁷.

Не менее бесспорным является также то, что «главный труд Маркса—«Капитал»—посвящен изучению экономического строя современного,

⁵ Там же, с. 297.

⁶ Н. И. Бухарин, Экономика переходного периода, с. 8.

⁷ „Введение к критике политической экономии“. Сборник „Основные проблемы политической экономии“, с. 7.

т. е. капиталистического, общества» (Ленин). Да и сам Маркс, определяя предмет исследования «Капитала», пишет: «Предметом моего исследования в настоящей работе является капиталистический способ производства и соответствующие ему отношения производства и отношения обмена». Но следует ли из всех этих бесспорных положений, что политическая экономия, как теоретическая наука может изучать только капиталистическое производство? Нет, не следует, а следует лишь, во-первых, сделать тот вывод, который делал Энгельс, когда он писал своего «Анти-Дюринга»:

«То, что дает нам в настоящее время экономическая наука, ограничивается почти исключительно генезисом и развитием капиталистического способа производства: она начинает с критики остатков феодальных форм производства и обмена... затем развивает законы капиталистического способа производства и соответствующих ему форм обмена с положительной стороны... и заканчивает социалистической критикой капиталистического способа, производства, т. е. изложением его законов с отрицательной стороны, указанием на то, что этот способ производства путем собственного своего развития стремится к той точке, где он сам становится невозможным».⁸

Мы подчеркнули: «когда он писал своего Анти-Дюринга», так как сейчас и этот вывод уже не соответствует действительности. Сейчас при наличии двух систем хозяйства, капиталистической и советской политическая экономия уже изучает не только капитализм, но и принципиально отличную от него систему — экономику переходного периода. Правда, еще мало сделано в области изучения нашей экономики, но она все же изучается и изучается именно теоретически.

Во-вторых, из приведенных аргументов следует, что отдельные экономические формации должны изучаться отдельно, сообразно тем особенностям, которые им присущи. Но отдельные экономические теории отдельных экономических формаций, будучи внутренне связаны между собой единством метода и единством отправного пункта исследования, составляют единую науку. Они составляют политическую экономию в широком смысле. Как ни различны разные экономические теории разных экономических формаций,—все они имеют дело с материальным производством, с индивидами, производящими в обществе». Маркс в «Введении к критике политической экономии» пишет: «Предмет исследования,—это прежде всего материальное производство». И дальше: «Индивиды, производящие в обществе, следовательно общественно-обусловленное производство,— вот очевидно отправной пункт». И это есть отправной пункт для всех экономических теорий всех общественных формаций.

Также единство этих разных экономических теорий заключается в том, что ими развитие экономической структуры общества изучается как естественно-исторический процесс».⁹ Законы каждой экономической формации исчезают вместе с последней, появляется новый экономический строй и соответственно ему новые экономические законы, а политическая экономия открывает новую главу или, если

⁸ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, изд. 1928 г., с. 138-139.

⁹ Ленин в своей работе, «Что такое друзья народа» пишет, что Маркс «впервые поставил социологию на научную почву, установив понятие общественно-экономической формации как совокупности данных производственных отношений, установив, что развитие таких формаций есть естественно-исторический процесс». Собр. соч. изд. 1-е, т. I, с. 81.

угодно, новый отдел, предметом исследования которого является возникший новый способ производства.

А все-таки как построить политическую экономию без стоимости, т. е. как построить ее для натуральных систем хозяйства? Ведь по уверению т. Бухарина нельзя найти «хотя бы пять штук проблем, увязанных между собою, в которых не оперировали бы категориями ценности заработной платы, прибыли...» На это можем ответить словами Ленина: «Даже в чистом коммунизме хотя бы отношение $IV \div m$ и II с и накопление?» Конечно указанное отношение и накопление при коммунизме будут иными — не только по форме, но и по содержанию, однако они будут, следовательно они и будут объектом теоретического изучения. Но тут мы должны рассмотреть в данной связи и другой аргумент (приведенный раньше), согласно которому только в капиталистическом хозяйстве отношения людей принимают форму отношения вещей, в других экономических формациях отношения людей выступают открыто. Следовательно умозаключение: другие экономические формации, т. е. другие совокупности производственных отношений не могут быть объектом науки. Поэтому и производственные отношения при коммунизме, связанные с воспроизводством как предметов индивидуального потребления, так и средств производства, а также с накоплением, выступят открыто, п р о з р а ч н о. Их достаточно будет описать, но их не нужно будет изучать теоретически.

В этом силлогизме, выражаясь языком формальной логики, не только не доказана, но прямо-таки неверна средняя посылка: неверно, что в некапиталистических системах хозяйства форма и сущность явления совпадают. Правда при феодализме например эксплуатация, присвоение прибавочного труда выступает более открыто, чем при капитализме¹⁰; но это еще не значит, что при феодальной системе мы имеем полное совпадение формы с сущностью. Без анализа феодального способа производства нельзя понять и феодальных отношений; нельзя понять особенностей феодальной эксплуатации, хотя бы отличие ее от рабской эксплуатации. Также отношения людей и в бесклассовом обществе — в коммунистическом — нельзя будет понять без анализа коммунистического способа производства. Помимо того коммунистическое производство, коммунистические производственные отношения тоже не будут раз навсегда данными, неподвижными: и они будут в постоянном движении. Открыть закон этого движения — дело теоретической экономии.

По поводу заявления т. Бухарина, что «капитализм есть антагонистическая противоречивая система», Ленин замечает: «Архинеточно-Антагонизм и противоречие совсем не одно и то же. Первое исчезнет, второе останется при социализме».¹¹ Противоречие останется и оно, выражаясь по Гегелю, будет двигать социализм вперед. Изучение этого движения, его особенностей, его закономерностей — дело, повторяем, теоретической экономии.

Законом движения капиталистической системы является закон стоимости; поэтому и нельзя строить политическую экономию, изучающую эту систему, без категорий стоимостей. В коммунистическом обществе господствует план, не произвольный и не абстрактный план,

¹⁰ Марксом это рассматривается при анализе рабочего дня.

¹¹ „XI Ленинский сборник“, с. 357.

а обусловленный коммунистическим способом производства. Даже при чистом коммунизме исследователь будет иметь дело с «естественно-историческим процессом». А последний совершенно не будет так прозрачно выступать, как иногда воображают. «Скачок из царства необходимости в царство свободы» означает ведь лишь то, что необходимость будет осознаваться не *post factum*, а до наступления факта, но осознать ее возможно будет только на основании теоретического анализа и теоретического прогноза.

Господствовавшее до недавнего времени представление о политической экономии, как науке только о товарно-капиталистическом производстве в значительной мере мешало разработке теории советской экономики. Это представление направляло исследователя на ложный путь; ведь согласно этому представлению наша экономика может быть предметом теоретической экономии лишь постольку, поскольку в ней сохраняются еще товарно-капиталистические элементы. Поэтому в центре исследования долгое время стоял вопрос об отмирании у нас категорий политической экономии, о пресловутой дефетишизации производственных отношений и т. д. и т. п. Этим не хочу сказать, что указанные вопросы никакого интереса не представляют; но не в них центр тяжести теоретической работы по советской экономике. Внимание в первую очередь должно сосредоточиться на том новом позитивном, что у нас есть, крепнет, развивается. В первую очередь должны изучаться новые производственные отношения, ведущие свое начало от Октябрьской революции, их активное воздействие на развитие производительных сил. Словом наша экономика является предметом теоретической экономики не потому, что старое еще окончательно не умерло, а потому что новое вытесняет и переделывает старое; оно вытесняет и ликвидирует остатки капитализма: оно переделывает межтоварное хозяйство.

В заключение остановимся еще на определении политической экономии, которое дает Роза Люксембург. И она утверждает, что политическая экономия изучает только товарно-капиталистическое производство, но она приводит еще такой аргумент. Политическая экономия с самого ее возникновения является орудием классовой борьбы; вначале она была орудием классовой борьбы в руках буржуазии против феодального строя, а затем становится орудием классовой борьбы в руках пролетариата против самой буржуазии. И Роза Люксембург приходит к следующему выводу: «Победа современного рабочего класса и осуществление социализма означает таким образом конец политической экономии, как науки. Тут обнаруживается особая связь между политической экономией и классовой борьбой современного пролетариата»¹².

Что политическая экономия есть орудие классовой борьбы — совершенно бесспорная для всякого марксиста истина. Но отсюда опять-таки совершенно не следует, что «победа современного рабочего класса... означает конец политической экономии как науки». Ведь с таким же успехом можно утверждать, что победа пролетариата и осуществление социализма означает конец всех наук, в первую очередь всех общественных наук. Ведь все науки в классовом обществе являются орудием классовой борьбы. Следовательно вывод нужно делать сов-

¹² Р. Люксембург. Введение в политическую экономию, изд. 5-е, с. 66-67.

сем другой: в буржуазном обществе политическая экономия, как и другие науки, является орудием классовой борьбы; при социализме она — опять-таки как и другие науки — станет орудием развития социализма, его непрерывного движения вперед.

Итак, нет никаких оснований для того, чтобы делать, как выражается Ленин, «шаг назад от Энгельса».

Позиция Богданова и Степанова

Определение политической экономии, данное в «Курсе» этих авторов, мы уже привели. Определение это почти дословно имеется и в «Кратком курсе экономической науки» Богданова. «Политическую экономию,—читаем там,—можно поэтому с полным правом назвать наукой об основном строении общества»¹³. Или: «специальным предметом нашей экономической науки, или политической экономии является область общественно-трудовых отношений между людьми»¹⁴.

В этом определении отсутствует самое главное и решающее — отсутствует указание на то, что политическая экономия изучает «производственные отношения данного, исторически определенного общества в его возникновении, развитии и упадке» (Ленин). И это отсутствие объясняется не тем, что имеем неразвернутое определение, а общей так сказать установкой Богданова, общей его методологией. Согласно последней, политическая экономия изучает не то, что специфично для данного способа производства, а то, что обще всем способам производства. И это подчеркивается в только что приведенных определениях политической экономии. Любопытно в этом отношении заявление Богданова, тоже участвовавшего в названной дискуссии в Комакадемии. «Я сказал,—заявил Богданов,—что марксизм (я не сказал—политическая экономия) преодолевает фетишизм менового общества, и раз это сделано, непрозрачности нет, меновые отношения так и рассматриваются как отношения людей. Но как раз в этом пункте и начинается марксистская политическая экономия, потому что самое раскрытие затемняющих познание форм еще не относится к политической экономии. Оно относится к учению об идеологиях, и раскрытие производится методами исторического материализма вообще... Марксист-экономист может работать лишь после того, как выполнена предварительная работа раскрытия фетишизма и когда перед ним действительно прозрачные отношения»¹⁵.

Производственные отношения товарно-капиталистической системы проявляются как отношения вещей. В этом — один из характернейших признаков этой экономической структуры. А по Богданову выходит, что это лишь форма мышления, затемняющая сознание, а потому раскрытие этой формы относится к учению об идеологиях. Но сейчас — в данной связи — важно не это, а то, что, абстрагируя производственные отношения менового общества от форм их проявления, Богданов действительно получает прозрачные «общественно-трудовые отношения между людьми», но ценою абстрагирования от одного из важ-

¹³ А. Богданов, Краткий курс экономической науки, изд. 10-е, с. 3 (подчеркнуто Богдановым).

¹⁴ Там же, с. 12 (подчеркнуто Богдановым).

¹⁵ Цитир. „Вестник Комакадемии“, с. 303.

нейших, как сказано, признаков товарно-капиталистической системы. Если еще примем во внимание, что Богданов говорит об «общественно-трудовых отношениях людей», а не о производственных отношениях классов, то становится ясным, что Богданов фактически подменяет определенный способ производства и определенные производственные отношения общественно-трудовыми отношениями между людьми вообще.

Теперь перейдем к Степанову¹⁶. Он еще задолго до появления «Ленинского сборника» выступил в защиту энгельсовского определения политической экономии, но защищал он ее неправильно. Фактически им защищается богдановское определение политической экономии, а не энгельсовское, хотя формально он отмежевывается, и аргументация у него тоже иная.

Его аргументы в основном следующие. Политическая экономия изучает не абстрактный капитализм, а конкретный капитализм; первый—лишь ключ к пониманию последнего. В конкретном капитализме имеются остатки разных общественных докапиталистических формаций. Следовательно, изучая конкретный капитализм, мы тем самым изучаем разные экономические структуры. Далее: капитализм вышел из недр феодализма, а из недр капитализма выйдет социализм. Поэтому, изучая капитализм в его возникновении, развитии и исчезновении, мы вовлекаем в круг изучения и эпохи, предшествовавшие капитализму, и эпохи, следующие за ним. «Значит,—заключает Степанов,—расширение поля зрения и в ту и в другую сторону: и вперед, и назад, и к социализму, и к феодализму»¹⁷. Наконец Маркс в «Капитале» изучает не только капитализм, но и другие общественные формации. Им например изучаются развитие форм стоимости и возникновение денег, а это предшествовало капиталистическому способу производства. Более того, «выходит таким образом,—поясняет Степанов,—что, оставаясь в пределах капиталистических отношений, мы не можем разгадать денежной формы, что за ее объяснением нам приходится спуститься к экономике дикарей, что без истории денег нет их понимания»¹⁸. Степанов также ссылается на главы в III томе «Капитала», где Марксом изучается и докапиталистический торговый капитал, ростовщический капитал, докапиталистические формы ренты.

Первородный, так сказать, грех аргументации покойного т. Степанова заключается в том, что он не понимал, что разные экономические формации должны иметь разные экономические теории, что таким путем создаются в пределах единой политической экономии в широком смысле отдельные экономические теории, изучающие производственные отношения только данного, исторически определенного общества, что наконец «главный труд,—как говорит Ленин,—Маркса, «Капитал», посвящен изучению экономического строя современного, т. е. капиталистического общества». Не поняв этого, Степанов внес величайшую путаницу в определение предмета политической экономии и метода ее. Конечно в конкретном капитализме есть много остатков разных других формаций, но ос-

¹⁶ На его аргументации нам нужно остановиться более детально, аргументация же Богданова — явно немарксистская и никого в заблуждение ввести не может.

¹⁷ „Вестник Комкадемии“, с. 273.

¹⁸ Там же, с. 283.

татки эти подчинены закономерностям капитализма. Изучая их, мы изучаем тот же капитализм, воздействие его на остатки предшествовавших ему хозяйственных укладов. Также изучая капитализм в его возникновении, развитии и исчезновении, мы теоретически не выходим за рамки капитализма. Простая форма стоимости например нас интересует не как категория полуменового хозяйства, а как зародышевая форма категории капиталистического хозяйства. Маркс анализ начинает с товара не потому, что товар существовал в незапамятные времена, а потому, что товар есть «форма экономической клеточки буржуазного общества». Верно, что в «Капитале» имеется много экскурсов, и «назад, — как выражается Степанов, — и вперед: и з феодализм, и в социализм». Но эти экскурсы Марксом делаются для того, чтобы лучше оттенить и понять категории капитализма. Само собой разумеется, что этим самым Маркс яркий свет бросает и на докапиталистические отношения и на послекapиталистические отношения. Также само собою понятно, что для этого требуется знание некапиталистических формаций. Однако экономическая теория капитализма есть только теория капитализма, как экономические теории других формаций суть только теорий этих формаций.

Степанов не признает деления политической экономии на «широкую» и «узкую». Для него существует одна политическая экономия, которая изучает все экономические формации. Это и есть полное игнорирование того, что разные, качественно отличные друг от друга экономические формации должны быть и разно теоретически так сказать воспроизведены. Следовательно разным экономическим формациям соответствуют разные экономические теории — «политические экономии в узком смысле». Совершенно неверно, как многие думают, что эпитет «узкая» относится только к политической экономии, изучающей капиталистический способ производства; эпитет «узкая» относится ко всякой отдельной экономической теории, поскольку ею изучается одна исторически определенная экономическая формация. А политическая экономия в широком смысле не имеет какого-то особого объекта исследования, отличного от объектов отдельных экономических теорий; под ней понимается лишь совокупность последних, поскольку все они исходят, как мы уже сказали, из материального производства и исследуются ими «общественно-обусловленное производство индивидов».

Отдельные экономические формации не могут быть охвачены одной и той же теорией, во-первых, именно потому, что они различные формации, т. е. имеют особые, только им присущие, закономерности. Во-вторых, невозможно строить какую-то всеобщую, всеобъемлющую экономическую теорию и потому, что нельзя производственные отношения разных способов производства выразить в одних и тех же категориях. Не поняв этого, т. Степанов развивал в своем докладе до высшей степени путаную концепцию, — верные положения у него переплетены с неверными. С одной стороны, он возражает — и правильно возражает — против тех, которые только абстрактные главы «Капитала» причисляют к теоретической политической экономии и в конкретно-описательных главах видят одни иллюстрации. Но тут же необходимо отметить, что Степанов совершенно неправильно понимает значение абстрактного капитализма. «Но экономические категории абстрактного капитализма послужили для них (Маркса и Ле-

нина — Д. Р.) только ключом, необходимым для расшифрования фактических отношений»¹⁹. Материалист Степанов скатывается здесь на идеалистическую трактовку абстрактных категорий. Выходит, что абстрактные категории будто бы не выражают фактических отношений, а нужны только последовательно в качестве орудия «для расшифрования» этих отношений. Наоборот, в абстрактном капитализме Марксом дано наиболее общее, но в то же время наиболее характерное и специфическое для капиталистического способа производства, следовательно и наиболее действительное для последнего. «Научные (правильные, а не вздорные) абстракции,—говорит Ленин,—отражают глубже, вернее, полнее»²⁰.

Но это прямого отношения к обсуждаемому вопросу не имеет. Зато это дало лишний козырь оппонентам Степанова, и они стали обвинять его в «походе» против абстрактного метода Маркса, что не совсем соответствует действительности.

С другой стороны, Степанов выставил вполне правильное положение, что объектом теоретической экономии является всякая экономическая формация. Но поскольку он не провел различия между политической экономией в узком смысле и политической экономией в широком смысле, у него фактически получилась всеобъемлющая богдановская экономическая наука, в которой различные экономические формации, «сбрасывая» с себя свои особые «исторические костюмы», выступают лишь как «общественно-трудовые отношения людей». Правда Степанов всячески подчеркивает, что отдельные формации имеют свои особые закономерности, но это лишь делает его концепцию непоследовательной, внутренне противоречивой. С одной стороны разные экономические формации, а с другой — единая без всяких подразделений политическая экономия, изучающая эти разные формации.

В делении политической экономии на «широкую» и «узкую» как раз и подчеркивается как единство, так и различие разных способов производства, соответствующих разным ступеням в развитии производительных сил. Этим мы отмежевываемся и от тех, которые в указанном делении видят лишь указание на разные ступени развития политической экономии как науки. «Узкая» политическая экономия означает, мол, только неразвитость ее,—«узость» ее кругозора. Младенчество ее, когда оно ограничивалось изучением только капиталистического способа производства. А «широкая» политическая экономия означает дальнейшее ее развитие, «расширение» ее охвата, зрелость ее и переход к изучению и других, кроме капитализма, способов производства. Такая трактовка деления политической экономии на «широкую и узкую», сводит, во-первых, это деление на-нет, — всякая наука развиваясь переходит от «младенческого» состояния к «зрелому». Во-вторых, игнорируется, как это делает и Степанов, своеобразие разных способов производства и следовательно своеобразие экономических теорий, воспроизводящих эти разные способы производства. Деление политической экономии на «широкую» и «узкую» является принципиальным. Вполне правильно, что политическая экономия в широком смысле появляется позже политической экономии в узком смысле, но это значит, что первая есть лишь расшире-

¹⁹ „Вестник Комкадемии“, с. 267.

²⁰ „IX Ленинский сборник“, с. 183 (разрядка Ленина).

ние рамок второй. Политическая экономия в широком смысле появляется тогда, когда рядом с изучением капитализма начинают изучать и другие экономические отношения принципиально отличные от капиталистических отношений. Расширяется не предмет прежней политической экономии, а включается в исследование новый предмет — новая экономическая структура, создается и новая политическая экономия, которая вместе с прежней политической экономией и образует политическую экономию в широком смысле.

Политическая экономия в широком смысле создается у нас, создается тем, что мы создаем рядом с политической экономией, изучающей капитализм, и политическую экономию, предметом которой является советская экономика. Теория советского хозяйства не является продолжением или расширением политической экономии, изучающей буржуазное хозяйство, а принципиально от нее отличается. Однако при всем их принципиальном различии они (теория советского хозяйства и теория буржуазного хозяйства) представляют составные части единой экономической науки, т. е. политической экономии в широком смысле. Они представляют составные части последней, потому что предметом и той и другой теории является материальное производство в его исторической обусловленности, потому что и та и другая теория имеют дело с «общественно-обусловленным производством индивидов».

Политическая экономия в меньшевистской «концепции» Рубина

И. Рубин считает, что политическая экономия изучает только товарно-капиталистическое хозяйство. Более того, это для него такая «очевидная» истина, что он ее скорее декларирует, чем доказывает. «Достаточным» основанием этой «истины» является рубинщина, если можно так выразиться, в целом.

Если для Богданова товарный фетишизм не есть выражение объективного факта, не есть выражение того, что производственные отношения товарно-капиталистической системы выступают и должны выступать как отношения вещей, то для Рубина товарный фетишизм, фетишизация производственных отношений представляет то специфическое и особенное, что вообще характеризует товарно-капиталистические отношения. «Исходя,—говорит Рубин,—из определенной социологической предпосылки а именно из определенной социальной структуры хозяйства, политическая экономия должна прежде всего дать нам характеристику этой социальной формы хозяйства и свойственных ей производственных отношений людей. Маркс дает нам такую общую характеристику в своей «теории товарного фетишизма», которую правильнее было бы назвать общей теорией производственных отношений товарно-капиталистического хозяйства»²¹.

И Рубин удивляется, почему Маркс параграф «Тайна товарного фетишизма» помещает к концу первой главы, т. е. после анализа товара, стоимости, форм стоимости, а не раскрытия этой тайны» начинает главу, т. е. не начинает с «общей теории производственных отношений товарного капиталистического хозяйства». И Рубин вполне последователен, заявляя, что «теоретическая политическая экономия

²¹ И. Рубин, Очерки по теории стоимости Маркса, изд. 3-е, с. 12 (подчеркнуто мною — Д. Р.).

изучает определенную экономическую формацию общества, а именно товарно-капиталистическое хозяйство»²². У Рубина свой, как мы видим, аргумент в пользу такого определения политической экономии. Раз центр тяжести переносится на товарный фетишизм, на фетишизацию производственных отношений людей, или на «социальные — как Рубин любит выражаться — формы вещи» (на то, что вещь получает свойство выражать отношения людей), то те экономические формации, в которых вещи таких свойств не имеют, объектом политической экономии быть не могут. Это — во-первых. Во-вторых, нет смысла в делении политической экономии на «широкую» и «узкую» еще потому, что между разными экономическими теориями (если таковые и существовали бы), изучающими разные экономические формации, нет ничего общего. Отправным пунктом всех экономических теорий, как мы уже говорили, является материальное производство, «общественно-обусловленное производство индивидов». Но ведь это только по Марксу, а не по Рубину, извращающему Маркса.

По Рубину исходный пункт политической экономии есть товарный фетишизм, «социальная форма вещи». Материальное производство он всячески изгоняет из политической экономии. Материальное производство и производительные силы им приравниваются к технике, и они, по его уверениям, должны изучаться особой наукой. «Наука об общественной технике, находящаяся еще в зародышевом состоянии, должна сделать предмет своего изучения, — твердит Рубин, — производительные силы общества в их взаимодействии с производственными отношениями»²³.

Мы отнюдь не собираемся умалять значение товарного фетишизма, и т. Бессонов был неправ, когда он в полемике с Рубиным на этот путь фактически стал²⁴. Товарный фетишизм — одно из величайших открытий Маркса, совершенно неизвестное его предшественникам и современникам. Но товарный фетишизм обусловлен товарно-капиталистическим производством, следовательно он — производный момент. Распыление общественного производства между отдельными, формально независимыми товаропроизводителями и отделение на этой основе средств производства от непосредственных производителей обуславливают собою то, что отношения людей и отношения классов выступают как отношения вещей. Политическая экономия, изучая товарно-капиталистические производственные отношения, изучает и их вещное выражение, ибо без последнего мы не имеем полной характеристики и первых. Но подлинный предмет исследования политической экономии есть, как уже неоднократно подчеркивалось, «общественно-обусловленное производство индивидов».

Рубин, отрывая социальное от материального, форму от содержания, логическое от исторического, превращает учение Маркса в учение о «социальных формах вещей». Отсюда и вывод: политическая экономия есть наука только о товарно-капиталистической системе, так как только в последней она имеет дело с вещами и их «социальными функциями». Дальше в извращении экономического учения Маркса идти некуда. Маркс ставил себе задачу раскрыть закон развития капиталистического способа производства и этим вооружить

²² И. Рубин, Очерки по теории стоимости Маркса, изд. 3-е, с. 9.

²³ Цит. произвед., с. 10.

²⁴ См. его ст. в „Пробл. эконом.“ № 2 за 1929 г.

пролетариат в его революционной борьбе за свержение власти буржуазии, за социализм. А Рубин под флагом защиты Маркса от вульгаризаторов превращает его учение в орудие... познания «социальных форм вещей».

Неправильное определение политической экономии дано, как мы видели, не одним Рубиным. Неправильное определение политической экономии дается, как было уже отмечено, и такой выдающейся марксистской и не менее выдающейся революционеркой, как Роза Люксембург. Но поистине оправдывается известная поговорка: если двое говорят одно и то же, то все же говорят не одно и то же. Роза Люксембург говорит на революционном языке: правильно считая, что политическая экономия есть орудие классовой борьбы, она делает неправильный вывод, что с уничтожением классовой борьбы ликвидируется и политическая экономия. Рубин, как и другие его собратья из II Интернационала, выполняя «социальный заказ» буржуазии, старается прежде всего обезоружить пролетариат, лишая его наиболее острого оружия, т. е. извращая подлинное экономическое учение Маркса.

М. ГЕРЦБАХ

АПОЛОГЕТИКА КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ РАЦИОНАЛИЗАЦИИ

О книге Отто Бауэра «Рационализация — ошибочная рационализация». Вена, 1931 г.

I

Ленин неоднократно повторял ту мысль, что всякий кризис обнаруживает гниль, разложение существовавших до кризиса отношений, теорий, положений. Одним из последствий современного мирового экономического кризиса является обнаружение гнили, разложения всех теоретических положений послевоенной социал-демократии. Если в области конкретной практики, практики предательства и обмана интересов рабочего класса, международная социал-демократия проделала со времени войны эволюцию от социал-империализма к социал-фашизму, то в области теории II Интернационал проделал эволюцию от оппортунистического реформизма и либерализма к апологетике монополистического капитализма, к теориям «организованного капитализма», «хозяйственной демократии» и «демократического вращивания капитализма в социализм».

Семь лет тому назад Гильфердинг в своей программной статье «Проблема нашего времени» (напечатанной в «Gesellschaft» за апрель 1924 г.) провозгласил наступление новой эры, эры «организованного капитализма», при котором якобы «преодолевается анархия, имманентная капитализму свободной конкуренции», «уменьшается непостоянство капиталистических производственных отношений», смягчаются кризисы, становится во весь рост проблема регулирования хозяйства массой производителей, т. е. «хозяйственная демократия»... В течение этих семи лет теория «организованного капитализма» и «хозяйственной демократии» стала евангелием всей международной социал-демократии. Кильский партийтаг в 1927 г., Брюссельский конгресс II Интернационала (июль 1928 г.), Стокгольмский съезд Амстердамского интернационала (лето 1930 г.) в всех своих программных решениях исходили из позиций теорий «организованного капитализма» и «хозяйственной демократии».

Разразившийся во второй половине 1929 г. и все еще углубляющийся мировой экономический кризис нанес сокрушительный удар теоретическому зданию II Интернационала. Крахнула теория «смягчения кризиса» и «преодоления анархии организованным капитализмом», блефом оказалась взлелеянная международной социал-демократией теория «демократизации государства». Этим скандальным банкротством всех основных положений теоретиков социал-фашизма и объясняется факт небывалой теоретической растерянности современной социал-демократии перед лицом современного экономического кризиса, охватившего весь капиталистический мир.

Свыше полугода II Интернационалом проводился организованный «заговор молчания» по вопросам кризиса. Только весной 1930 г. социал-демократы робко заговорили об «ухудшении мировой конъюнктуры»; затем в суждениях II Интернационала о кризисе начинается разногласия: Нафтали в Германии силится до-

казать, что нынешний кризис — типичный циклический кризис, за которым следует новый подъем; Бауэр в Австрии говорит о «кризисе системы»; «левые» в Германии издают даже специальную книгу о «кризисе капитализма». Одновременно социал-демократические теоретики (характерно: и Нафтали в «Форвертсе» и Бауэр в венской «Арбейтер Цейтунг») выдвигают на авансцену апологетическую теорию «больших циклов» контрреволюционера и интервента проф. Кондратьева.

В горниле кризиса, наряду со всей «теорией организованного капитализма» полностью обанкротилась также социал-демократическая теория капиталистической рационализации. Теоретики II и Амстердамского интернационалов не только с самого начала «приняли» капиталистическую рационализацию, они ее славословили, приветствовали, прикрашивали, всячески доказывая, что только на основе рационализации капиталистического производства будет возможно увеличение производства, расширение рынков, а вслед за ними улучшение положения рабочего класса, в частности повышение заработной платы.

Вот что заявил докладчик о рационализации Иеккель на бреславском съезде ADGB. «Профсоюзы ничуть не противники методов рационализации, наоборот они всегда содействовали им. Именно потому, что я стою на той точке зрения, что рабочие являются элементом хозяйства, стремящимся к равноправию, рабочий внутри своей организации обязан, на мой взгляд, совместно с предпринимателями отыскивать те формы рационализации, типизации, тейлоризации и т. д., которые оказываются полезными для хозяйства». Сказанные Иеккелем слова содержат весь смысл многочисленных социал-демократических высказываний о рационализации, сделанных в течение 1925—1929 гг.

Что же осталось от этих теорий, в частности в Германии после четырех лет интенсивной рационализации? Пятимиллионная армия безработных, «безработный» на 50% «производственный аппарат», огромное затоваривание, абсолютное обнищание народных масс, резкое обострение классовых противоречий внутри страны и банкротство финансового хозяйства страны. Такой «финал» капиталистической рационализации не может не потребовать модификаций социал-демократических теорий. Меншевицкая парт- и профбюрократия великолепно видит, что шедшие за ней массы начинают осознавать лживость и предательский характер социал-демократических теорий, начинают тянуть социал-демократию к ответу, требуют погашения выданных им социал-демократическими и профсоюзными вождями векселей об «улучшении положения рабочего класса на основе рационализации», «о временном характере безработицы» и т. д. Не могут не видеть социал-демократические лидеры и того, что гигантские успехи социалистического строительства, полная ликвидация безработицы и неуклонное повышение материального и культурного уровня рабочего класса и трудящихся масс в СССР вызвали огромный фонт симпатий к Стране советов у широких пролетарских слоев, еще идущих за II Интернационалом. Отсюда «критика» капиталистической рационализации и послевоенного капитализма. Отсюда «новые» слова об СССР.

Рецензируемая нами книга содержит и то и другое.

Мы ниже увидим, что эта «критика» рационализации является не чем иным как апологетикой капиталистической рационализации, а «новые» слова об СССР являются не чем иным как «новым» обоснованием интервенционистской роли II Интернационала. А сейчас перейдем к самой книге Отто Бауэра¹, которой по всем видимостям суждено стать евангелием международной социал-демократии, столь нуждающейся в новой теоретической подпорке для своей контрреволюционной практики.

¹ Otto Bauer. Kapitalismus und Socialismus nach dem Kriege, B. I, „Rationalisierung-Fehlrationalisierung“, 1931, S. 226.

II

Книга Бауэра состоит из 4 разделов: «Техническая рационализация», «Рационализация и интенсификация труда», «Рационализация экономики предприятия», «Рационализация и хозяйственный строй».

Под рационализацией Бауэр понимает главным образом техническую реконструкцию производства, произведенную после инфляционного периода. «Техническое развитие, которое обычно совершается постепенно, шаг за шагом, должно было совершиться скачкообразно в короткий период времени. Поэтому военные и послевоенные годы образуют революционную фазу не только в социалистическо-политическом развитии, но и в развитии техники». Не станем останавливаться подробно на ошибочности данного утверждения, укажем лишь на полное непонимание Бауэром закона неравномерного развития капитализма, исключаящего «постепенное развитие техники», на отрицание свойственной монополистическому капитализму вообще и в особенности послевоенному капитализму тенденции к задержке технического прогресса (на этом вопросе мы остановимся ниже). Но в чем же по Бауэру заключается «техническая революция послевоенного периода»? В новых методах добычи энергии, сырья и в усовершенствованиях изготовления товаров.

Автор подробно описывает быстрое развитие в течение послевоенного периода процессов электрификации, теплофикации, газификации и т. п. При этом Бауэр тщательно замазывает социальную сторону анализируемых явлений. Например, явно увлекаясь успехами электрификации, Бауэр пишет: «Таким образом производительность труда в производстве энергии неизмеримо выросла. Удешевление электричества облегчает его применение. Электрический свет, несколько лет тому назад — роскошь богатых, проник в рабочую квартиру, в крестьянский дом, в сарай». Эту идиллию необходимо было вождю австромарксизма нарисовать для того, чтобы рабочие поверили в прогрессивность послевоенного капитализма и в благодетельность капиталистической рационализации. Бауэр ни словом не упоминает о тех десятках тысяч рабочих квартир в Европе и даже в САСШ, которые не имеют электрического света именно вследствие его дороговизны. Бауэр превозносит дешевизну электроэнергии, но ни словом не заикается о чудовищных сверхприбылях, извлекаемых монополизированным и финансовым капиталом — силовыми станциями, не приводит обнаруженный на Берлинском энергетическом конгрессе летом 1931 г. факт, что себестоимость электроэнергии на крупнейших силовых станциях в 15 раз меньше ее рыночной цены. Бауэр на протяжении всей книги вообще не упоминает об элементах загнивания, имманентных монополистическому капитализму и усиливающимся в эпоху всеобщего кризиса капитализма, зато он старательно подчеркивает «выгодность» и «прогрессивность» отдельных рационализаторских мероприятий капиталистических предприятий.

Остановимся на двух интересных заявлениях Бауэра, имеющих в той же главе о технической рационализации.

Указывая на прогрессирующую концентрацию и монополизацию электросиловых станций, социал-демократический теоретик капиталистической рационализации с явной скорбью вынужден констатировать банкротство столь распространенных как раз в Австрии идей «коммунального (или общинного) социализма».

Бауэр пишет:

«Маленькие местные газовые предприятия находятся под угрозой междугородных крупных проводок (Ferngas leitungen). Капитал вновь завоевывает области своего применения, которые были у него вырваны коммунальным социализмом. Не через коммунализацию они могут быть на продолжительный срок вырваны у капитала, а лишь через национализацию тяжелой индустрии...»

Признаться, мы не разделяем скорби Бауэра по поводу вытеснения позиций

«коммунального социализма», который служит для австромарксистов одним из основных средств одурачивания рабочих масс и источником теплых местечек для социал-демократических «бонз», но позволительно спросить Отто Бауэра: чем собственно отличались ныне вытесняемые монополистическим капиталом «коммунально-социалистические» предприятия от обычных капиталистических предприятий? Может быть на них был установлен семичасовой рабочий день, может быть они снабжали бесплатно электричеством австрийских безработных? И что эта за «национализация тяжелой промышленности», которая поможет бороться с монополистическим капиталом? Может быть такая «национализация», которая выдвигалась в 1919/20 г. германской социал-демократией и которая закончилась представительством (с хорошим окладом) для парочки- другой немецких профбюрократов в Eisenwirtschaft или Kohlenrat, проводящих систематический «нажим на германских горняков и обеспечивающих сверхмонопольные прибыли рурским трестам? Или может быть Бауэр имеет в виду ту «национализацию тяжелой в частности каменноугольной) промышленности, которую выдвигала предвыборная программа английской «рабочей» партии и которая ныне осуществляется правительством Макдональда в виде массового сокращения английских горняков и всяческого поощрения капиталистической рационализации каменноугольной промышленности Англии? Впрочем это выставление «революционных» лозунгов, «вообще», подробно анализированное еще в 1915/16 г. Лениным, — характерная черта теоретиков международной социал-демократии.

Большой интерес представляет и следующее место из той же первой главы рецензируемой книги. Бауэр с большим удовольствием описывает успехи послевоенного капитализма в области воздушного транспорта. «Продолжительность поездки на континенте и между континентами сокращается благодаря аэропланам и воздушным кораблям в такой же степени, в какой она сократилась одним столетием раньше переходом от почтового дилижанса к железной дороге, от парусной лодки к пароходу». И тут же следует перл: «Одновременно благодаря самолету революционизируется военная техника: с ужасами войны растет боязнь войны» («Mit dem Schrecken des Krieges wächst die Furcht vor dem Krieg»).

Итак рабочие массы империалистических стран и Советского союза могут быть совершенно спокойны: новых войн не будет, так как произошла революция военной техники и выросла (у империалистов) боязнь войны. «Написать такую пацифистскую пошлость в период ожесточенных противоречий в лагере империалистов, в период, когда империалисты находятся в состоянии непрерывных войн со своими колониями, когда под покровом пан-европейских и разоружительных конференций и деклараций куется цепь вокруг Страны советов и в капиталистическом мире происходит беспрестанный рост вооружения, — значит объективно помогать мировой буржуазии в подготовке империалистических войн и антисоветской интервенции.

Когда в разгар империалистической бойни Каутский выступил со своей знаменитой теорией «ультраимпериализма», одним из доказательств которой является «стремление к разоружению», Ленин заклеил эту теорию как «самую точную, наиболее искусно подделанную под научность и международность теорию социалшовинизма». Ленин заявил по поводу этой ультраимпериалистической теории, что «Каутский довел марксизм до неслыханного простиитуирования и превратился в настоящего попа», что заявлять «о стремлении к разоружению» значит: «от несомненных фактов, которые совсем не мирятся с теорией притуплений противоречий; прятаться под сень невинных мешанских разговоров и мечтаний»². Нам думается, что эта характеристика каутскианской теории «стремления к разоружению» полностью относится к бауэровской теории «роста боязни войны».

² Ленин, Крах II Интернационала, Собр. соч., изд. 2-е, т. XVIII, с. 252, 254, 258,

Переходим к следующей главе рецензируемой книги, где автор подробно останавливается на послевоенных сдвигах в области производства промышленного сырья и средств питания. Здесь читатель найдет сведения о новых семенных культурах, о применении удобрений, о механизации сельского хозяйства. Касаясь последнего вопроса, Бауэр приводит интересные исчисления экономической выгоды применения сложных сельскохозяйственных орудий, в частности комбайнов, и вынужден подчеркнуть, что сбережения эти орудия приносят только в применении к крупным хозяйствам («комбайн продуктивен только в хозяйствах, размером в 300 акров и полностью себя оправдывает лишь в хозяйствах размером в 1 000 акров»). Бауэр подчеркивает и тот факт, что технические сдвиги в сельском хозяйстве заокеанских стран вызвали массовое производство зерна и ухудшили положение европейского земледелия.

Переходя к техническим усовершенствованиям в горной промышленности (механизация добычи угля, гидрация угля и получение синтетической нефти, флотация в цветной металлургии, электрохимии), Бауэр нигде не указывает на тот общезвестный факт сравнительно слабого распространения этих усовершенствований, на консервацию ряда крупнейших изобретений последних лет. Достаточно упомянуть договор между мировыми нефтяными трестами и Германским химическим трестом о фактическом неприменении (по крайней мере за пределами Германии) патентов проф. Бергюса в области гидрации угля; факт скупки входящими в Европейский алюминиевый картель монополистами изобретения проф. Хеглунда в области добычи алюминия из глинозема, или скупку мировыми вискозными концернами (Кэрто, Глянштоф, Снио) изобретений проф. Лиленблума — факты, которые конечно известны Отто Бауэру, но которые он предпочитает замалчивать, ибо они противоречат его общей апологетической оценке послевоенной капиталистической рационализации.

Однако Бауэр не был бы идеологом австромарксизма, если бы он не приправил свою апологетическую концепцию капиталистической рационализации «левой» фразеологией. Примером последней может служить следующая «концовка» главы о добыче сырья:

«Мы располагаем небывало увеличившимся и усовершенствованным производственным аппаратом в добыче железа, стали, всех металлов; но этот аппарат бездействует, вследствие тяжелого кризиса сбыта. Мы можем производить азот из воздуха вместо того, чтобы его импортировать из Чили (селитру — М. Г.). нефть из угля вместо того, чтобы ее получать из дальних нефтеносных источников, мы можем древесный сахар, ценный корм производить из дерева вместо того, чтобы покупать американский маис. Но низкие цены на нефть делают гидрацию угля неэкономичной. Изготовление древесного сахара задерживается благодаря низким ценам на кормовые продукты. Производство синтетического каучука не может начинаться, так как цены на каучук слишком низки. За небывалым подъемом наших технических возможностей последовал тяжелый кризис сельского хозяйства, великая безработица во всех отраслях, производящих промышленное сырье». Эта цитата показывает, что даже там, где он вынужден подчеркнуть известные последствия капиталистической рационализации, Бауэр не вскрывает корень этих последствий, а анализирует их при помощи капиталистических категорий. Бауэр не видит основного противоречия, внутренне присущего капиталистическому производству, противоречия между общественным характером производства и частным характером присвоения, не видит (или не желает видеть) того, что именно капиталистическое применение технических улучшений и рационализаторских мероприятий приводит к кризису перепроизводства (не «кризису сбыта», как пишет Бауэр), к массовой безработице, к обнищанию широчайших слоев трудящихся города и деревни.

Из анализа Бауэра выстал в данной цитате, как и во всей его книге, так же

всеобщий кризис капитализма. Неправильно Бауэр объясняет также причины неприменения технических изобретений, в частности синтетического сырья. Мы в другом месте более подробно останавливались на этом вопросе в связи с проблемой так называемых субститутов⁸, здесь отметим лишь, что причины неприменения патентов по выработке синтетического сырья кроются не только в низких ценах естественного сырья. Бергиусовские патенты на синтетическую нефть находились под спудом и до кризиса, когда на мировом нефтяном рынке господствовали не низкие, а сверхмонопольные цены «Стандарт-Ойль» и «Рояль-Шелл». Отнюдь, не отрицая зависимости проблемы синтетического сырья от уровня цен естественного сырья, мы подчеркиваем, что главные причины неприменения новых технических улучшений и новых синтетических видов сырья кроются в монополистическом перерождении капитализма, в тенденции монополий задерживать технический прогресс, в скупке монополистами патентов, в монополистических соглашениях о неприменении синтетического сырья. Бауэр плавает по поверхности явлений, замечая только один фактор, задерживающий применение новых видов сырья, — «низкие цены», он не видит перепроизводства старых видов сырья, не видит того факта, что на основе всеобщего кризиса капитализма произошло огромное сужение покупательной способности потребителей. Не случайно именно в СССР, в стране строящегося социализма, проф. Бергиус нашел возможность построить первую в мире фабрику по промышленной реализации своего ценного патента на синтетический древесный сахар. Но об этом факте Бауэр ничего не сообщает своим читателям.

Рассмотрим второй раздел книги — «Рационализация и интенсификация труда». Здесь есть интересные данные о тейлоровских методах трудового процесса, о фордизации производства, о конвейере, о внутривозовском транспорте. Изложение ведется в спокойной буржуазном тоне, в терминологии модной для капиталистов науки об организации производства (Betriebswirtschaftslehre). Характерно, что автор, говоря о движущих силах капиталистической рационализации на протяжении всей главы, как и всей книги, не употребляет слова «прибавочная стоимость». Бауэр всюду пользуется типичными буржуазными терминами вроде: «повышение хозяйственного эффекта трудового процесса», «лучшее использование трудовой энергии», «избежание неэффективных трудовых процессов» и т. д.

Для буржуазного склада мышления Отто Бауэра характерно даваемое им определение сущности рационализации: «Ее (рационализации) сущность заключается в том, чтобы избежать возможно больше труда, который необходим для нужного полезного эффекта, и использовать таким путем сбереженную рабочую силу для увеличения хозяйственного эффекта» (с. 81). Кроме «рационализации в широком смысле» Бауэр констатирует еще понятие «рационализацию в узком смысле», или «биотехническую рационализацию», сущность которой он видит «в применении таких методов, которые повышают производительность рабочего без того, чтобы вызывать большую затрату трудовой энергии».

Бауэр признает, что на эти методы предприниматели решаются неохотно и что только в новых индустриях — в автомобильной, электротехнической индустриальной промышленности — широко применяется по рецептам «научной организации труда» биотехническая рационализация. В чем же последняя заключается? Автор перечисляет основные виды «биотехнической рационализации»:

1. Сбережение жизненной энергии, расходуемой вследствие неудобного положения тела рабочего: если работа производится в стоячем положении, рабо-

⁸ М. Герцбах, Международные монополии, изд. К. А., 1930, с. 232—294.

чего оберегают от движений, при которых ему необходимо нагибаться; где возможно стоячее положение — заменяется сидячим.

2. Рабочего оберегают от излишних движений (при помощи подвижных полок с инструментами и т. д.).

3. Получение максимального трудового эффекта в результате наиболее целесообразного выбора и применения станков, инструментов, машин и психотехническим путем установленных трудовых установок.

4. Введение кратких перерывов в работе, так как слишком длительное однообразие движения вызывает падение производительности труда.

5. Лучшая внешняя обстановка в помещении предприятия (освещение, температура, вентиляция).

6. Устранение психических торможений, уменьшающих производительность труда, путем лучшей охраны труда, установление радио, граммофонов. (Один находчивый предприниматель выпускает на предприятие кошек, чтобы за их игрой наблюдали во время трудового процесса работницы).

7. Улучшение жилищных условий рабочих, значительно повышающих их производительность.

На протяжении всей этой главы о биотехнической рационализации Бауэр занимается сплошным прикрасиванием действительного положения вещей на современных рационализированных капиталистических предприятиях. Он с удовольствием сообщает, что на некоторых американских предприятиях работницы во время перерывов укладываются на просторных качалках в удобных, обставленных радио и граммофонами залах, но умалчивает тот факт, что американские работницы не получают и двухнедельного выходного пособия по беременности. Раболопствуя перед своим действительным хозяином — монополистическим капиталом, Бауэр расписывает «рабочие квартиры», выстроенные (не для верхушки ли германской социал-демократической партии и профбюрократии) после войны заводами Круппа, но ни словом не заикается о тех десятках тысяч берлинских рабочих семей, которые вынуждены жить в сарайных лачугах и землянках, в то время как около 100 тыс. квартир в том же Берлине пустуют.

Но иначе Бауэр поступать не может, ибо он должен обосновать свой вывод, что в отличие от ранней эпохи капитализма теперь нет хищнической эксплуатации рабочей силы, что «капитал вынужден заботливо обращаться с рабочей силой». Однако, чувствуя фальшь этого основного вывода, логически вытекающего из всей главы о «биотехнической рационализации», Бауэр делает неожиданный поворот на 180 градусов и заявляет, что «для капитала сбережение человеческой энергии не является самоцелью» и что «биотехническая рационализация является для капиталистов лишь средством к интенсификации труда».

Глава об интенсификации труда наиболее слабая, наименее исчерпывающая во всей книге Бауэра. В то время как Бауэр, явно обобщая единичные случаи, подробно описывает методы «сбережения трудовой энергии», он очень скуп при анализе основного содержания капиталистической рационализации — максимальной интенсификации труда, максимального увеличения нормы эксплуатации рабочей силы. Правда, автор говорит об ускорении темпа машины, о конвейере, о сдельщине, хронометраже. Но Бауэр даже не пытается анализировать, как отражается бешеный темп конвейеризованных предприятий на живой рабочей силе, ничего не говорит о громадном истощении сил у работающих на сверхрационализированных предприятиях, о преждевременной «амортизации» миллионов рабочих, выбрасываемых с производства, так как они не в состоянии дальше поспевать за бешеными темпами конвейера. Бауэр относит к методам увеличения интенсификации труда также идеологическое воздействие предпринимателей на пролетариат путем размещения акций среди рабочих, пропаганды идей

«производственной демократии», специальной подготовки ученичества по системе Dinta (в Германии). Совершенно очевидно, что методологически явно ошибочно относить указанные средства воздействия на пролетариат к непосредственным методам повышения интенсивности труда. Производственная демократия, «распространение среди рабочих акций Динта» являются лишь частью общей системы идеологического воздействия буржуазии на рабочий класс, основными элементами которой являются спорт, печать (буржуазная и социал-демократическая), школа, церковь, буржуазное искусство. Но Бауэр не замечает еще одной «мелочи»: заявляя, что идеология производственной демократии служит целям повышения интенсивности труда, он забывает сообщить, что авторами этой идеологии являются не кто иные как теоретики II и Амстердамского интернационалов.

Большое место в книге Бауэра занимает раздел «рационализации экономики предприятия». В этой главе автор восхваляет «хозяйственный гений» «производственной бюрократии» и новейшие достижения «науки организации производства». Главнейшими устремлениями производственной бюрократии является по Бауэру индустриальная общность, нормирование и развитие экономики предприятия как науки.

Характерной чертой послевоенной рационализации Бауэр считает «коллективизацию технической и организационной работы» (крупнейшие лаборатории, бюро рационализации, концентрация изобретательства), вызванную «необходимостью скачкообразной, революционной реконструкции». Коллективизация «творческой духовной работы» выходит за пределы индивидуальных предприятий благодаря акцентуруемой Бауэром тенденции к «индустриальной общности»⁴ (т. е. обмена опытом и усовершенствованиями между специалистами крупнейших предприятий)⁴. Правда, этой тенденции «коллективизации творческой духовной работы» противостоит конкуренция между отдельными предприятиями, стремящимися использовать усовершенствования только для себя, чтобы победить в конкурентной борьбе своих соперников. «Однако, — пишет Бауэр, — это препятствие отпадает, когда предприятия объединяются в общности интересов (Interessen gemeinschaft), которые обмениваются между собой патентами или растворяются в концернах и картелях, монополизирующих рынок». И дальше следует любопытная фраза:

«...Коллективизация творческой духовной работы может поэтому прогрессировать только в связи с концентрацией и организацией капитала. Она является элементом перехода от более старого индивидуалистического капитализма, основанного на свободной конкуренции, к современному, организованному монополистическому капитализму» (разрядка моя — (М. Г.).

Итак лишь «организованный» монополистический капитализм обобществляет «творческую работу», лишь он ведет человечество по пути к прогрессу. В этом соль бауэровской концепции, тщательно замазывающей черты загнивания и упадка, свойственные именно монополистическому капитализму. Характерным для механистического образа мышления Бауэра является и то, что в приведенной фразе Бауэр противопоставляет монополию конкуренции, не видя, что последняя существует наряду и внутри первой. (В другом месте Бауэр в связи с проблемой стандартизации прямо заявляет, что «картелирование или трестирование исключает конкуренцию»).

⁴ Для опровержения этой «гармонистической» концепции достаточно привести тот факт, что увольняемые Германским химическим трестом инженеры-химики получают определенную компенсацию за обязательство этих химиков не поступать в течение 3 лет на службу к конкуренту.

III

Целую главу Бауэр посвящает «научному ведению предприятий». В ней он всячески восхваляет американские и германские конъюнктурные школы и научные системы так называемой «синтетической экономики», «анализа рынка». За недостатком места мы не останавливаемся на анализе этой главы, укажем лишь на то, что перед лицом небывалого экономического кризиса, охватившего весь капиталистический мир, Бауэр вынужден констатировать, что конъюнктурные институты не сумели предотвратить кризиса и что кризис уничтожил все исчисления и формулы, добытые путем «Marktanalyse». И позабыв на минуту свою теорию организованного капитализма, он заканчивает эту главу снова «левой» фразой: «Анархическое движение экономических сил нельзя преодолеть путем внедрения науки в капиталистическое руководство предприятием, а лишь уничтожением анархического способа производства».

В последнем разделе своей книги («Рационализация и хозяйственный строй») Бауэр пытается дать некую «философию эпохи». Его рассуждения сводятся к следующему: «рационализация 1924—1929 гг. была процессом приспособления послевоенного и послеинфляционного капитализма (Бауэр имеет в виду главным образом Германию) к новым условиям». Ядро этой рационализации лежит в технической рационализации, в «новой промышленной революции». Этот период, связанный с высокой конъюнктурой, созданной самой рационализацией (Rationalisierung Konjunktur), закончился, уступив свое место кризису (Rationalisierungskrise); однако сущность рационализации Бауэр видит не только в этой скачкообразной технической и организационной реконструкции и в процессе «приспособления, последовавшем за войной и инфляцией», а «в научном использовании рабочей силы», «в научном руководстве предприятием». Давая такое внеклассовое и внеисторическое определение капиталистической рационализации, Бауэр подчеркивает, что период этой рационализации отнюдь не закончился, а наоборот «мы находимся лишь у истоков этой тенденции развития».

Бауэр однако не может ныне перед лицом гигантского кризиса, глубже всего охватившего две наиболее рационализированные капиталистические страны — Соединенные штаты и Германию, — отрицать того факта, что проводившаяся при активной поддержке международной социал-демократии и реформистских профсоюзов капиталистическая рационализация привела к острому кризису перепроизводства, к массовой безработице, к резкому снижению жизненного уровня пролетариата. Вот почему он конструирует свою теорию «ошибочной рационализации» («Fehlrationalisierung», «рационализация впустую»), которая «невыгодна для общества». Ревизуя марксов закон о стоимости рабочей силы и становясь на позицию тугановской теории «социального распределения», Бауэр выдвигает «новую» концепцию заработной платы. Последнюю он делит на две части: 1) необходимую для воспроизводства жизненной энергии рабочего и 2) необходимую для воспроизводства трудовой энергии рабочего. Безработный получает лишь первую часть заработной платы или путем пособий по безработице, или через общественное попечение о бедных, или через частную благотворительность.

Эти расходы не являются элементами издержек производства индивидуального предпринимателя, а являются составным элементом общественных издержек производства. «Цель всякой рационализации — снижение издержек производства», пишет Бауэр, оставаясь верным своему по форме внеклассовому и внеисторическому, а по существу буржуазному пониманию капиталистической рационализации. «Однако предприниматель заботится лишь о снижении своих издержек производства, а не о снижении общественных издержек производства. Он может снизить свои издержки про-

изводства такими мероприятиями, которые увеличивают общественные издержки производства. Такую рационализацию мы будем здесь называть «ошибочной рационализацией». И рядом «ученых» алгебраических формул Бауэр старается убедить (очевидно предпринимателей, ибо рабочие и без того испытывают на своих плечах гибельные для них последствия капиталистической рационализации), как отдельные методы технической, биотехнической организационной рационализации и рационализации экономики предприятия могут («могут!» — М. Г.) привести к ошибочной рационализации, к излишнему переразвитию производственного аппарата, к ошибочным инвестициям, к вытеснению миллионов рабочих из производства, к увеличению «общественных издержек производства», к расточительности производственных сил общества. Бауэр повидимому серьезно пытается убедить своих читателей, что в условиях капитализма возможна иная «правильная», «справедливая» рационализация, которая не проводится за счет рабочего класса, не снижает его жизненного уровня! Апологет монополистического капитализма Бауэр не понимает (или делает вид, что не понимает), что на основе антагонистического капиталистического способа производства невозможна иная рационализация кроме той, которую он называет «ошибочной рационализацией»; идеолог австромарксизма не видит, как мы уже указали выше, основного противоречия капиталистического способа производства — противоречия между общественным характером производства и частным характером присвоения, противоречия, ярко проявляющегося в капиталистической рационализации.

В этом отношении чрезвычайно характерно даваемое Бауэром объяснение причины капиталистического кризиса. Вопреки известному положению Маркса, «что последняя причина всех действительных кризисов остается все же в бедности и ограниченном потреблении масс», Бауэр считает, что «последней причиной промышленного цикла является то, что капиталистическое общество не в состоянии возобновление, расширение и техническое усовершенствование производственного аппарата распределить планомерно и равномерно по отдельным годам, но концентрирует их на несколько лет с тем, чтобы их прервать на несколько лет...».

Как мы видим, Бауэру удалось сконструировать свою концепцию «ошибочной рационализации» полным отказом от марксизма, подменой Маркса Туган-Барановским.

IV

Большой интерес представляет то, что пишет Бауэр о Советском союзе и о нашем соцстроительстве. Мы не можем упрекать теоретика австромарксизма в том, что он игнорирует Советский союз. Наоборот, даже в первых главах своей книги, где описываются методы капиталистической рационализации, Бауэр считает необходимым сослаться на СССР. Но при этом Бауэр тщательно замазывает социальную сущность происходящих в Советском союзе явлений. Более того Бауэр стремится доказать, что никакой по существу разницы между социалистической и капиталистической рационализацией нет. Методологическое мошенничество Бауэра доходит до того, что например в главе о методах интенсификации труда в один ряд «с производственной демократией», с распространением акций среди рабочих на американских предприятиях, с германской системой идеологического развращения рабочих» «Dinta» Бауэр ставит... социалистическое соревнование и ударничество советских рабочих. Погрязшему в тине апологетики капиталистической рационализации Бауэру невдомек, что новые формы и методы труда, родившиеся и рождающиеся на соцпредприятиях в стране пролетарской диктатуры и служащие интересам пролетариата, ничего общего не

имеют с системой эксплуатации труда в рационализированных предприятиях капиталистических стран, служащие интересам кучки монополистов.

Бауэр однако не ограничивается мелкими сравнениями «у нас и у них». Он в заключение своей книги пишет специальную главу «Рационализация и социализм», на 90% посвященную Советскому союзу и обильно цитирующую советские источники. О, Бауэр не Штампфер (редактор «Форвертса»)! Он не станет заниматься неубедительной руганью по адресу СССР и не будет пользоваться потерявшими всякий кредит у читателя сообщениями «Соцсплетника» и «Руля» о «зверствах ЧК» и «неминуемом крахе большевистской диктатуры». Бауэр решил писать о Советском союзе «по-новому». Он признает, что в Стране советов осуществляется грандиозный план соцстроительства, что крушение СССР вызовет небывалое усиление реакции во всем мире, он признает, что у нас быстрыми темпами индустриализируется огромная, ранее отсталая аграрная страна. Он признает успехи соцреконструкции сельского хозяйства. Бауэр вынужден признать также, что в СССР не только ликвидирована безработица, но должно быть по пятилетнему плану вовлечено в производительный труд новых 19 млн. человек. Наконец Бауэр вынужден, правда, после ряда экивоков и огворок признать успешное выполнение пятилетки: «кажется мыслимым, что Советский союз перешел непоколебимо в зону наибольших опасностей, что цель, поставленная пятилетним планом будет достигнута». Но вместе со всеми этими признаниями и полупризнаниями, означаящими в своей совокупности как будто некую «смену вех» в лагере II Интернационала по отношению к формулировкам о Советском союзе (мы подчеркиваем: «к формулировкам о Советском союзе, а не к самому соцстроительству в Стране советов»), Бауэр заполняет ту же главу рядом заявлений и выводов о СССР, являющихся развернутой программой идеологического обоснования интервенции против Страны советов. Уже в начале этой главы, непосредственно после слов «социализм в наше время уже больше не абстрактная идея, уже больше не иллюзия, уже больше не утопия. Богатейшая по народонаселению страна белой расы борется уже 13 лет за создание социалистического общества», — Бауэр пишет: «Однако если разочаровавшиеся в своей вере в капитализм люди взирают на Советский союз, они видят там чрезвычайно низкий жизненный уровень, тяжелые лишения, брутальное господство насилия, кровавый террор». Несколькими страницами дальше Бауэр заявляет, что индустриализация в СССР куплена ценой введения принудительного труда. Говоря о продовольственных затруднениях в СССР, Бауэр делает исключительное по своей лживости наглости заявление, на которое до сих пор не отважился ни один из буржуазных авторов, писавших о СССР, а именно, что «жизненный уровень занятых рабочих в Советском союзе часто ниже жизненного уровня безработных в Западной и в Средней Европе». Бауэр смеет сравнивать непрерывно улучшающееся положение советского пролетариата, успешно преодолевающего трудности роста и последствия вредительства (проводившегося, как это установлено на процессе меньшевиков, весьма активно партийными коллективами О. Бауэра) с положением безработного пролетариата в Германии и Австрии, значительная часть которого (в Германии свыше 1 млн., в Австрии ¼ млн. человек) не получает решительно никаких пособий и обречена форменным образом на вымирание. Но Бауэр идет дальше: в СССР оказывается установлен не только принудительный труд для рабочих, но и для крестьян. Огромной исторической важности сдвиг в сельском хозяйстве СССР, происшедший за последние 2 года и приведший к переходу свыше половины всех крестьянских хозяйств в СССР на социалистические формы труда, к величайшим победам совхозов и МТС, к ликвидации эксплуататорских кулацких элементов на основе сплошной коллективизации деревни — по Бауэру лишь «загоняние крестьян в артели», «падение интенсивности их труда» и — самое интересное — «ликвидация наиболее

способных сельских хозяев». За этой неприкрытой защитой Бауэром кулачества следует менее обнаженная защита вредительской шайки специалистов-интервентов, разоблаченных и разгромленных шахтинским процессом и процессами «Промпартии» и «Союзного бюро РСДРП» под видом защиты индустриальной бюрократии и науки в СССР от «духовного рабства».

Такова «диалектика» идеолога австромарксизма в конкретном применении к соцстроительству от признания (на словах) победы пятилетки и успехов социализма в СССР к утверждениям о принудительном труде советских рабочих, к защите кулачества и интервентов, к прямой поддержке империалистов в подготовке интервенции против СССР.

А общие выводы книги Бауэра? Они кроются в «концовке» рецензируемой книги. Смысл ее таков: даже если победит социализм в СССР, западноевропейский пролетариат не должен следовать примеру русских рабочих. «Рабочий класс промышленных стран должен попытаться прийти к социализму не через гражданскую войну и диктатуру, а по демократическому пути, более мирному, избегающему ужасных жертв гражданской войны и единственно дающему возможным сотрудничество пролетариата с индустриальной бюрократией и с крестьянством».

Нужны ли комментарии к этой пошлой поповщине...

Пора подвести итоги. Книга Бауэра является: 1) ярким признаком теоретического банкротства и теоретического убожества современной международной социал-демократии, 2) прикрытой «левыми фразами» апологетикой капиталистической рационализации и монополистического капитализма, 3) рафинированной, тщательно замаскированной пропагандой интервенции против страны строящегося социализма. В этом, и только в этом смысл и «социальный заказ» книги Отто Бауэра.

М. Н. СМИТ

СОВРЕМЕННОЕ ОБНИЩАНИЕ ПРОЛЕТАРИАТА В СВЕТЕ ТЕОРИИ МАРКСА¹.

Теория обнищания, вытекающая из марксова закона всеобщего накопления, его учения об относительной и абсолютной прибавочной стоимости и заработной плате, была социал-демократией искажена и отвлечена от марксовой базы и от диалектической постановки. Вместо единой марксовой теории обнищания даются как бы две теории — теория относительного обнищания и теория абсолютного обнищания. Подобный разрыв этих двух моментов является глубоко механистическим. Анализ теории относительного обнищания и в особенности того, что пишет по этому вопросу современная социал-демократия, того, что когда-то написал Каутский в ответ Бернштейну, совершенно ясно показывает, что эта теория, взятая как таковая, характеризуется: 1) апологетической базой, 2) глубокой эмпиричностью и 3) совершенно механистическим пониманием марксова закона всеобщего накопления.

Теория относительного обнищания родилась в споре Каутского с Бернштейном, исходила в своих положениях из конкретных эмпирических наблюдений определенного периода и обобщила эти наблюдения на определенной апологетической базе, стремясь доказать отсутствие абсолютного обнищания. Социал-демократы пытались из конкретно-эмпирического материала, наблюдаемого на определенном отрезке времени, сделать самые недозволенные эмпирические выводы и обход теории.

Если расшифровать социал-демократическое понимание марксова закона, то оно в общем сводится к следующему упрощенному пониманию относительного обнищания: с одной стороны, имеется рост производительных сил, который берется в отрыве от производственных отношений, а с другой — имеются классы. Если с развитием производительных сил общество становится богаче, то при этом доля буржуазии в разделе вновь накапливаемого богатства всегда будет больше, доля же пролетариата меньше. А далее недостает лишь какой-нибудь формально-алгебраической схемы, — и механистическое построение будет налицо. Качественная сторона анализа отсутствует.

Каков же марксистско-ленинский подход к этому вопросу? Ни Маркс, ни Ленин никогда относительного обнищания от абсолютного не отрывали, ибо они не отрывают развитие производительных сил от производственных отношений.

В своем рукописном наследстве о заработной плате Маркс говорит следующее: «Итак в ходе развития зарплата понижается двояким образом: 1) относительно, по отношению к развитию общего богатства, 2) абсолютно, так как количество товаров, которые рабочий получает в обмен, все уменьшается» (с. 544).

В другом месте того же наследства Маркс пишет: «Положение рабочего класса по сравнению с капиталистами относительно ухудшается, так как стоимость наслаждений относительна, ведь сами наслаждения суть не что иное, как социальные наслаждения, отношения, соотношения» (с. 541).

Этим-то и отличается эмпирический и механистический подход от диалектиче-

¹ Сокращенная стенограмма доклада, прочитанного 21/X 1931 г. в Институте экономики Комкадемии.

ского. Первый исходит из наблюдаемого факта, второй — из теоретического анализа.

В следующем отрывке Маркс утверждает, что само развитие производительных сил приводит к абсолютному обнищанию. «Упрощение труда вызывает конкуренцию между рабочими.. всякая отрасль становится доступной» (с. 548). «...Всякое развитие производительных сил оказывается в то же время орудием против рабочих», ибо «рабочий становится все более односторонней производительной силой, которая производит как можно больше в как можно меньшее время; искусный труд все более превращается в простой труд».

Дальше Маркс анализирует связь развития производительных сил: 1) с развитием мирового транспорта, 2) с созданием международного рынка труда и 3) с выравниванием заработной платы в международном масштабе. Улучшение путей сообщения и развитие производительных сил транспорта являются также факторами ухудшения положения рабочих, заработная плата все больше и больше зависит от мирового рынка, положение рабочих «выравнивается».

Еще далее Маркс констатирует наличие «всеобщего закона» о том, что не может существовать двух рыночных цен на рабочую силу, причем господствует более низкая рыночная цена».

Факт отсутствия абсолютного обнищания в определенные эпохи доказывает только, что в связи с законом движения заработной платы, как его формулировал Маркс, в известные периоды может и не быть ясно выраженного абсолютного обнищания, и в эти периоды мы имеем налицо относительное обнищание. Эмпирическая констатация отсутствия абсолютного обнищания, сделанная для определенного момента, когда имеется налицо лишь относительное обнищание, ничего общего не имеет с теорией Маркса, с его диалектическим подходом к вопросам абсолютного и относительного обнищания и его пониманием неизбежности абсолютного обнищания пролетариата.

Вот как формирует Маркс закон движения зарплаты в XXIII главе I тома: «Отношение между капиталом, накоплением и уровнем заработной платы есть лишь отношение между неоплаченным трудом, превращенным в капитал, и добавочным трудом, потребным для приведения в движение добавочного капитала. Итак это отнюдь не отношение между двумя друг от друга независимыми величинами, — с одной стороны, величиной капитала, с другой стороны, числом рабочего населения, — это, напротив того, в последнем счете лишь отношение между неоплаченным и оплаченным трудом одного и того же рабочего населения. Если количество неоплаченного труда, доставляемого рабочим классом и накапливаемого классом капиталистов, возрастает достаточно быстро, для того чтобы превращаться в капитал только при чрезвычайном количестве добавочного оплаченного труда, то заработная плата повышается, и при прочих равных условиях неоплаченный труд относительно падает. Но как только это уменьшение достигает того предела, когда прибавочный труд, питающий капитал, не предполагается больше в нормальном количестве, наступает реакция: меньшая часть дохода капитализируется, накопление ослабевает, и восходящее или повышающее движение заработной платы прекращается. Повышенные цены труда следовательно заключены в известные границы, которые не только оставляют неприкосновенными основы капиталистической системы, но и обеспечивают ее расширенное воспроизводство. Закон капиталистического накопления, возведенный на степень истинного закона природы, в действительности выражает лишь то, что накопление по своей природе исключает всякое уменьшение степени эксплуатации труда или всякое повышение цены труда, которое могло бы серьезно повредить постоянному воспроизводству экономического отношения, именуемого капиталом, и при этом воспроизводству его в более широких размерах. Иначе и не может быть при таком способе производства, при котором рабочий существует для увеличения наличных ценностей, а не наоборот, материальное богатство — для развития пр-

требностей рабочего. Как в религии человеком управляет произведение его собственной головы, так в капиталистическом производстве им управляет произведение его собственных рук».

Думается, что это место из XXIII главы I тома достаточно отчетливо формулирует диалектическое понимание Марксом обнищания. Обнищание взято им в историческом развитии с объяснением того механизма развития его, который в известные моменты может допустить повышение заработной платы, но который в развитии своем неизбежно приводит к абсолютному обнищанию.

Социал-демократы, продолжающие именовать себя марксистами,— Браунталь и компания — ничего не оставили от этой теории Маркса, особенно в своих последних высказываниях. Но начиная от Каутского и до Браунталя эта механистичность и эмпиричность подхода в основе своей опирается на глубокую апологетичность. Сказать, что относительное обнищание существует как таковое — это значит сказать, что другого обнищания не существует, и что следовательно пролетариат абсолютно не нищает. Эта апологетичность, эта эмпиричность и механистичность сквозят из всех пор их «теорий».

Рабочую гипотезу, необходимую для овладения конкретным материалом по современному обнищанию пролетариата (абсолютному), можно сформулировать на основе XXIII главы «Капитала», рукописного наследства и ряда других высказываний. Маркс совершенно определенно говорит, что положение рабочего класса в каждый данный момент определяется отношением между резервной армией труда и активной армией труда.

Это выражение Маркса должно лечь в основу всякого исследования о положении рабочего класса, если оно стоит на сколько-нибудь научной базе. Но Маркс понимал это положение не только количественно, но и качественно. Формулируя это положение, Маркс говорит, что давление резервной армии труда в период ее роста заставляет активную армию труда работать на худших условиях и подчиняться всем «веляниям капитала».

Следовательно нужно показать не только абсолютный объем безработицы, не только наличие огромной резервной армии, но и ход ее развития, т. е. динамику этого явления. Анализ его с качественной стороны освещает новые формы кабальных отношений, неизбежно возникающих с ростом резервной армии. Это — второй момент, входящий в рабочую гипотезу, но и этого отнюдь недостаточно.

Третьим и чрезвычайно существенным моментом является анализ качественной стороны положения рабочего класса, иначе говоря всех фактов и моментов, характеризующих его действительное положение сейчас. Надо все время помнить о том, что капитализм — это есть строй постоянного противоречия между развитием производительных сил и производственных отношений, ибо, согласно приведенной выше формулировке Маркса из его рукописного наследства, само развитие производительных сил идет против рабочего класса, ухудшает его положение, а так как современный капитализм переживает огромный подъем производительных сил, то нужно проанализировать положение рабочего класса в свете роста производительных сил и воспользоваться всеми высказываниями Маркса, который с изумительной отчетливостью формулирует не только то, что было в его эпоху, но и дает прогноз того, к чему мы пришли сейчас.

Характеризуя самый материал, нужно сказать, что с одной стороны, мы имеем такое наследство, как работу Энгельса о положении рабочего класса в Англии, а с другой — бесчисленное количество современных обзоров, где плохо или хорошо склеены или сколочены отдельные цифры (к которым подходят иногда совсем без критики) и отдельные факты, взятые из опубликованных материалов. При этом факты взяты главным образом из материалов, опубликованных буржуазной прессой, а цифры взяты из буржуазной статистики; что же касается до публикаций братских компартий, то их пресса нам мало доступна, во многих странах недостаточно богата силами и средствами для ведения систематического учета

явления и не может уделять достаточное место фактам и цифрам. Поэтому мы часто ударяемся или в предельную абстракцию, в бесплодное теоретизирование, или же наоборот в накопление газетных вырезок. Нужно так поставить современное исследование вопроса, чтобы вовлечь в это дело пролетариат, — рабочих капиталистических стран — членов братских компартий. У нас нет Энгельса, тогда пусть будет коллективный Энгельс, пусть каждый внесет свою часть в общую работу и пусть каждый не забывает, что Энгельс делал свое описание на основе непосредственного общения с этим пролетариатом, и таким образом пролетариат у него был активным автором его книги. Как это сделать в современных условиях? Пока это удалось сделать только частично постольку, поскольку работа проводилась со студентами Международной ленинской школы, иначе говоря, с рабочими капиталистических стран.

Ряд вопросов о качественном положении пролетариата, таких вопросов, как современная рационализация, как новые формы кабальных отношений, складывающихся в капиталистических странах, удалось проанализировать и понять так, как почти невозможно понять, если исходить только из материалов, опубликованных в буржуазной прессе и в очень большом масштабе в партийной прессе. Таким образом удалось сделать в этом направлении сдвиг и частично хотя бы втянуть в дело этого исследования пролетариат как активное лицо.

Переходя к вопросу о современном состоянии резервной армии труда, необходимо напомнить, что основной задачей здесь является не только дать цифры, но главным образом показать явление в его развитии: масштаб же явления особенно ясно виден при сравнении с предыдущей эпохой. Кроме того абсолютные цифры как таковые достаточно известны, — мы их читаем в целом ряде документов, мы их читаем в ежедневной прессе. Такие цифры, как 35 миллионов безработных, 50 миллионов безработных, мы знаем, но нам нужно понять это явление в его диалектическом развитии. Поэтому группой, которая работала по этому вопросу, были сделаны все усилия, чтобы получить материал, который характеризовал бы дело именно в его историческом развитии, иначе говоря, чтобы сравнить объем и масштаб современного кризиса с кризисами прежними, предвоенными.

Дело это не легкое, ибо состояние буржуазной статистики таково, что на ее данные либо полагаться невозможно, либо они попросту отсутствуют. Имеется некоторый материал таких промышленных стран, как Англия и Германия, а в последнее время и САСШ, материал не официальной статистики, а профсоюзный. Этот материал не на 100% полный, ибо профсоюзы получали эти данные не по специальным обследованиям или формам регистрации, а лишь постольку, поскольку они платили пособие своим безработным, учитывали их для деловых целей и таким образом в порядке деловой отчетности всякое движение (рост или сокращение безработицы) оставляло в их материалах какой-нибудь след. Для Англии удалось получить материал примерно за 47 лет, материал достаточно отчетливый, для того чтобы показать рост процента безработных по кварталам в Англии. По Германии мы имеем материал, начиная с 1903 г., и для САСШ только за последние 3 года. В самое последнее время английские тредюнионы уступили это дело государственной страховой статистике. Это — тоже не статистика в собственном смысле слова, это — опять-таки след, который остается от делового акта, от регистрации учетного порядка, но она дает материал, который поддается обработке. Правда в дальнейшем на этой почве может получиться ряд жесточайших недоразумений, ибо там где социальное страхование перестает действовать, там где оно не сокращает круг зарегистрированных (а германское и английское социальное страхование на это как раз переходят), может получиться внезапное сокращение процента безработных или отражение сокращения там, где явление на самом деле растет. Конечно там, где такие факты налицо, приходится как-то перерабатывать, элиминировать материал и т. д. Тем не менее для трех промышленных стран —

Англии, Германии, САСШ — за самые последние годы мы некоторые материалы получили.

Несмотря на все несовершенство этого материала, характер современной безработицы, объем современной резервной армии по сравнению с предыдущими, известными в экономической истории кризисами, выделяется тут чрезвычайно рельефно: каждый из этих кризисов характеризуется как абсолютной высотой своего процента безработицы, так и длительностью периода кризиса.

1919 г. дает острую вспышку, но она длится недолго, она затрагивает следовательно меньшие массы. Наоборот, кризис 1908 г. характеризуется не только тем, что в нем 10% безработных, но и довольно длительным периодом. Для изучения обнищания это чрезвычайно существенный момент. Современный кризис имеет своими низшими точками 1923-1924 гг., но в историческом сравнении — это кризисные точки, ибо эти низшие для данной эпохи точки находятся почти на кризисном уровне, почти на уровне вершук предыхущих кризисов. Для Англии низшая точка — 1923 г. Это — уровень безработицы, который для довоенного периода был почти кризисным. То же самое в Германии. У нее точка 1925 г. опускается ниже, чем в Англии, но у нее и предвоенные вершук тоже ниже английских. Кризис, который начинается в 1921 г. по окончании войны и после подписания Версальского договора, следовательно приходится рассматривать как кризис, который длится 10 лет, как кризис, который захватывает в течение 10 лет колоссальные массы пролетариата, кризис, которого не знала предвоенная эпоха, кризис, равного которому мы не знаем в предыдущем. Здесь мы действительно видим не простой кризис, а генеральный кризис и мы видим не просто резервную армию труда, а закон ее развития, временно приглушенного войной. Непосредственно по окончании войны в ее развитии происходит новый, небывалый скачок.

Германия насчитывает по отношению к своему организованному в профсоюзы пролетариату 35% полностью безработных, а включая частично безработных — 50%. Америка насчитывает около 30% полностью безработных, и около 25% полностью безработных дает уже Англия.

О безработице можно говорить очень много; анализ ее по отдельным отраслям по средствам производства и по средствам потребления представляет собой громаднейший интерес даже на основе тех цифр, которые мы имеем, но это составит содержание специальной работы.

Пока важно было осветить явление в целом, важно было показать, что в современных условиях означает объем и рост резервной армии труда. А так как мы приняли рабочую гипотезу, что положение активной армии труда в каждую данную минуту или каждую данную эпоху определяется соотношением между резервной армией и активной армией, то естественно перед нами стоит вопрос: каково должно быть количественное и качественное положение активной армии в странах сильно индустриализованных, когда резервная армия вырастает до 35—50% или около этого?

У Маркса в рукописном наследстве есть такое выражение:

«Предположим, что имеется тысяча одинаково искусных рабочих и 50 из них без хлеба; в таком случае цена определяется не 950 занятыми, а 50 незанятыми». Это положение Маркса остается верным на 100%, и кроме того оно дает установку, освещающую путь исследования. В соответствии же с прогнозом и анализом движения, данным Марксом, оно становится особенно ценным. Таким образом, если мы исходим из этой тысячи, которую брал Маркс, то в современных условиях нам нужно перефразировать его пример так; если из тысячи рабочих 500 без хлеба, то каково положение остальных 500? Но ведь эти цифры — обработка неполных данных; в действительности дело обстоит хуже, и в целом ряде отдельных отраслей и областей имеется такое соотношение активной армии с резервной, где активная армия меньше резервной.

Второй количественный момент, который принято оперировать, когда речь идет о положении пролетариата,— это вопрос о заработной плате.

У Маркса по поводу буржуазной заработной платы есть два превосходных высказывания, которые остаются верными и поныне: больше того, они никогда не были так верны, как в нашу эпоху. Уже в своей брошюре «Заработная плата, цена и прибыль» Маркс говорит: «Капиталист может с удлинением рабочего дня уплачивать повышенную зарплату, и все-таки ценность труда упадет, если только повышение заработной платы не будет соответствовать увеличению труда и вызванному этим скорейшему истощению рабочей силы. То же самое может произойти и другим путем. Ваши буржуазные статистики, например, говорят, что средняя заработная плата семейств, работающих на фабриках Ланкашира, поднялась. Но они забывают, что вместо труда одного лишь мужчины теперь глава семейства, его жена, трое или четверо детей бросаются как жертвы под колесницу Джагернаута капитала и что увеличение всей суммы вознаграждения не соответствует увеличенной сумме выжатого из всей семьи труда».

И в III томе «Капитала» Маркс говорит: «Только уразумев отношения, действующие при образовании нормы прибыли, статистика приобретает способность предпринять действительный анализ нормы заработной платы в различные эпохи и в различных странах».

В условиях современной безработицы, в условиях данного объема резервной армии труда публикации приводят данные о тарифной ставке заработной платы, и если даже рядом с ними и публикуются данные об индексе дороговизны, то это несколько не повышает качества выводов, делаемых нами на их основе, ибо какова бы ни была тарифная ставка, но когда рабочий работает 6 месяцев в году, а в некоторых отраслях 3-4 месяца в году, то ясно, что его реальный доход ни в каком соответствии с заработной платой не стоит. И ясно еще также, что для того, чтобы что-нибудь понять в данных о так называемой реальной зарплате, нужно еще посмотреть, как буржуазная статистика обращается с понятием заработной платы, когда она выводит свой индекс дороговизны. Мы не будем здесь заниматься методологией статистики или алгеброй,—это завело бы нас слишком далеко, но если социал-демократы возводят в перл творения относительное обнищание, для того чтобы замазать абсолютное (а не для того чтобы констатировать его как факт, соответствующий определенному периоду развития), то буржуазные статистики идут еще дальше: они считают относительное обнищание законом природы и не признают никакого изменения в структуре рабочего потребления. Таким образом, если буржуазный статистик говорит, что номинал вырос на 60%, а дороговизна, или стоимость потребления рабочего, поднялась только на 30% по сравнению с каким-нибудь прежним периодом (как излюбленный период они берут точку 1913-1914 гг., и нетрудно доказать при анализе материала, что это была точка падающей кривой), то он предполагает, что тот тип потребления, та структура рабочего бюджета, которая имела тогда, не могла измениться за этот период. Но как составлялся первый бюджет рабочих? Об этом рассказывается открыто в учебниках статистики (см. например Меерварта). Взят в основу искусственный бюджет по норме потребления солдат с лишением всех возможных расходов социально-политического и культурного характера. Оставлены одни лишь расходы грубо физические, и индекс дороговизны не повышается, если только цены на эти предметы не повышаются. Иначе говоря, раз структура рабочего бюджета ни в чем не изменилась, раз нет новых расходов социально-политического характера, то и индекс дороговизны не вырос. Алгебраически очень легко доказать, что можно брать за индекс дороговизны отношение теперешней стоимости потребления к прежней только при условии, что в самом потреблении нет структурных изменений, что рабочий класс не ощущает новых потребностей, в особенности потребностей, связанных с ростом рабочего движения, с ростом поли-

тической борьбы. Имеется много профсоюзных документов, которые показывают, что рабочий ощущает это изменение структуры, что он борется с этим пониманием официальной статистики.

Не имея собственных бюджетных данных, мы можем внести лишь некоторые поправки, в бюджетные индексы буржуазной статистики. Прежде всего надо правильно понять самую структуру рабочего класса. Излюбленный прием буржуазных статистиков таков: они берут те отрасли труда, где почему-либо в данный момент имеется повышение, и независимо от доли, которую эта группа занимает по отношению ко всей массе пролетариата в данной стране, исчисляют повышение в среднем. Классический пример — это Англия, где бывшая аристократия рабочего класса — углекопы, машиностроители, вообще производители средств производства — теперь по отношению к другим отраслям находится в худшем положении. Даже данные официальной статистики показывают громадное уменьшение их реальной заработной платы, и наоборот, такие рабочие, как хлебопеки, обувники и пр., которые обслуживают буржуазию непосредственно, имеют иногда некоторое возрастание заработной платы. Это объясняется тем фактом, что исходная точка сравнения была именно для этих групп на таком низком уровне, что это был уровень биологического минимума. При выводе общей средней число отраслей, производящих средства производства (судостроение, добыча угля, обработка металла, машиностроение), не велико, отраслей же, производящих средства потребления, можно насчитать сколько угодно, и количественно перевесят последние. Но если взять удельный вес отраслей по числу охватываемого ими пролетариата, то окажется, что в Англии производители средств производства составляют больше половины английского пролетариата, и тогда даже при всех дефектах учета общая средняя перегибается в другую сторону.

Эту поправку можно внести наряду с некоторыми частичными поправками при вычислении индекса. Но самая существенная поправка состоит в том, чтобы считать не тариф, поделенный на индекс дороговизны, а вычислить реальный доход, т. е. помножить реальную зарплату на единицу минус процент безработицы. Движение же реального дохода показывает, что даже на фактически полученную заработную плату влияет соотношение двух армий — резервной и активной. Материалы по Англии за последние 30 лет, когда она потеряет свое могущество, дают регулярно падающую кривую. Эта падающая кривая имеет свои перипетии, которые очень много говорят тому, кто занимался рабочим движением в Англии. Но особенно ярко бросается в глаза резкое снижение реальной заработной платы во время войны; до 1913 г. падение идет с некоторыми колебаниями, но с определенно выраженной тенденцией постоянного неуклонного понижения. Колебания соответствуют кризисным точкам, резкое же понижение начинается с 1913 г. — это влияние войны и профсоюзной бюрократии, тянувшей рабочий класс к патриотическому отказу от требований повышения заработной платы в связи с ростом дороговизны. Дело доходит до биологического минимума. Поворот начинается с русской революции 1917 г. Повышение доходит до предвоенного уровня. Оно длится недолго, удерживаясь на этом предвоенном уровне столько, сколько нужно буржуазии и профсоюзной бюрократии, чтобы усыпить движение рабочего класса, чтобы успокоить начавшуюся тогда забастовочную волну. Кризис 1921 г. дает новый провал заработной платы, идут некоторые колебания, и сейчас положение таково, что в среднем английский рабочий получает 72% того, что он получал в начале этого столетия.

Таков в общих чертах анализ реального дохода (а не тарифных ставок). Именно об этом шла речь на XI пленуме ИККИ. По другим странам у нас нет таких статистических возможностей, как по Англии, но для Германии можно проделать такую же работу, беря за исходную точку сравнения 1913 г., а для САСШ к сожалению только 1923 г. (раньше нет данных о безработице), и даже по сравнению

с этими двумя точками 1913 г. и 1923 г. мы найдем, что при данных размерах резервной армии реальный доход американских рабочих составляет 62% по сравнению с 1923 г. — годом относительного благополучия, а в Германии 75% по сравнению с 1913 г. Это — при неисправленном индексе, это только с небольшими поправками к официальной лжи буржуазной статистики.

Все эти количественные моменты конечно, имеют и свое качественное выражение.

Но прежде чем перейти от количественной характеристики обнищания к качественной, к современной рационализации и к новым формам кабальных отношений, необходимо привести здесь два факта, сообщенные двумя иностранными товарищами и буквально отражающие положение Маркса о влиянии резервной армии труда на активную и о подчинении активной — «велениям капитала». Товарищ из колониальной страны — Сирии — сообщил, как мелкому предпринимателю, владельцу маленькой мастерской, понадобилось 7 рабочих: 34 пришли предложить свои услуги, и так как это было в маленькой колониальной стране, где весь рынок спроса и предложения труда помещается фактически на рыночной площади города, то дело происходило с чрезвычайной рельефностью: семеро работали, остальные 27 стояли вокруг и при каждом не удовлетворявшем сирийского лавочника движении, жесте семи работавших он их выкидывал и заменял другими. Тут резервная армия буквально окружала активную. Другой товарищ, американец, сообщил такой факт: в период всеобщего сокращения и закрытия детройтских заводов Форда и вообще автомобильной промышленности где-то прошел слух, что «у Форда нанимают». Это было зимой, и вот ночью вокруг завода Форда собралось, по данным сообщившего товарища, 32 тыс. безработных. Допустим, их было меньше, так как там вряд ли велась точная регистрация, но факт, тот, что количество их исчислялось тысячами, а может быть и десятками тысяч. На другой день было принято 400. Таким образом в Сирии мы имели отношение 34 и 7, в Детройте у завода Форда — отношение 32 тыс. и 400. Так мы получаем в современной действительности совершенно конкретную и наглядную реализацию марксовой теории, согласно которой положение пролетариата в каждый данный момент определяется соотношением резервной армии и активной. Лучшей конкретной иллюстрации марксова закона, чем эти факты — не нужно.

Теперь перейдем к качественной стороне дела и остановимся прежде всего на тех изменениях, которые вносит в положение рабочего класса в условиях роста резервной армии до ее современных пределов процесс капиталистической рационализации, в которой реализуются все положения из рукописного наследия Маркса о заработной плате. Упрощение форм труда при Марксе давало большие возможности переквалификации и переброски рабочих из отрасли в отрасль и из страны в страну. Ибо «само развитие производительных сил», как говорил Маркс, идет против рабочих. При современной рационализации капиталистического типа в условиях значительного роста производительных сил и подъема техники мы наблюдаем два совершенно определенных процесса: процесс рационализации в собственном смысле слова, направленный прежде всего на рост абсолютной прибавочной ценности, как таковой, и другой процесс — процесс сильной механизации труда, направленный на рост относительной прибавочной ценности. Конечно нельзя механистически одну форму рационализации нацело оторвать от другой, как делают многие товарищи, представляющие себе это дело слишком абстрактно и говорящие об интенсификации труда в чистом виде вне всяких изменений техники. Это является ошибкой, ибо сама организация новых форм труда, упрощение его, требует новой формы оборотования завода для введения так называемой конвейерной системы. Что же касается роста абсолютной прибавочной ценности, то последний не предполагает обязательно нарушения законодательных сроков рабочего дня, — он идет другими путями. Он идет путем колос-

сального уплотнения рабочего дня, колоссального усиления интенсивности, точнейшего учета рабочих минут и секунд.

Самый принцип рационализации разделения труда не нов, только в условиях новой техники он применяется в новой форме.

Но в дополнение к нему поставлена такая система учета минут и секунд человеческого труда, перед которой бледнеют все предыдущие эпохи. Современный капиталист содержит целую армию наемных шпиков, которые обязаны держать на учете все отправления рабочего, все его движения вплоть до естественных отправлений. Регулирование отправлений желудка входит в условия найма, и в той человеческой документации, которой мы располагаем, имеется много показаний такого типа. Этот учет секунд и движений в массовом масштабе создает такое уплотнение рабочего дня, которое дает уже само по себе колоссальный рост абсолютной прибавочной ценности. Но конечно венцом этого приема рационализации является доведенная до максимума система разделения труда, при которой операция рабочего есть не что иное, как один и тот же чрезвычайно ограниченный жест, производимый им в течение всего рабочего дня. «Другим источником деморализации, — пишет Энгельс, — является принудительный труд. Если добровольная производительная деятельность есть высшее из известных нам наслаждений, то работа вынужденная есть самое жестокое, самое унижительное мучение. Что может быть ужаснее необходимости каждый день с утра до вечера делать то, что тебе противно? И чем рабочий более развит, более человекен, тем более он должен ненавидеть свою работу, чувствуя всю вынужденность ее, всю бесполезность для него самого. Ради чего он работает? Чтобы удовлетворить свое естественное стремление к творчеству? Никким образом. Он работает ради денег, ради вещи, которая с самой работой ничего общего не имеет, он работает потому, что должен работать, и к тому же он работает так долго и работа, эта так непрерывна и однообразна, что уже по одной этой причине она должна стать для него мучением в первую же неделю, если в нем сохранилось хоть какое-нибудь человеческое чувство. С разделением труда это отупляющее действие обязательной работы еще более возросло. В большинстве отраслей труда деятельность рабочего ограничена мелкой, чисто механической манипуляцией, повторяющейся из минуты в минуту, из года в год. Какие человеческие чувства и способности могут быть развиты у человека, который с самого детства ежедневно в течение двенадцати часов и больше занимался приготовлением булавочных головок или опиливанием зубчатых колес — и все это в условиях жизни английского пролетариата? Дело не изменилось, когда стали применяться машины и движущая сила пара. Труд рабочего становится легким, мускулы напрягать не приходится, и самый труд упрощается, но зато он становится в высшей степени однообразным. Работа эта исключает возможность какой-либо духовной деятельности и все же требует от него такого внимания, что для хорошего ее выполнения он ни о чем другом не должен думать. Эта работа, отнимающая у рабочего все имеющееся у него время, едва оставляющая ему время для еды и сна, но не оставляющая ему времени для движения на свежем воздухе, наслаждения природой, не говоря уже о духовной деятельности, способна низвести человека до степени скота! И опять перед рабочим одна альтернатива: либо подчиниться судьбе, стать «хорошим рабочим», «верно» соблюдать интересы буржуа, и тогда он несомненно становится скотом, — либо возмущаться, всеми силами защищать свое человеческое достоинство, а это он может сделать только в борьбе с буржуазией».

Огромная научная ценность этого места из книги Энгельса состоит в том, что Энгельс не только характеризует свое время, но дает ключ для понимания процессов настоящего. Это не описание только, а метод анализа. Капиталистическая рационализация наших дней есть ступенчатое выражение той же тенденции того же процесса. Но так же как в росте резервной армии труда, и здесь мы

имеем опромный количественный рост, который дает скачок, который создает даже по сравнению с эпохой, описанной Энгельсом, новое качество явления. Типы разделения и упрощения труда, о которых говорят Маркс и Энгельс, так же бледнеют перед современными формами рационализации, уплотнения и разделения движений, как бледнеют предыдущие кризисы перед современным всеобщим кризисом капитализма. Здесь мы имеем дело с такой однотонностью, которая вызывает массовые психические заболевания; здесь мы имеем зачастую полное отсутствие каких-либо предохранительных приборов, каких-либо санитарно-гигиенических приспособлений. Здесь уместно вспомнить то место III тома «Капитала», где Маркс писал: «фабрики, сюда относится отсутствие всяких предохранительных мер, обеспечивающих безопасность, удобство и здоровье рабочих на фабриках в собственном смысле этого слова. Большая часть боевых бюллетеней, исчисляющих раненых и убитых в промышленной армии (см. ежегодные фабричные отчеты), исходит именно отсюда. Точно так же недостаток места, воздуха и т. д.»

«Капиталистическое производство относится крайне бережно к труду, уже овеществленному, воплощенному в товар. Напротив оно в несравненно большей степени, чем всякий другой способ производства, является расточителем людей, живого труда, расточителем не только тела и крови, но и нервов и мозга».

«Сбережение общественных средств производства, которое впервые вполне созревает в теплицах фабричной системы, становится в руках капитала вместе с тем систематическим похищением жизненных условий рабочего во время работы, т. е. грабежом пространства, воздуха, света и предохранительных средств против опасных для жизни или здоровья процессов производства, причем уже не может быть и речи о приспособлениях для удобства рабочих».

Параллельно росту абсолютной и относительной прибавочной ценности в связи с рационализацией идет и громаднейшая механизация труда. В работах буржуазных экономистов, анализирующих в журнальных статьях результаты введения врубовых машин, системы длинной проходки и т. д., приводятся данные механизации копей в Северной Франции, где недавно была забастовка, в Бельгии, в Руре. Однако нигде нет указаний на такой простой факт, что при росте добычи увеличивается выделение отравляющих воздух газов, ибо оно прямо пропорционально количеству добываемого угля, но ничего не делается для усиления вентиляции шахт. Поэтому даже буржуазная статистика заболеваемости не может скрыть громадного роста числа отравлений и калечений наряду с психическими заболеваниями.

Чтобы покончить с рационализацией, рассматриваемой лишь в очень грубых чертах, нужно остановиться еще на колоссальной деградации труда. В копиях больше не существует забойщиков, на заводах машиностроения больше нет квалифицированных мастеров, функции упрощены настолько, что сплошь да рядом то, что делал прежде квалифицированный рабочий, теперь делает первый попавшийся безработный, женщина или ребенок. Как это отражается на заработной плате,—этого не может учесть буржуазная статистика, не знающая отношений, действующих при образовании нормы прибыли. Это отражается прежде всего на структуре пролетариата — огромном росте той части рабочего класса, которая получает низкую заработную плату, и соответствующем уменьшении той части его, которая получает высокую заработную плату.

На этой почве и в условиях данного отношения резервной армии труда к активной возникают новые формы кабальных отношений. В буржуазной прессе об этом ничего нельзя найти. Но зато, когда в нынешнем году зашипела клевета о принудительном труде в СССР, материалы о формах кабальных отношений в разных странах посыпались, и человеческая документация уже имеется довольно значительная. Она настолько богата, что ее удалось несколько систематизировать, раз-

бить па группы и этим путем выявить из многих отдельных показаний общие типы — спецификус эпохи, характерный для разных стран

В общем удалось установить пять типов новых кабальных отношений. Первый тип — это импортный труд и контрактация. Размер импортного труда и тип его несколько меняются в зависимости от стран, с которыми мы имеем дело. Такие страны, как Франция и Англия, хотя в значительной мере пользовались импортным трудом, но все же в меньшем масштабе, чем САСШ. Очень сильно пользовалась импортным трудом до последнего времени французская угольная индустрия. Вербовщики направлялись в такие страны, как Польша и Румыния, где много голодающего крестьянства, там вербовали и оттуда вывозили во Францию, в самые скверные ее районы целые армии труда. Политически это были люди совершенно бесправные, они не имели даже права бастовать, они должны были жить в тех условиях и в тех казармах, в которые их отправляли, — малейший протест приводил к выбрасыванию их на улицу.

Ряд показаний свидетельствует о таком же положении ввезенных рабочих в ланкаширской текстильной промышленности, усугубленном еще ужасным фактом морального принуждения — обязательством штрейкбрехерствовать, обязательством заменять английских текстильных забастовщиков. Эта форма закабаления импортного труда особенно сильно чувствуется в Америке. Америка ввозит рабов отовсюду, откуда можно — из Филиппин, из Явы, из Китая, из Японии. Куда только можно, она посылает своих агентов. Таким образом она получает армию дешевого безответственного труда и этим способом еще воздействует и на свой собственный пролетариат. В период фюста безработицы это и есть формы контрактации труда в некоторых отраслях, где несмотря на сильно развитую безработицу те же формы закабаления применяются и к своему пролетариату.

Вторая форма, наиболее ужасная — это торговля безработными, иначе это назвать нельзя: безработные арестовываются под предлогом бродяжничества. В капиталистических странах на это имеются особые законы, сохранившиеся со времен первоначального накопления и даже усугубленные. Американские полицейские регулярно торгуют безработными. Правда по букве закона, если вы арестованы под предлогом бродяжничества, то вы имеете право либо отсидеть, либо откупиться штрафом, но на деле, если за арестованных их родственники или знакомые пытаются вносить штраф, этот штраф не принимается. Принципиальная установка этого ареста — перепродажа полицейскими этих безработных в наиболее тяжелые отрасли труда — во Флориду, где условия труда на лесозаготовках в лесных болотистых районах настолько тяжелы, что даже американский трамп их избегает, на рыбные промыслы Аляски, где работа тоже совершается в нечеловеческих условиях. Полиция занимается регулярной поставкой сюда безработных не только черных, но и белых. О черных и говорить не приходится: они работают принудительно, связанные друг с другом цепью в любой плантации Южных штатов. Но и к белым рабочим применяются телесные наказания. Были случаи смерти под поркой. Под колоссальным давлением рабочих порка была отменена, но заменена своеобразным наказанием — запиранием в тесный ящик, полный насекомых. У берегов Аляски завербованные рабочие, послушные велению капитала, должны жить в трюмах, и даже во время кораблекрушения и бури вооруженный полицейский надзор запрещает им выходить оттуда.

Наконец еще одна форма кабальных отношений — это система предприятий-лагерей. Фабрика или завод, будь то Лейнверке в Германии или сталелитейный завод в Питтсбурге, строится как закрытый лагерь. Мы имеем несколько описаний таких лагерей. В частности скоро выходит из печати брошюра о Лейнверке, написанная очевидцем-участником.

В этих предприятиях-лагерях вся система труда и жизни построена таким образом, чтобы оградить рабочего под охраной социал-демократической полиции от

какого-либо воздействия, от какого-либо влияния со стороны внешнего мира. Раз он вошел в ворота такого завода, для него оправдываются слова, которыми Данте характеризовал свой «Ад»: «Оставь всякую надежду входящий сюда».

Усовершенствованная система рационализации труда особенно удается в таких предприятиях-лагерях. Ибо последнее слово современной рационализаторской техники — это постройка таких сталелитейных, химических, военных и прочих заводов.

Но эта форма кабального труда естественно переходит в другую форму, которую американские рабочие остроумно называют «системой промышленного феодализма». Иногда капиталисту принадлежит предприятие-лагерь, а иногда капиталисту принадлежит целый город со всеми жилыми помещениями, торговыми предприятиями, словом все, что есть и живет в этом городе, и если даже человек не живет в лагере, а живет в городе, он закабален в таких же условиях. Имеется целый ряд статистических показаний о том, что ежедневно, ежечасно в крупных городах Америки десятки тысяч людей остаются без крова только потому, что они выбрасываются из жилых помещений, принадлежащих промышленному феодалу. Они увеличивают собой резервную армию бродяг, затем они арестовываются, затем перепродаются и т. д.

Любопытны случаи использования безработных в Германии так называемыми германскими социал-демократическими муниципалитетами и специальными организациями помощи безработным. Они из всех промышленных районов Германии, наиболее пораженных безработицей, насильно отправляли рабочих и особенно работников в северные районы улова рыбы. Там такие же тяжелые условия, как в Аляске. Женщин и девушек заставляют там жить в специальных закрытых женских тюрьмах. Условия труда им ставятся совершенно невозможные на том основании, что они — безработные и подлежат правилам определенной регламентации труда. Больше того, немецкие горнопромышленники открыто в своих газетах проповедают принудительную организацию труда.

Следующая форма кабальных отношений — это благотворительность. Она, если угодно, есть другая разновидность использования резервной армии труда. Ее часто встречаешь в небольших государствах, как Дания, Швейцария, и ею широко пользуются Англия, Австрия и Германия, а там, где имеются социал-демократические или социалистические муниципалитеты, — это можно сказать их монополия. Под предлогом помощи безработным, под предлогом выплаты пособий организуется другая своеобразная форма торговли безработными: вы можете умереть с голоду, если угодно, или вы можете принять грошовое пособие, но тогда вы обязаны за это грошовое пособие, гораздо более низкое, чем самая низкая номинальная заработная плата, работать на тех заводах и на тех фермах, на которые вас отправляют. Датские благотворители отправляют безработных на пивоваренные и винокуренные заводы и на фермы, немецкие благотворители отправляют их на стекольные заводы, где условия труда очень тяжелы, на рыбные промысла и т. д. Всюду оплата в 8—10 раз ниже нормальной, рабочий день в несколько раз выше нормального для подростков и значительно выше для взрослых. На этой системе благотворительного труда растет целый ряд новых капиталистических предприятий, новых капиталистических ферм. Тов. Мануильский говорил в своем докладе на XI пленуме ИККИ, что мы присутствуем при новой форме диктатуры буржуазии над пролетариатом. Когда читаешь это его выражение, то невольно вспоминаешь все эти специфические для нашей эпохи формы кабальных отношений.

Конечно всякий труд при капитализме есть принудительный труд, но в наше время, под давлением резервной армии, рост которой мы проследили, эта принудительность принимает такие специфические формы, каких может быть не знала даже эпоха, описанная Энгельсом.

Основной прием капиталистической рационализации, капиталистического

закабаления активной армии труда помощью резервной армии состоит в том, что буржуазия пытается провести известный психологический отбор: она из массы предлагающих свои рабочие руки ищет рабочего, которого французы остроумно называли «человек-бык»; она берет наиболее крепких физически, наиболее подавленных психологически и морально. В то время как компартии производят обратный отбор — вбирают в свои ряды все, что есть наиболее сильного и смелого, наиболее способного к борьбе, буржуазия старается с помощью вышешпривиденных приемов и многих других создать такую специфическую активную армию труда, которая была бы послушна велениям капитала. В статье Неймана, помещенной в «Большевике», говорится: «Буржуазия ведет неслыханное, беспощадное наступление на жизненный уровень рабочего класса. Однако только безнадежный кретин может думать, что международный пролетариат позволит без сопротивления высосать из него последние капли».

Приведенный здесь материал — беглый, недостаточный, в нем не хватает очень многого: в нем не хватает положения колониального труда, положения сельскохозяйственного труда, истории социального страхования, данных о смертности и заболеваемости и т. д. Все это новые и новые главы, которые нанизываются одна на другую.

Но уже сейчас необходимо сказать, что работа по вопросу об обнищании пролетариата должна иметь своим центром тяжести не только теоретические дискуссии и не бесконечное обсуждение оторванных цифр и данных, относящихся к отдельным кварталам XIX столетия — то, чем у нас немало занимаются. Надо заняться сегодняшним днем, собрать с помощью прессы и человеческой документации весь материал, какой мы только можем собрать, и так систематизировать его, чтобы международный пролетариат мог использовать наше описание в своей борьбе.

В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ»

Ввиду того, что в настоящее время поступило в продажу 2-е издание II тома моей работы «Субъективная школа», считаю необходимым заявить следующее: настоящая книга была напечатана еще в начале января 1931 г. Задержка выхода ее в свет произошла не по моей вине. За это время имело место обсуждение моих работ в Комакадемии и в печати, в результате которого я пришел к необходимости критического пересмотра моих работ. В своем выступлении в Комакадемии от 27 января с. г., я дал развернутую критику целого ряда антимарксистских ошибок, допущенных в моих работах (в том числе и в настоящей книге). Основные недочеты последней заключаются в следующем:

а) недостаточно вскрыты классовые корни и недостаточно выпячена апологетическая сущность математической школы (в частности тенденция «математиков» к сближению стихийного и организованного хозяйства объясняется их апологетическими устремлениями, а не желанием ликвидировать порочный круг, заключающийся в теории спроса — предложения);

б) не вскрыта ошибочность теории равновесия, лежащей в основе экономического учения математической школы;

в) слишком далеко идущее сближение математической школы и австрийской;

г) неверное истолкование Курно как предшественника математической школы;

д) ряд неточных формулировок в главе об особенностях методологии Маркса.

В связи с этим считаю необходимым указать, что содержание настоящей книги ни в коей мере не соответствует тем позициям в вопросе о критике современной буржуазной теоретической экономики, которые я занимаю в настоящее время.

И. БЛЮМИН

Чр. 50 к.

ОТ РЕДАКЦИИ

Редакция журнала «Проблемы экономики» считает необходимым указать, что в изложении доклада т. Борилина «о вступлении в период социализма» и прений по докладу допущен целый ряд опечаток, небрежных и неверных формулировок, искажающих смысл выступлений авторов.

Напр., на с. 153 в изложении выступления тов. Бутаева говорится о «подавляющем количестве всех хозяйственных рычагов», в то время как т. Бутаев говорил о «всех хозяйственных рычагах в руках социалистического сектора». На с. 154 вследствие технического недосмотра напечатано совершенно искажающее мысль т. Бутаева положение: «продуктообмен, осуществляемый при отсутствии денег, превращается в социалистический товарообмен» и т. д.

Искажения эти имели место вследствие ряда технических упущений и недостаточно тщательного просмотра изложения, сделанного доклада по невыправленной стенограмме, доставленного в редакцию в готовом виде.

О ПЕЧАТКИ:

Стр.	Строки	Напечатано	Должно быть
99	5 снизу	последнее есть понимание стоимости по наименьшему уровню	последнее есть понижение стоимости к наименьшему уровню.
104	19 снизу	Экономического кризиса	Экономического анализа
108	2 сверху	Как показали цифры, развитие капитала	Как факты, развитие капитализма.
110	19 снизу	и по ином	и на ином
116	6 сверху	что высокая	что низкая
118	17 сверху	но хотят	но хотя
138	2 сверху	Экономической жизни	Экономической мысли
138	8 снизу	соображений	положений